

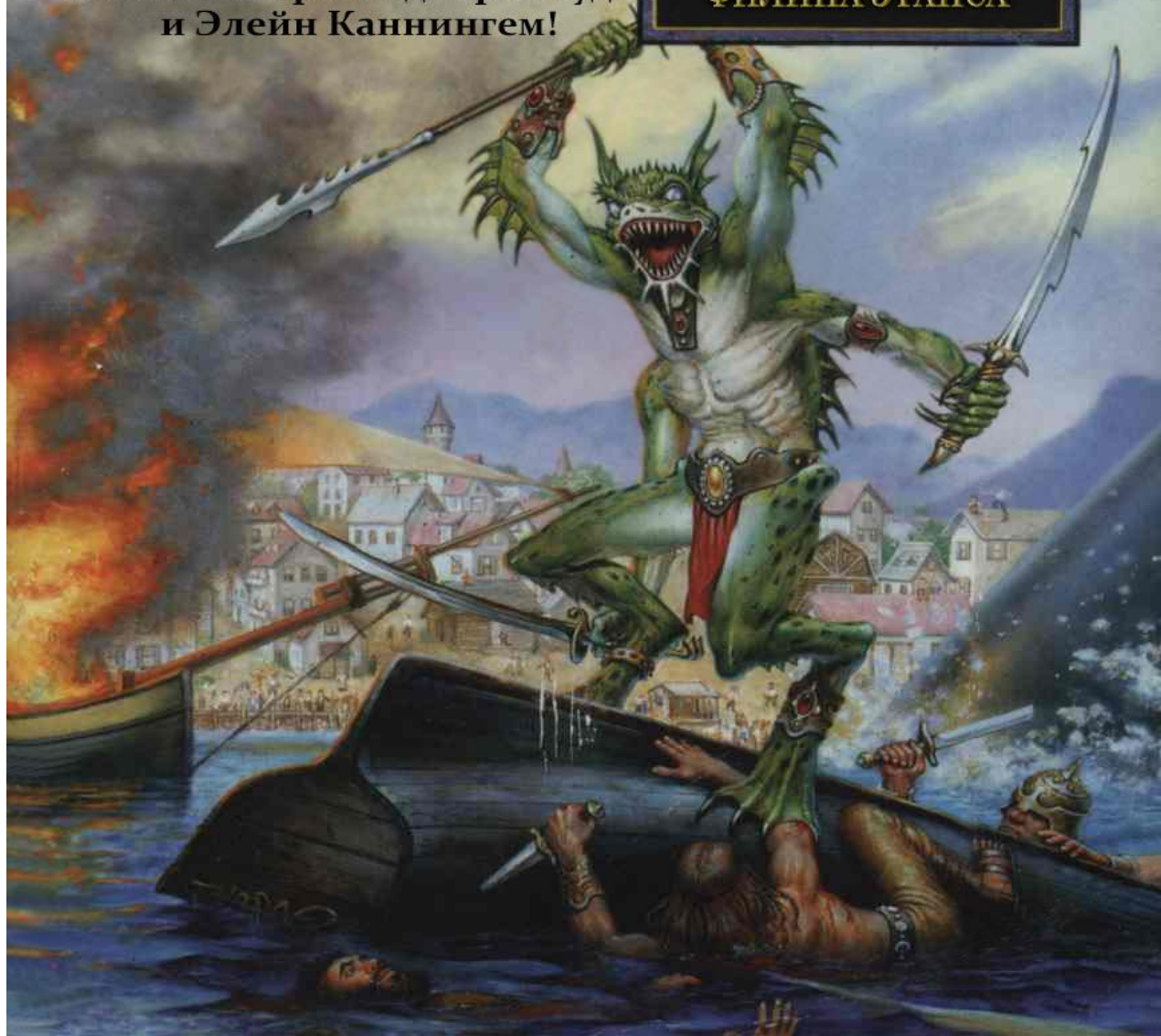

Королевства Глубин

УГРОЗА ИЗ ГЛУБИН

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ФИЛИПА ЭТАНСА

Новые истории Эда Гринвуда
и Элейн Каннингем!

Никто не останется в безопасности, когда армии Зла поднимутся из морей Фазруна. В бушующей по всем морям и побережьям войне много героев, много злодеев и неисчислимое количество жертв. Юный маг сражается с Хелбеном Арунсуном, чтобы защитить Глубоководье от сил вторжения. Рыбчеловек стремится выполнить свою отчаянную миссию и добраться до Моря Павших Звезд. И посреди ужасов войны, рифовый великан пытается спасти от уничтожения хрупкий коралловый лес. В качестве дополнения к эпической битве в "Угрозе из глубин" - тринадцать новых рассказов от таких звезд Забытых Королевств, как Эд Гринвуд, Элейн Каннингем, Мел Одом, Трой Деннинг, Лин Эбби и Клейтон Эмери.

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons "**Forgotten Realms**". Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Команда переводчиков:

1. Нелёгкие решения - Линн Эбби - **Habilis**
2. Пламя есть пламя - Элейн Каннингем - **Habilis**
3. Посланник в Сэрос - Питер Арчер - **RoK**
4. Место, где стража храпит на постах - Эд Гринвуд - **RoK**
5. Гиблое дело - Ричард Ли Байерс - **RoK**
6. Выкованный в огне - Клейтон Эмери - **RoK**
7. Та, Кто Следует Течениям Секолы - Мел Одом - **Максим Баранцев**
8. Кристальный риф - Трой Деннинг - **Максим Баранцев**
9. Патруль - Ларри Хоббс - **Максим Баранцев**
10. Звезда Тетира - Томас Рейд - **RoK**
11. Клинок Персаны - Стивен Шенд - **RoK**
12. Поднимается тёмный прилив - Кейт Фрэнсис Стром - **Redrick**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно. ;-)

«КОРОЛЕВСТВА ГЛУБИН»

Под редакцией Филипа Этанса

ТРУДНЫЕ РЕШЕНИЯ

Линн Эбби

19 Чеса, Год Перчатки

“Что произошло?” - осведомился седобородый мермен.

“Сахуагины”, - ответил Шемсен.

Еще вчера в прорезающих шельф каналах, исходящих от Уотердипа, располагалось двадцать два сторожевых поста. Сегодня их осталось двадцать один.

Мермен нахмурился в дрожащих тенях мягкого, зеленоватого сияния живых ламп, которые он и его спутники сняли с упряжи морских скакунов. В сорока фатомах над их головами, сквозь дымку планктона, над спокойным небом плясала луна. На заре всё было иначе.

“Они пришли со шквалом”, - объяснил Шемсен. Морской эльф, бежавший из теплых вод и более десяти лет назад нашедший в Уотердипе убежище, он достаточно хорошо владел местным подводным диалектом. “Мы только подняли головы, а они уже были здесь”.

Сахуагины были не единственным морским народом, скрывавшимся в тяжёлых водах, падающих с небес. Любой умный охотник плывет с дождём – мермены, морские эльфы, силки, дельфины. Хотя сахуагины, пожалуй, лучше других умели скрывать свою вонь в потоках пресной воды.

“Их было больше с самого начала”.

Мрачная гримаса исказила лицо мермена. “Ты выжил”.

Такие вещи никому не нравится признавать, но один на один сахуагины сильнее и мерменов и морских эльфов. Если патруль Шемсена застали врасплох превосходящие силы врагов, выживших не должно было остаться вовсе.

Шемсен пожал плечами, и из порезов на серебристо-зелёной коже выступила кровь. “Что случилось, то случилось”. Фатализм присущ живущим в солёной воде. “Они торопились уничтожить буй, и не остались кормиться”.

Помощник седобородого опустил трезубец к изуродованному телу морского эльфа. Шемсен закрыл глаза, вспомнив, как Пешхет, оставляя за собой след из собственной крови, встал между ним и смертью. Повернувшись, прежде чем вновь открыть их, он обнаружил, что стоит, глядя на обломки буя.

“Мы слышали, как он раскололся”, - сказал мермен, угадывая мысли Шемсена. “Пройдет не меньше десяти дней, прежде чем маги Уотердипа сделают новый – и на эти дни приходится прилив Прихода Флотов. Пока не создана замена, здесь останется прореха в защите Уотердипа. Небольшая, но все-таки прореха. Да ещё сахуагины! Что *они* делают так далеко на севере?”

Шемсен повернулся; теперь они стояли лицом к лицу. Между ними проплыл влекомый подводным течением поток планктона. Рядом двигались креветки, стайка молодой сельди следовала за ними. Беседа прервалась, и Шемсен с мерменом оба перекусили сельдью.

Воля Амберли - только глупец не обращает внимания на Её дары.

“Может ли кто из нас сказать, что понимает разум сахуагина?” - наконец произнёс Шемсен.

“Хорошо сказано, морской эльф”, - заметил помощник мермена. “Храни нас Эдро!” Он прикоснулся к кроваво-красному коралловому амулету своего бога. “Мы надеялись, что Уотердип вне пределов их досягаемости”.

Шемсен не знал эту четверку. Будь они в родных водах – спокойных, кристально чистых южных морях – они бы обошли друг друга стороной. Но теперь и морские эльфы, и мермены отступили на север, гонимые загадочным врагом – не сахуагинами. Во всяком случае, не только сахуагинами.

“Может статься, они бегут от кого-то больше и страшнее их самих”.

Помощник сжал коралловый амулет в кулаке, но седобородый оказался покрепче духом.

“Пусть они сунутся в Гавань Уотердипа. Один глаз ослеп, но им все равно туго придётся. Ты говоришь, вас было меньше – но они понесли потери, а ты выжил. Посмотрим, каково им будет рассказывать Акуле об этом”.

Седой взмахнул рукой, намереваясь хлопнуть Шемсена по плечу. Превозмогая раны, Шемсен приготовился к удару. Его сердце забилось вдвое быстрее, мышцы расслабились, и всё же он, не сдержавшись, поморщился от боли.

“У меня есть мазь”, - сказал седобородый, и один из двух младших подплыл к ним, неся запечатанную воском раковину.

Шемсен пожал плечами, встряхивая руку и отказываясь от предложения.

“Я займусь собой, когда доберусь до гавани”.

“Ты сможешь плыть и не отставать?”

“Либо смогу, либо нет. Я и прежде плавал в одиночку. Здесь я ждал только, пока кто-то не придет проверить, что случилось, и не освободит меня. Это мой пост для Уотердипа. Никто не скажет, что я оставил его”.

Старый мермен покачал головой. Его род придерживался собственных обычаев. Они были храбры при необходимости и верны долгу, но что в воздухе, что под водой, понятия о чести у всех разные.

“Возьми скакуна, если нужно”, - бросил седобородый, уже сидя на своём морском коне. - “Или держись за плавник”.

Все четверо мерменов поднялись со дна.

“Вы никого не оставите тут?”

“Буй уничтожен, морской эльф. Слепое пятно, конечно, но небольшое. Если сахуагины достаточно хитры, чтобы вернуться, не потревожив глаза других буев, пусть опробуют внутреннюю защиту. До Прихода любой, кто находится здесь, будет одинок, как в Сокровищнице Амберли. Я не заставлю никого пропадать без толку”.

Шемсен вздохнул, окатив жабры холодной водой. Только глупец отвергает дары Амберли.

В гавани Уотердипа не найти рифов или зарослей водяных растений, и несмотря на усилия всех живущих под водой и над ней, неприятный вкус и грязноватый оттенок не являются чем-то необычным. Шемсен никогда не забывал, что он беглец, лишенный дома. Даже собственное жилище напоминало ему об этом. Когда морские эльфы впервые попросили убежища у Уотердипа, гильдия магов выбила ровные ниши в утёсах, давших бухте ее имя. На нишу была натянута сеть, не позволяя волнам украсть то небольшое, что он собрал за десятилетнее изгнание.

Шемсен делил пещеру с другим морским эльфом. Эшоно попался акулам во время их долгого отступления к Уотердипу. Их выжившая целительница сделала, что могла, но самое необходимое – месяц отдыха и хорошее питание – было им недоступно. Ногой он больше пользоваться не мог. В гавани это ему не слишком мешало, но не позволяло участвовать в патрулях, которые изгнанники считали своим правом и обязанностью. Вместо этого он приучился действовать в качестве посредника на суше, разбираясь в спорах и недоразумениях, постоянно преследовавших морских эльфов в их безопасном, но столь необычном убежище.

Странной парой они были, Шемсен и Эшоно, объединённые лишь бегством из уничтоженной деревни и тяжким путём в холодные воды. Но в эти дни и такой малости было достаточно.

“За Пешхета”, - провозгласил Эшоно, салютуя погибшему эльфу раковиной с пастой. “Пока мы живы, мы помним его”.

Он глотнул. Шемсен вторил ему.

“Говорю тебе, друг мой, ты должен взять жену, чтобы было кому помнить нас”, - мрачно пошутил Шемсен.

Он, Шемсен Скиталец, шутит! Его жаберные щели изумленно задрожали. Как бы ни было это странно, он стал считать калеку Эшоно другом.

“Только после тебя”, - ответил Эшоно, зачерпывая ещё одну порцию пасты из плававшей между ними чаши. “И ни днём раньше”.

“Слишком стар”.

“Сколько тебе? Четыре сотни? Пять?”

“Я чувствую себя старше”, - честно ответил Шемсен.

“Тем больше причин. Женись. Заведи семью, пока ещё не поздно”.

Шемсен опустил голову. Жест, понятный большинству беженцев. Все они несли на себе шрамы, секреты и вину за то, что выжили там, где погибли другие. Для

Шемсена это было даже более верно, чем для прочих. Его дружба, какой бы она ни была, с Эшоно выдержала потому, что тот хорошо понимал, где лежит грань, которую нельзя переходить.

“У меня есть бальзам”, - сказал Эшоно, меняя тему. Он достал из-под гамака сосуд. “Получил в одном из храмов поверхности. Не так хорош, как то, что делает Алд Дессина, но тебя заштопает. Там почти пусто, можешь взять остатки, если хочешь”.

Эшоно отдал так много мяса акулам, что его рана никогда не заживёт полностью. Его туго натянутая кожа трещала всякий раз, когда он напрягался. Бальзам Эшоно тратил чашами, и вскоре стал специалистом во всём, что касалось жрецов, целителей и зелий.

Шемсен, чьи раны в нескольких местах доходили до костей, принял горшочек размером с кулак. “Я ухожу”.

“Так скоро? Тебе нужен отдых”.

“Разуму больше, чем телу. Отдохну, когда вернусь”. Шемсен взял трезубец и оттолкнулся к открытому углу сети. На полдороге он обернулся и проговорил: “Спасибо за мазь. Ты хороший друг, Эшоно. Не следуй за мной”.

“Я бы и не стал”, - заверил его Эшоно, глядя с мальчишеским любопытством. “Осторожно, Шемсен. Нас так мало осталось. Каждый драгоценен”.

Шемсен выплыл из ниши. Мрачные мысли тянули его вниз, и он опускался всё ниже и ниже, скоро миновав глубочайшие из обитаемых ниш. Здесь, чтобы видеть дальше собственных ног, требовалась лампа, если конечно в распоряжении путника не было чувств иных, кроме зрения. Естественно, тот, кто не полагался на глаза, даже если он выглядел точь-в-точь как морской эльф, эльфом быть никак не мог.

Шемсен приложил немного целительной мази Эшоно к самым лёгким из своих ран. Не являющийся морским эльфом не мог выносить бальзамы Алд Дессины. Но зелье сухопутных – липкая мазь, жалившая, но не обжигавшая – не навредит ему, если ей пользуется Эшоно. Шемсен обработал раны и выпустил из рук опустевшую баночку, сразу пошедшую ко дну гавани. Когда жжение прекратилось, он поплыл прочь.

Корабли отбрасывали под водой тени. Шемсен скрывался в темноте, пока не добрался до основного канала. Таиться и обманывать – такова была привычка его рода. Никто, включая Эшоно, не подозревал его. Когда он в первый раз появился в Уотердипе, его коснулся один из могущественнейших магов Фаэруна – как и всех беглецов, прежде чем им предоставили убежище. Он ускорил пульс, расслабил кожу и приготовился умереть, но маг пропустил его.

И почему нет? В воде и над водой, большинство не верили даже в существование таких, как он. Сахуагин, выглядящий как морской эльф? Страшные истории для непослушных детишек. Среди сахуагинов имеющих облик эльфов маленти терпели – изредка, – поскольку сахуагины нуждались в шпионах. Но даже среди них это считалось проклятием, а не благословением. Молодых заставляли проплывать мимо мест, где жили и обучались маленти.

Славь Секолаха, дающего верным Ему всё, что нужно для служения Ему. Благодаря Секолаха, что Он не сделал тебя маленти.

Само слово означало “урод”, и Секолах в мудрости своей, пусть и не в милосердии, постановил, что мучениям маленти не длиться долго. Облик эльфа был

смертелен. В мерках солнц и приливов Шемсен был младше Эшоно, но Эшоно считался юношей, а Шемсен – мужчиной, близящимся к концу лучших лет. Внутри он чувствовал себя стариком.

Наверху появились мермены. Лоцманы, их работа заключалась в том, чтобы проводить корабли по каналу в открытую воду. Шемсен нырнул, уклоняясь от поднятых веслом водоворотов. В безопасности под бурлящей водой, он поплыл к Глубоководному острову и подземному маяку, стоявшему у расщелины, называвшейся Сокровищницей Амберли.

Сейчас, за неделю до Прихода Флотов, самые разнообразные существа совместно готовились к моменту, когда Уотердип преподнесёт ежегодные дары Амберли, Богине Моря. Двадцать барж или даже больше стояли кольцом над маяком, глубоко осев в воду под тяжестью подношений от наземников и матросов, гильдий и магазинов, магов и жрецов. Внизу творилось то же самое. Большинство подводных обитателей передавали свои дары на баржи или привязывали их к гигантской сети, которую сейчас растягивали под кораблями. В Канун Прихода, когда жертвоприношения сбросят в воду, все живущие в ней подплывут к сети, дабы увериться, что ни один из даров не попадет мимо. Ничто не могло быть хуже, чем предназначавшаяся Амберли жертва, не погрузившаяся в Её Сокровищницу.

Наземники говорили о союзах среди своего пантеона, и пытались – ради успокоения своих страхов – найти и для Амберли зримое и ясное место. Жители моря видели яснее. Никто из них не поклонялся Королеве Океанов. Она была самым воплощением океанов, и Она всегда добивалась своего.

Плетущие сеть окликнули Шемсена, когда он приблизился. Знает ли он, где находится? Может, он потерялся? Или намеревается совершить самоубийство? Он посоветовал им, словами, острыми, как камни гавани, заниматься своим делом. Некоторые ответили в том же духе. Морская эльфийка – её имени он не знал, – откинула краешек сети, позволив ему проплыть внутрь через ещё не зашитый разрыв.

“Мир тебе”, бросила она ему вслед. “Мир твоей боли”.

Её слова не были традиционным приветствием среди морских эльфов. На те Шемсену было плевать. К тому времени, как он оставил ясли сахуагинов, чтобы украсть себе место в деревне морских эльфов, он знал их традиции и презирал их – все без исключения. Почти столетие он жил среди них, и тошнотворное отвращение отступало лишь когда ему удавалось ускользнуть и оставить тщательно завязанную узлами веревку там, где её мог найти другой сахуагин. Он носил свои приказы на шее, и эльфы – трижды проклятые глупцы – восхищались его предательством настолько, что просили связать похожие узоры и для них.

И тогда, безлунной ночью, когда море вдруг стало слишком тихим, облако, словно чернила со всех когда-либо плававших каракатиц, опустилось на деревню. Оно забивало и жабры, и ноздри. Но отсутствие воздуха оказывалось не самым страшным. В облаке были когти – или клыки, или клинки – Шемсен так и не узнал. Он не увидел, что нанесло ему удар. В тот момент он предположил, что это какой-то новый дар, полученный жрицами сахуагинов от Секолаха. Несомненно, сам он выжил потому, что был сахуагином, крепче любого морского эльфа, и благословлённый истинными органами чувств под кожей маленти.

Шемсен ожидал найти вне облака сахуагинов, но обнаружил лишь акул, учуявших запах крови, и обезумевших настолько, что никакому маленти не по силам было подчинить их своей воле. Все оставшиеся силы Шемсена ушли на то, чтобы не поддаться их зову, когда акулы врезались в ряды спасающихся морских эльфов. Ни тогда, ни после, он так и не смог понять, почему же он не откликнулся на зов; разве что, как бы не презирал Шемсен своих знакомых, он не хотел стать для кого-то последним видением в жизни.

Истощённый внутренней борьбой, он без чувств опускался на дно моря. Когда его глаза вновь открылись, смертоносное облако ушло, и он был не один, и не среди сахуагинов. Горстка жителей деревни выжила. Все ошеломлённые и подавленные горем. Шемсену не составило труда занять среди них позицию лидера и повести на запад, по господствующему течению, к не виденному им десятилетиями обиталищу сахуагинов. Он предвкушал почести, которых удостоится маленти, закончивший то, что оставили недоделанным облако и акулы.

Десятью днями позже они проплыли над пустынными, разрушенными коралловыми садами. Не меньше года прошло с тех пор, как сородичи Шемсена проплывали по древнему дому, и он, неожиданно оказавшийся в большем одиночестве, чем полагал возможным, не стал сообщать своим спутникам, что случилось. Верно, прошлой весной он не обнаружил плетения с инструкциями, но в этом ничего из ряда вон выходящего не было. За столетия, которые Шемсен шпионил за морскими эльфами, он нередко четыре, а то и пять или шесть лет был лишён контактов. Он даже не предполагал, что происходит что-то неладное.

Что случилось с его родом, так и осталось тайной. Если кто и спасся, они не оставили ему никаких сообщений. Однако Шемсен не думал, что уцелевшие были. Зная, что было здесь раньше, он всюду находил следы насилия и разрушений. Сахуагины воевали друг с другом во славу Секолаха, объявившего, что лишь сильнейший и храбрейший должен выжить, но ни в одной из многих историй, которые Шемсен помнил наизусть, сахуагины не оставляли и не превращали в прах завоёванное.

Походило на то, что обе деревни, и сахуагинов, и эльфов, разрушены одним и тем же неведомым врагом, общим врагом. Смертному разуму не стоит даже пытаться представить, что за врага могут разделить сахуагины и морские эльфы.

Шемсен не стал ближе морским эльфам в тот день над уничтоженной деревней. Ни сочувствие, ни сожаления по ушедшему не входили в природу сахуагинов, а именно сахуагином был Шемсен, внутренне, если не внешне. Тем не менее, сахуагин в одиночестве - никто, и оказавшись перед выбором между ничем и морскими эльфами, Шемсен выбрал эльфов. Он сделал их своими, повёл их на север, к знаменитому Уотердипу. Когда они добрались до цели, ненависть в нём превратилась в нечто похожее на симпатию.

Так что он развернулся и откликнулся: "И тебе мир для твоей боли", - прежде чем уйти в глубину.

Шемсен слышал, что совсем недавно – шестнадцать лет назад – Сокровищница была водоворотом, выплёскивавшимся наружу или засасывавшим всё внутрь, в зависимости от прилива. Она пожирала любой неудачливый корабль, оказавшийся в пределах досягаемости. Затем в Уотердип прибыли мермены. Во имя безопасности

их шаманы избавились от водного вихря и пробили дыру размером с корабль в почивальне богини.

Таковы мермены. Полулюди, полурыбы, полубезумцы. Но они также были беглецами, с рассказами о чёрной воде и опустошении, отягощавших их воспоминания. Возможно, они как раз точно знали, что делают.

Шемсен погружался, пока вода не изменилась. Тяжёлая, холодная, но покалывающая солью, самая восхитительная, которую только втягивали его жабры. Он знал, что будь тут свет, он мог бы увидеть дно. Если бы был свет...

Темнота в Сокровищнице Амберли была не просто отсутствием света. Здесь царила тишина, в ушах Шемсена и чувствительных местах по бокам. Он не ощущал, плывёт ли он вверх, вниз, или вбок.

Маленти!

Женский голос, прекрасный и смертоносный, окружил Шемсена в его движении сквозь воду.

Маленти, почему ты здесь? Зачем беспокоишь меня? Или Акула уже не слышит твоих жалких молитв?

Шемсен собрался с мыслями, но Морской Королеве не нужны были слова. Она всплыла в его разум, вобрала ответы из памяти.

Шемсен сказал правду мермену два дня назад, только не всю её. Сахуагины застали патруль врасплох. Эльфы уступали числом, они были обречены, но Шемсен сражался вместе с ними, пока не остались лишь он и двое сахуагинов. Итог оказался куда лучше, чем он ожидал от таких, как Пешхет. Одним из уцелевших сахуагинов была желтохвостая жрица.

Когда все ее внимание обратилось на него, она поняла. Милостью Секолаха, жрица узнала истинную природу Шемсена.

Маленти!

Дарованная божеством сила позволяла ей подчинить его, и, поскольку он предпочитал умереть свободным, а не игрушкой жрицы, Шемсен бросил оружие.

Почему он противостоял им, - приказала она отвечать, - и Шемсен упрямо возразил, что она не из его деревни, не его барона или принца. Он больше обязан врагам, среди которых живет, чем чужакам. Она потребовала название деревни. Шемсен ответил, и назвал имена барона и принца.

“Принц Криинуар сделал неверный выбор”, сообщила жрица. “Он стал мясом, и все, кто последовали за ним, стали мясом. Теперь ты служишь принцу Лакховасу”.

Шемсен не узнал имени, что, в общем-то, ни о чём не говорило, однако Лакховас было не имя, принятое среди сахуагинов, или даже маленти. Он с трудом мог представить принца с таким неподходящим именем, пока не подумал о судьбе принца Криинуара и чёрной туче.

“Решай, маленти!” - бросила жрица, угрожая Шемсену амулетом из акульего зуба, который носила на груди.

Неужто он и вправду поверил, что избежит судьбы маленти? Секолах призвал сахуагинов, дабы те возвеличивали Его славу. Он призвал маленти возвеличивать сахуагинов. Шемсен будет служить этому новому принцу Лакховасу и его жрице по своей воле... или как опутанный заклинаниями раб. Гордость, понятная только

маленти, вздёрнула эльфийский подбородок Шемсена, открыв мягкое, незащищенное горло, и отвела его руки за спину в жесте подчинения.

Жрица приняла мудрый выбор Шемсена, лишь немного добавив к ранам, которые он уже носил. Она напомнила ему о роли шпиона, и спросила, что ему известно об Уотердипе.

“Принц Лакховас собирается преподать живущим на суше, урок о море. Нам поручено отыскать безопасный проход для единственного надводного корабля и плотов. Как пройти сквозь эту защиту?”

Жрица указала на окутанный пеной буй, и без дальнейших понуканий Шемсен рассказал, как сила, которую дало ей благословение Секолаха, может его уничтожить. Шемсен не стал добавлять, что одного корабля, и всех сахуагинов, живущих в море, не хватит против силы Уотердипа. Он сомневался, что жрица поверила бы ему. Одной из немногих черт, которую морские эльфы и сахуагины разделяли, было впитавшееся в кровь презрение к магии, а именно магия составляла величайшее могущество города.

Шемсен подумал, что всё неплохо обошлось – он послужил неизвестному принцу, на самом деле не предав холодную гавань, по невероятному стечению обстоятельств ставшую его домом, но жрица ещё не закончила.

“Корабль и плоты еще не все. Принц Лакховас повелевает другой армией...”

Много лет прошло с той поры, как выживание Шемсена зависело от его умения читать эмоции на невыразительном лице сахуагина, и всё же он готов был поклясться – даже богине, читавшей сейчас его память, – что жрица боялась второй армии нового принца, и ещё больше боялась самого принца. Он начал задумываться, что ему стоит предпринять, если сейчас она потребует, чтобы он плыл с ней. Смерть может стать предпочтительнее, чем служение принцу, нагнавшему такого страха на желтохвостую жрицу.

Однако она не потребовала от него такого выбора.

“Принц Лакховас приказал атаковать спустя одиннадцать дней. Будет празднование?”

Шемсен кивнул, задумавшись, сколько других маленти шпионят за Уотердипом. “Канун Прихода Флотов. Гавань будет в беспорядке и пьяна. Хороший выбор для неожиданного нападения”.

“Разумеется”, резко бросила жрица, напомнив Шемсену о презрении, которое сахуагины все без исключения испытывали к маленти. “Я буду ждать тебя здесь, когда солнце сядет после этого Прихода, и ты поведёшь в гавань вторую армию. Не исполнишь приказа – и Секолах найдёт тебя – в смерти. Он найдёт тебя и приведёт к принцу Лакховасу”.

Воспоминание эхом отдавалось в мозгу Шемсена, перекрывавшее последовавшие сцены: разрушение буя, пожирание павших товарищей. Он слишком далеко зашёл, не в силах более вынести вкус разумной плоти. Он решил умереть, но не исполнить волю принца Лакховаса. Но Шемсен не рассказал правды мерменам, и не исповедался страже гавани. Гонимый отзвуками угроз жрицы, Шемсен пришёл сюда, к Амберли.

Богиня была безжалостна. С ослепительной, ошеломляющей скоростью она расплела нить жизни Шемсена назад, до бассейнов новорожденных и сада, в котором

он узнал, что это значит - быть маленти. Она заставила его вновь вспомнить ночь чёрной тучи в таких деталях, что он закричал и потерял сознание. Пришёл в себя он со странным именем, Лакховас, бьющимся под черепом, и раковиной размером с палец, зависшей перед его глазами, сиявшей собственным светом.

Возьми это.

Шемсену понадобились обе руки, чтобы ухватить дар богини, но как только он ощутил его тепло, темнота исчезла. Он обнаружил себя в месте, полном чудес: золота и драгоценностей, достаточных для умиротворения самого жадного пирата, оружия, от которого вспыхнула бы кровь любого воина, и самых могущественных магических вещей. Уголком глаза Шемсен увидел и жизнь: мужчин и женщин, обнажённых и беспомощных. Он закрыл глаза, но картины остались маячить перед мысленным взором.

Не задавай вопросов, - предупредила богиня. Ты поступишь, как ожидает Секолах. С Моим благословением, веди жрицу, её принца и его армию в сердце гавани. Не страшись, ты узнаешь, в какой миг раскрыть Мой дар. Ты приведёшь их ко Мне, и Я награжу их.

Потом приходи ко Мне сам, маленти, за собственной наградой.

Возвращайся ко мне.

Разум смертного не предназначался для того, чтобы вмещать голос богини, тем более Её веселье. Вернулась чернота бесчувствия. Шемсен очнулся в собственной нише, в своем гамаке. Эшоно стоял рядом, с лампой в одной руке и прядью водорослей в другой.

“Шемсен? Шемсен? Ты нас всех перепугал. Ты помнишь меня?”

“Помню, Эшоно”, - прошептал Шемсен. Он попытался подняться, но сил не хватило. “Сколько времени прошло?” - спросил он. “Как я попал сюда?” Последним, что он помнил, была Сокровищница и голос Амберли в его мыслях. Ухватившись за руки Эшоно, он вскочил с гамака. “Какой сейчас день?”

“Стража гавани нашла тебя несколько дней назад, в воде около доков”.

“Несколько дней!” Шемсен содрогнулся, и не от холодного приливного потока, шедшего мимо их пещеры. “Какой сейчас день?”

“Ты лежал здесь полумёртвым шесть дней, и пропустил пять дней - ”

“День! Скажи мне, какой сейчас день. Пропустил ли я Приход?”

Эшоно попытался отодвинуться, но силы уже возвращались к Шемсену.

“Сейчас утро Прихода, Шемсен. Подношения сделаны прошлой ночью. Амберли умиротворена ещё на год, и весь Уотердип напился допьяна”

“Ещё не поздно... я должен идти”. Он отпустил эльфа и только сейчас с запозданием сообразил, что гол. “Мои вещи! Эшоно, я таким и был, когда ты меня нашёл?”

“Я не находил тебя, друг”.

“У меня ничего не было в руках? Молись всем своим богам, Эшоно, чтобы это было не так”.

Глаза морского эльфа опасно распахнулись. “Ты был полностью одет, когда тебя принесли стражники, но руки были пусты. Правда, был мешочек...” Эшоно пнул ящики, в которых они держали свои пожитки. “Я не открывал его”.

Шемсен выхватил маленькую сумочку из ящика, разорвал узел на горловине и вытряхнул содержимое. Маленькая раковина, дар Амберли, поплыла к сети. Он поймал её. Неестественное тепло коснулось его руки, мгновенно восстановив силы.

Очень кстати, уничтоженный буй в дневном плавании, даже с подгоняющим его отливом. Он быстро оделся в доспехи из угрёвой кожи, не обращая внимания на уговоры Эшоно, твердившего, что ему нужен отдых, еда и внимание врачей. Привязав мешочек к поясу и надев его, Шемсен взялся за трезубец.

“Подожди!” запротестовал морской эльф.

Острия зубцов уставились в сердце Эшоно.

“Послушай, Шемсен, ты нездоров. Пойдем со мной. Сходим в храм...”

Шемсен медленно мотнул головой. “Отойди, Эшоно. Я не желаю причинять тебе вреда, но мне нужно уйти”.

Прислушавшись к голосу разума, Эшоно отплыл в дальний угол. Два толчка, и Шемсен выбрался за сеть, которую поднял и прикрепил к крючкам над входом. Действие было исключительно символическим, сеть предназначалась для удержания дрейфующих вещей, а не эльфов. Но побледневший, ошеломлённо глядевший Эшоно понял всё правильно.

“Что бы ни случилось этой ночью”, - произнёс Шемсен искренне, - “знай, что я считаю тебя другом – я, никогда не думавший, что у меня могут быть друзья, - и я буду сердит – несчастлив – если окажется, что с тобой что-то случится. Оставайся здесь. Затаись, и будь в безопасности.”

“О чём ты?” - крикнул вслед Эшоно, но Шемсен уже нашёл подходящее течение и направлялся в открытые воды.

Раковина подбадривала его каждый раз, когда силы начинали исчезать, – Шемсену не один раз пришлось воспользоваться её помощью. Вспоминая, что сказали жрицы о планах сахуагинов, Шемсен воспользовался более длинным маршрутом, вдалеке от судоходных каналов и дальних патрулей.

Солнце садилось, когда он появился из расселины. Свет превращал поверхность воды над головой в ослепительное зеркало, перемежающееся тёмными участками. Шемсен, уставший от напряжения, перекачивая слишком много воды сквозь жабры, не мог сфокусировать глаза. Достав раковину, он приложил её к груди напротив сердца. Успокоенный и отдохнувший, он оглянулся вновь.

Один корабль, всё верно. Пентеконтор с дырой посередине, чтобы экипаж из сахуагинов мог свободно перемещаться в нём и выплывать из него, не вдыхая воздух. За пентеконтором единственный ряд овальных деревянных плотов, каждый на несколько сотен воинов. Шемсен быстро сосчитал. Уотердип выживет, – он видел, что могут выставить в сражении лорды города, – но сначала гавань вместо воды наполнится кровью.

И это, если верить жрице, только первая армия. Он вызвал в мыслях молитву к Морской Королеве и выдохнул её в раковину.

Что теперь? Он может доплыть до работающего буя и сообщить, что несколько тысяч сахуагинов направляются в главный канал. Если ему поверят, у Уотердипа будет несколько часов на подготовку. “Что могут даже Хелбен Чёрный Посох, его леди, Маскар Вандс, Пиргейрон Паладинсон и прочие сделать для отражения атаки?”

- спросил себя Шемсен. Разные ответы приходили ему в голову, но ничего настолько сильного, как воспоминание о голосе Амберли.

Ты поступишь, как ожидает Секолах.

Поднявшись со дна, Шемсен поплыл к условленному месту. Желтохвостая жрица уже ждала. Она обрушилась на него, ругая за опоздание. Между её и его родом, обычно разумней всего было отвечать оскорблением на оскорбление. Он прорычал, что не видит и следа обещанной второй армии.

Есть другие, признала жрица, ведущие второе войско по глубоководью. Их прибытие ожидается только после наступления сумерек. Дальше им следует ожидать сигнала принца Лакховаса. Раковина на бедре, казалось, была налита железом. *Ты узнаешь нужный миг...* Хочет ли Амберли, чтобы он не дал им получить сигнал принца? Нет. *Ты приведёшь их ко мне...*

Жрица – она сообщила свое имя, Куаантиил – предложила Шемсену мяса. Он отказался, и устроился, облокотившись на те же камни, где дожидался мерменов. День ушёл в последней алой вспышке. Быстро надвигался мрак, собравшиеся тучи затмили луну и звёзды. Власть Секолаха не простирается над волнами, но Амберли может призвать шторм, если пожелает.

Как и любой великий маг Уотердипа.

Шемсен поудобней устроился на своем месте. Море было холодно и полно теней. Всякое малейшее изменение в воде заставляло их напряженно всматриваться. Внимание жрицы неизменно обращалось на юго-запад, поэтому Шемсен перебрался к другому камню и обнаружил армию сам.

Силуэты, замеченные Шемсеном, не походили ни на корабли, ни на плоты. К тому же, судя по всему, они шли не на поверхности или вблизи нее. Выглядела вторая армия Лакховаса как стая гигантских рыб. Сахуагины держали акул, и часто весьма приличных размеров, но не гигантских и не так далеко на севере. Единственные гиганты в этих холодных водах – киты. Если принц убедил *китов* выступить против Уотердипа, тогда возможно город и впрямь в беде.

Куаантиил вскочила. Приставив воронкой к губам перепончатые ладони, она издала серию щелчков и писков, не в полной мере слова языка, но их оказалось достаточно, чтобы достигнуть авангарда второй армии и заставить его остановиться, прежде чем она повела Шемсена и ещё нескольких сахуагинов к нему.

Три жрицы, причем высокого ранга, поплыли им навстречу. Куаантиил завязала с самой большой из них оживлённую дискуссию в сторонке, и, насколько мог судить Шемсен с расстояния, обе стороны были крайне недовольны. О чём они могли спорить, он догадывался. Фигуры оказались не кораблями и не плотами. Теперь Шемсен был в состоянии различить их: армию составляли самые разнообразные монстры глубин. В передних рядах плыли аболеты и драконы черепахи, и у него появились самые дурные предчувствия относительно того, кто может прятаться за ними.

При всей своей яростной натуре, сахуагины держались подальше от глубоководных тварей, и никто из этих родов раньше не плыл в одной стае. Их совместное присутствие означало, что в нападении замешана сила большая, или, по крайней мере, совершенно иная, чем Секолах. В свою очередь, это наводило на такие

мысли относительно принца Лакховаса, которые ни одна уважающая себя жрица не примет без сопротивления.

Плывшие с Куаантиил воины держались подальше от спорящих жриц. Приплывшие со стороны второй армии поступили так же. Нечасто облик маленти давал его носителю преимущества, но сейчас был как раз такой случай. Шемсен подплыл на середине их дискуссии. Восемь сердитых серебряных глаз сошлись на эльфоподобном лице.

“Убирайся”, - приказала Куаантиил.

“Невозможно. Ты назвала меня проводником в гавань Уотердипа. Чтобы выполнить приказ – во славу Секолаха – я должен знать, что мне нужно провести сквозь течения канала. Я лишь прилагаю все усилия, чтобы послужить тебе, благословенная”.

Возможно, Куаантиил не была знакома с сарказмом, а может, она прекрасно все поняла и решила использовать его в собственных целях. Так или иначе, она сверкнула зубами и повернулась к большой жрице.

“Маленти говорит верно. Проводник должен знать, что он направляет. Покажи ему”, - потребовала она.

Если он переживёт эту ночь – в чем он сильно сомневался – Шемсен знал, что никогда не забудет это плавание среди глубинных. Дело не только в аболетах, драконьих черепахах, гигантских крабах, морских волках, глазах глубины, морских змеях и гигантских кальмарах, собравшихся в единую стаю, хотя зрелище само по себе было жутким. В любой миг Шемсен ожидал, что они оживут с разрушительной яростью, по сравнению с которой безумное пиршество акул покажется детской забавой, но существа не обращали внимания на соседей и окружающее, зачарованные принцем Лакховасом, во всяком случае, так объяснила взволнованным шёпотом большая жрица.

“Нам велено держать их здесь, и ждать его сигнала”.

Шемсен не знал лично Хелбена Чёрного Посоха. По слухам, ходившим в гавани, человек принадлежал к числу самых могущественных магов суши, а его супруга леди Лаэрал не слишком уступала ему. Шемсен сомневался, что даже оба они вместе смогли бы заморозить такую орду.

“И каков будет сигнал?” - осведомилась Куаантилл, раздражённо махнув плавниками.

“Принц Лакховас сказал, что мы поймём его, когда услышим”.

Это весьма неприятно напоминало указания Амберли! “Я не смогу вести этих зверюг, когда они проснутся”, - запротестовал Шемсен. “Прошу прощения, но... никто не сможет! Всё, что нам остается, – плыть напрямую к гавани, пока нас не перехватят”.

Куаантиил кивнула. “Несомненно, именно в этом и состоит план принца. Во славу Секолаха!” Её кулак взлетел над головой. “Сухопутные познают такой страх, который никогда раньше не ведали. Уотердип станет нашим!”

“Не нашим”, - подумал Шемсен, разворачиваясь назад, медленно отплывая от удивительной стаи. “Мы наживка, даже не мясо”.

Все они пришли к тому же заключению, хотя и не говорили вслух. Жрицы возились со своими амулетами, воины точили о морской камень оружие. Шемсен

подумал о раковине Амберли и незначительности любой отдельной жизни. Он устроился на дне, не отрывая взгляда от одурманенных тварей – притяжение смерти. Он хотел знать, что съест его.

Прошёл час, и ещё, и ещё. Если они успешно прошли с приливом, – у Шемсена не было причин сомневаться в этом – пентеконтор и плоты вероятно уже у гавани. Теоретически их должны были бы обнаружить, но маг, способный взять под контроль армию глубинных, легко отведёт глаза несколькими лоцманам и стражникам, тем более в ночь после Прихода. Шемсен уже не беспокоился ни о чём. Руки его отяжелели, перед глазами встала дымка.

Он задыхался в неестественно спокойной воде. Жаберные щели маленти были относительно малы. Они полагались на потоки, ускоряющие прохождение воды сквозь жабры, или сами создавали течения руками, или – когда ничего больше не оставалось – использовали остатки сил, чтобы вырваться на поверхность. Шемсен рванулся, как загнанный акулами дельфин, и жадно вдохнул воздух, словно тонущий наземник.

Не считая порождённого им всплеска, воздух был тих, так же, как и вода, и столь же тёмный. Шемсен не видел грозовых туч, но чувствовал, как давят они на воздух и океан. Волн не было, поверхность превратилась в полуночное зеркало, ровное и молчаливое. За всю свою жизнь Шемсен ещё ни разу не видел её такой.

Поблизости появились его спутники, готовые поиздеваться над слабостью маленти, но они не были глупцами. Им под силу было узнать наведённую чародейством погоду. Жрицы сжимали амулеты, призывая Секолаха. На северо-востоке, над Уотердипом, сверкнула зелёная молния.

“Глядите вниз!” – выкрикнула большая жрица.

Второго предупреждения не понадобилось. Тучи и монстры ожили одновременно.

“Пойдём”, – раздался мелодичный и жестокий голос над пробуждающимся морем. “Подчиняйтесь моим словам, уничтожьте моих врагов. Объединитесь с Теми, Кто Поедает в наших трудах”.

Молния пропорола поверхность воды, подняв волну с ветром, хлынувшим от Уотердипа. Она хлестнула по зверям, разъяря их. Один из воинов коснулся морского змея и пропал. Шемсен отбросил трезубец и поплыл против хлынувшего потока. Он отплыл назад, в тень драконьей черепахи.

Жестокий голос – голос принца Лакховаса – заряжал океан энергией. Она текла по жабрам Шемсена, забивая его органы чувств. Ему привиделся друг, Эшоно, с распоротым животом и кровавым следом, который оставляли в чистой воде выпотрошенные внутренности – приглашение к пиршеству.

Ты узнаешь момент... Ты узнаешь момент...

Голос Амберли пришёл к Шемсену из глубин его существа и с юго-запада, на ветре, умирившем покорную волшебству погоду. Пока другие, твари и сахуагины, пребывали в растерянности, Шемсен достал раковину, приложил её к губам и подул.

Глаза злобной армии сосредоточились на Шемсене. Силы неожиданно оставили его. Он надеялся на чудо более благоприятного толка, но маленти привыкли к разочарованиям. Он поймал ритм – вода, протекающая по жабрам, воздух, вдуваемый в раковину, – не оставлявший место для сознания. Вырвались на свободу

его воспоминания о Сокровищнице Амберли. Истекая из раковины, они причудливо смешивались с командами принца Лакховаса.

“Подчиняйтесь мне!” вновь прокатился по морю магический голос.

Возвращайся ко мне... за наградой...

Картины богатства, власти и добычи танцевали среди разношёрстного сонма существ, лаская их распалённые мысли. Море потрескивало собственными молниями, пока жадность сражалась с подчинением. Ещё миг, и всё поглотило бы безумие, но течение сменилось, и, с юго-западным ветром, подталкивающим его, покатилося к Уотердипу единой, стеноподобной волной.

Не требовалось уже ничего выбирать. Адские твари и их жалкий эскорт сахуагинов оседлали приливную волну, а Шемсен выкладывался в раковину Амберли. Быстрее, чем могла бы плыть любая рыба, они вкатились в канал, прихватив последние из входивших в гавань сахуагинских плотов. Волна поднялась выше – слишком высоко – и изогнулась.

“Уничтожайте врагов!” билась в ней команда мага.

Возвращайся ко мне... за наградой...

Работа Шемсена ещё не была исполнена. Когда волна поравнялась с Глубоководным островом, он дул, пока не отхаркнулся кровью. С последними силами Шемсен ушёл в глубину, сквозь волну, воздух и воду гавани, напрямик в Сокровищницу Амберли.

Шок от холода вырвал раковину из рук маленти. От онемевших ладоней отхлынула кровь. Монстры – не все, и лишь немногие из сахуагинов – последовали за ним. Достаточно, успел подумать он, чтобы обеспечить не слишком разрушительную для Уотердипа победу.

Возвращайся ко мне...

Амберли приветствовала Шемсена картинками невероятного богатства и Её слуг, тянущихся к глубоководным тварям и разрывающим их на куски. Он ушёл в сторону от бойни. К нему плыла женщина. Хотя зрение его угасало, Шемсен узнал её моментально.

Возвращайся за своей наградой...

Она мягко взяла на руки слабеее тело Шемсена. Сердце его остановилось. Осталась только темнота, и в конце всего, мир для одинокого маленти.

ПЛАМЯ ЕСТЬ ПЛАМЯ

Элейн Каннингем

30 Чеса, Год Перчатки

Что ты делал, когда напали морские дьяволы, дедушка?

О, как я предвкушал этот вопрос! Я слышал его, торопясь навстречу битве. Слова для меня были столь же реальны, как и вонь дыма, клубившегося над Западными Воротами, они звенели в моих мыслях, словно грохот деревянных перекладин, подающих под магическим огнём. И неважно, что этот вопрос прозвучит лишь через много, много лет. Ученик мага быстро узнаёт, что все вещи сначала надо вообразить в уме.

И на бегу я представлял себе. Разве не будет лицо мальчика полным ожидания, а глаза горящими гордостью того, кто ведёт свой род от героя? И неужели не умолкнут струны бардов, а сами они не соберутся вокруг, надеясь вновь услышать рассказ великого мага – то есть меня – сражавшегося бок о бок с Хелбеном Арунсуном?

Конечно, об этом вспомнят. Более того, именно этот вопрос сорвется с губ слушателей: что делал Хелбен Арунсун во время сражения? Как много монстров пали пред мощью Чёрного Посоха? Какие заклинания использовались?

Должен признать, я и сам мечтаю узнать финал этого повествования.

“Наверху, Сидон”.

В голосе моего спутника промелькнули нотки паники, подняв его до тонкости, подобающей эльфийским девам и маленьким скулящим собачонкам. Не замедляя бега, я проследил за указующим перстом Хьюмонта.

Вся угроза заключалась в женщине, показавшейся в верхнем окне здания вдоль нашего пути. Она готовилась опорожнить в переулок ночной горшок – мелкая городская опасность, из тех, что подстерегают даже в грозный час. Хьюмонт, мягко говоря, был нервным человеком. Сейчас он находился явно не в форме, но всё же мы учились вместе, так что я ухватил его за руку и рванул в сторону. Он кувыркнулся через сваленные друг на друга деревянные ящики, и пусть его приземление было жёстким, по крайней мере, это спасло его от выплеснутых нечистот.

Единственное произнесённое мною слово заставило перевёрнутые ящики вытянуться в линию, словно солдат, проспавших побудку. Они торопливо перестроились, затем попрыгали друг на друга, образовав четырёхступенчатую лестницу. Прошептав активирующее слово простенького заклятия, я взбежал по ступеням и прыгнул в воздух, раскинув руки в свободном полёте. Мой

восторженный хохот звенел сквозь шум охватывавшей город паники, и почему нет? Что за день сегодня, какая история получится из него!

Хьюмонт поднялся и упрямо заторопился в западном направлении, поравнявшись со мной как раз в тот момент, когда мои ноги коснулись мостовой. От брошенного им взгляда молоко скисло бы мгновенно. “Лучше бы ты не тратил заклинания на бестолковое веселье. Силы нужно беречь – они ещё понадобятся”.

“Говоришь, словно сам архимаг!” - мягко укорил его я. “Это небольшое развлечение куда опасней, чем всё, с чем тебе придётся столкнуться у Западных Ворот, уж ты мне поверь”.

Вместо ответа Хью бросил очередной встревоженный взгляд в сторону гавани. В небо, над южной частью Уотердипа, видимый в темноте, поднимался дым, нёсший с собой неаппетитный запах горелого мяса и обугленной парусины. “Сколько кораблей горят?” - задумчиво произнес он вслух. “Сама гавань, должно быть, кипит!”

“Адское варево, твоя правда, но ему наверняка придает вкус множество сахуагинов”, парировал я.

Даже Хьюмонт не мог оспаривать столь неотразимую логику, и мы торопливо продолжили путь в обоюдном молчании – с его стороны, без сомнений, полном жутких предчувствий, для меня же - освещенном радостными ожиданиями, словно у ребёнка во время праздника середины зимы.

Признаюсь честно, я без ума от магии. Мой отец заплатил немалую сумму ради того, чтобы я получил место в Башне Чёрного Посоха, и я многому научился под руководством архимага и его леди-консорт, великолепной Лаэрал Серебряной Руки. Но до той ночи я никогда не понимал вполне, насколько нетерпеливым оставляли меня предостережения, лекции и бесконечные маленькие ухищрения лорда Арунсун. Все источники утверждали, что архимаг накопил достаточную мощь в одном своем посохе, чтобы обрушить город Лускан в море, и, тем не менее, лишь немногие из тех, кого я знал, видели в его исполнении сколь-либо серьезную магию. Заклинания, которые Хелбен Арунсун использовал ежедневно, подошли бы любому компетентному, но ничем не выдающемуся магу. Да простит меня Мистра, но я начинал смотреть на знаменитое могущество архимага так же, как мог бы думать о куртизанке небесной красоты и непоколебимой добродетели. Какой практический смысл в подобном сочетании?

Наконец мы завернули за последний поворот перед улицей Западной Стены, и открывшийся нашему взгляду вид заставил забыть о любых проявлениях разочарования. Шагающая Статуя наконец-таки оправдывала свое имя!

Каждый шаг спускавшегося с северного склона горы Уотердип гиганта сотрясал землю. Я ощутил восторг. Никто, кроме Хелбена, не смог бы создать каменного голема в девяносто футов вышиной, из сплошного гранита, с выражением бесстрастного спокойствия, очень напоминавшим самого архимага, на лице.

Но на улице Джалтун статуя замешкалась, встав на заднем дворе низкого строения – стоянки экипажей – словно растерявшись среди хаоса паникующих толп. Спустя миг гигантская статуя пригнулась, отведя назад руки и приготовившись к прыжку. Люди с воплями разбегались от метнувшегося в воздух голема. Он перелетел дом и улицу и с громоподобным ударом опустился на другой стороне.

Веером разлетелись каменные осколки, и немало людей окровавленные попадали наземь, крича, или хуже того, не издавая больше ни звука.

Стрела синего огня вылетела из башни у врат, и Шагающая Статуя мгновенно застыла. Голем взглянул на башню, переминаясь с ноги на ногу, словно неимоверного размера пристыженный мальчишка. Видимо, повинуясь только ему понятному приказу, он повернулся к морю. Взгляд каменных глаз статуи сосредоточился на склонах.

“Интересно, что он видит?” прошептал Хьюмонт.

Мне было не до раздумий, я смотрел, не в силах оторвать взгляда, на источник вспышки. Она пришла с Западных Ворот, могучей преграды из дерева, возвышавшейся на высоту трех этажей, окружённую с трёх сторон камнем, которому искусно придали форму оскалившейся пасти огромного дракона. Над вратами был перекинут мост с зубцами и башенками, выглядевшими как корона на голове драконьего короля. На мосту выстроились маги, горя, словно факелы, чародейским огнем. И ярче всех пылал мой учитель, великий архимаг.

Я перешёл на бег, больше не думая, поспевает ли за мной Хьюмонт. Я думал только о том, чтобы занять своё место рядом с другими боевыми магами, и об историях, которые напишут об этой ночи.

Берега провоняли магией. Я учуял её, даже не выбравшись из воды. Отвратительный запах и металлический вкус, такой жёсткий, что мой язык прилип к нёбу. Я не стал говорить об этом братьям - сахуагинам. Хотя для меня источник моего беспокойства звался “магия”, они могут обозначить мою реакцию иначе: “страх”. Для меня одно было неотделимо от другого.

Я показался над поверхностью. Внутренние веки закрылись, но, опередив их, яркий свет окутал бесконечный купол неба. Полуослеплённый, я побрёл к берегу.

Сотни сахуагинов были на песке, и многие десятки из них уже лежали дымящимися кучами. Мы ожидали этого.

Мы тренировались и готовились к этому. Уклониться от ударов волшебников, ворваться во врата, на стены.

Хорошие слова, храбрые. Они убедительно звучали под волнами, но что там, в глубине, не покажется лёгким? На суше я чувствовал себя отяжелевшим, опасно медлительным и неуклюжим. Не успев подумать об этом, я зацепился когтями ног за ремень павшего сахуагина и упал на колени.

Ошибка оказалась весьма удачной, поскольку как раз в тот момент огненный снаряд просвистел у меня над головой, опалив спинной плавник. Запрокинув голову, я вскрикнул от боли, но никто из моих умирающих братьев не показал, что стал относиться ко мне хуже. Может, никто и не заметил. В тонком воздухе звук быстро рассеивался. Почему же так много шума? Если бы сотня акул и вдвое больше сахуагинов впали в безумную ярость среди выводка визжащих китов, вот тогда, может быть, получилось бы нечто, сравнимое с грохотом этого сражения.

Потребовалось усилие всех четырёх рук, чтобы я сумел подняться и заковылять к месту, где барон, командовавший нами, стоял во весь рост, горделиво опираясь на трезубец, словно предъявляя права на этот берег. Ещё два шага, и я увидел другое. Большая, дымящаяся дыра зияла в груди барона, и сквозь неё я мог видеть искорёженные тела ещё троих из нашего умирающего клана. Один из них ухватился за мою ногу, когда я проходил мимо. Губы его зашевелились, и вне воды, которая донесла бы до меня его шёпот, я с трудом расслышал, что он говорил.

“Мясо есть мясо”, умоляюще произнёс он, боясь, что его тело останется бесполезно лежащим на берегу.

Я был голоден после долгого пути к городу – очень голоден – но вонь обугленной плоти не позволяла и думать о еде. Мясо есть мясо, но даже лучший кусок сахуагина можно превратить в несъедобный одним прикосновением огня.

Пинком отбросив в сторону его руку, я оглянулся в поисках своего отряда. Не выжил никто. Вокруг меня лежала куча падали, когда-то бывшая сахуагинами. Ещё недавно гордые плавники были изодраны, прекрасная чешуя тускнела и размягчалась. Мясо есть мясо, но во всех северных морях не хватит сахуагинов для такого пира. Наши владыки пообещали великое завоевание, но от такого не было ни пользы, ни даже силы из тел павших сородичей.

Гнев тёмным приливом поднимался во мне. Приказы приказами, но инстинкт повелевал вернуться в море, бежать в относительную безопасность волн. Мой взгляд вернулся к чёрным водам, и то, что я увидел, заставило меня вновь вскрикнуть. На этот раз восторженно.

Накатывающиеся волны останавливались, не добегая до песка, сливались одна с другой, превращаясь в могучее создание, порождение холодного моря и магии, новой для жриц Секолаха. Элементаль воды, как они его называли. Как гигантский сахуагин поднялось оно, и каждый его шаг посылал волны на чёрно-красный песок. Сахуагины, ещё остававшиеся в воде, воспрянули духом. Некоторые оседлали волну и выбежали с ней на берег. Они также умерли в огне и дыму.

Элементаль шла вперед. Голубоватый свет – бесконечный, испепеляющий, проклятый свет – хлестал со стороны пылающих магов. Воздух наполнило шипение превращающегося в пар элементаля. Магия, связывавшая его, рассеялась, и водянистое тело распалось в громком всплеске, окунулось назад в море, и там, где только что стояло существо, вода забурилась от жара.

На мгновение я снова ощутил искушение отступить, но и море не обещало безопасности, окутанное паром. Прикрыв одной ладонью глаза от слепящего сияния, я стал изучать башню у врат.

Магов было много, чересчур много – гораздо больше, чем заверяли нас наши бароны. В самом центре стоял темнобородый человек. Даже на мой взгляд он был высок и обладал могучим телосложением. Будь он сахуагином, он бы правил, и, похоже, среди людей было так же. Все маги метали огонь, и тёмные круги дымящегося песка были примерно одинакового размера – около десяти футов – рост принца сахуагинов от головного плавника до кончика хвоста. Любой огонь убивал, но тот, что источал высокий маг, превращал сахуагинов в пар и расплавлял песок под ними в спёкшуюся стеклянистую массу.

Повернувшись, я направился на север, к тем магам, которые просто убивали. Начинали подниматься высокие кучи вонючих, дымящихся трупов. Скоро они достигнут стены, и те, кто выживет, хлынут через нее в город. По крайней мере, в этой части план продвигался, как и ожидалось.

Как и было намечено, ни один из сахуагинов не приблизился к гигантским воротам. Ни один труп не добавлял свой вес к стене из дерева. Карабкаясь по горам падали, я молился всемогущему Секолаху, чтобы никто из людей не сообразил, что это значит.

Как раз в этот момент на стене появился новый маг, торопливо побежав севернее, к тому месту, которое наметил и я. Судя по размеру, он был молод. Он был маленький и худой, словно новорожденный малёк, и на нём совершенно не было волос, которые так уродовали прочих людей. Теперь я был достаточно близко, чтобы видеть его лицо, его глаза. Несмотря на странность облика, его жажда схватки была мне хорошо заметна. Этот человек смотрел на битву глазами голодной акулы. Достойный противник, если так можно называть одного из них.

Игнорируя жгучую боль в плавниках, я приготовился к бою.

Я взбежал по извивавшейся лестнице на укрепления, на ходу проводя по лбу ладонью, чтобы пригладить вьющиеся рыжие локоны, прежде чем вспомнил, что я только недавно обрился, устав от преследовавших с детства насмешек. Безволосая голова, которую я намеревался украсить татуировками на манер скандально известных Алых Магов, больше подходила человеку, чья жизнь – волшебство.

Но открывшийся мне вид изгнал столь тривиальные мысли из моей головы, приморозив к месту не хуже ледяного дыхания дракона.

Море бурлило, песок исходил дымом, и огромные зелёные чешуйчатые существа всё надвигались на нас сквозь картину невероятного кошмара.

“Сидон, ко мне!”

Резкая команда Хелбена Арунсунa привела меня в чувство. Пробегая за спинами творящих заклинания магов, я подскочил к нему.

Прежде, чем он успел заговорить, элементаль самых невероятных размеров взмыл из воды, как вырвавшийся на поверхность кит. Он всё поднимался и поднимался, пока не стал вполтину выше даже гигантской Шагающей Статуи. Что касается количества и размещения конечностей, то здесь его облик грубо напоминал человеческий, но я никогда не видел такого ужасающего существа. Полупрозрачные плавники из воды развернулись по его рукам, спине и голове, словно паруса.

“Милосердная Мистра”, - поражённо выдохнул я. “Как чудесно и невероятно, что смертным дано повелевать такой мощью!”

“Оставь это для своего дневника”, - рявкнул Хелбен. “Хью, позаботься о воротах”.

Хьюмонт торопливо направился к центру стены. Он не был полностью обученным магом, и его огненные заклинания больше походили на фестивальные фейерверки – много сверкания и вспышек, но мало субстанции. Тем не менее, должен признать, что эффекты были неплохи. Первое его заклинание озарило небо

розовым сиянием – гигантский луговой цветок расцвёл, распустился и осыпался сверкающими семенами в мановение ока. Весьма впечатляюще. Часть морских дьяволов замешкалась, и я, воспользовавшись возможностью, достал нескольких небольшими огненными шарами.

Копье просвистело в воздухе. Инстинктивно я пригнулся, хотя оно не поразило бы ни меня, ни стоявшего рядом со мной. А вот маг следом за *ним* оказался не столь удачлив. Он содрогнулся, когда копье вонзилось ему в грудь. Развернувшись и потеряв равновесие, он перевалился через стену. Он ещё падал, а морские дьяволы уже вцепились в него, раздирая лапами на части.

Хелбен указал своим посохом на картину жуткого пира и прокричал фразу, никогда не слышанную мною, когда речь шла о магии – хотя она без сомнения вполне часто встречается в ходе потасовок в тавернах. Я не успел ещё прийти в себя от удивления, когда второй, больший сюрприз заставил меня отшатнуться. Мантия мага стала багровой – сотканной уже не из шёлка, а из огня. Пламя даже не касалось погибшего, но обжигало каннибалов, посмевших прикоснуться к нему. Морские дьяволы чернели, оплывали уродливыми свечами, брошенными в горнило.

Архимаг ухватил меня за руку и указал на пылающее одеяние. “Огненные стрелы”, приказал он, и повернулся, встречая новую атаку.

Настало моё мгновение, время для моего нового заклинания – с трудом впечатанного в память, но никогда прежде не применявшегося. Я запустил руку в мешочек с магическими принадлежностями, достал пригоршню песка и камешков, плюнул на нее и выдул к морю. Возбуждение билось в моих венах, смешиваясь с собирающейся вокруг магической энергией – что за поразительная смесь! – пока я торопливо производил нужные жесты и читал слова.

Огонь, охвативший несчастного мага, взорвался мириадами сверкающих стрел, оранжевых, как осенняя луна, и куда более ярких. Эти пылающие копья разлетелись во все стороны. Морские дьяволы визжали, бились в судорогах и умирали. Восхитительное зрелище! Вот, значит, как начнётся мой рассказ внуку, с того, как великий архимаг и я вместе нанесли убийственный удар.

Прежде, чем я смог полностью насладиться победой, гигантское щупальце поднялось из волн и шлёпнулось на песок. Широко распахнув глаза, я пытался поражённым рассудком осознать размеры существа, чьё появление предвещало извещающее щупальце.

Подобных мысленных усилий от меня не потребовалось. Я ещё не успел выдохнуть судорожно втянутый воздух, а показалось уже второе щупальце, затем третье и четвертое. С ошеломляющей скоростью из воды выбралось всё существо. Ни разу прежде не видел такого, я, тем не менее, знал, кто это – кракен, гигантский моллюск, по слухам, обладающий большей хитростью и втрое большим умом, чем торговец драгоценностями.

Подтягиваясь и скользя, существо подбиралось к воротам. Хелбен сунул мне в руки посох и произвёл серию быстрых, плавных жестов. Я не узнал их, и не сумел бы даже приблизительно воспроизвести. Серебристые искорки затанцевали в воздухе перед нами, затем разлетелись в стороны, превратившись в длинный, тонкий и вполне материальный цилиндр.

Я, не удержавшись, хохотнул. Серебряное Копье – одно из изощрённых заклинаний леди Лаэрал.

Рука Хелбена, вытянувшись, сомкнула кулак вокруг пустого воздуха. Отведя руку назад, он изобразил бросок. Гигантское оружие следовало его движениям, будто великий маг и в самом деле держал его в руке. Он продемонстрировал незаурядную меткость – копье, пронизав воздух с огромной силой, почти утонуло в одном из вытаращенных глаз кракена.

Существо издало бесшумный вопль, разодравший мои мысли пламенным потоком боли. Сквозь туман я слышал крики моих братьев-магов, видел, как они падают на колени, прижимая ладони к ушам. Смутно осознавал, что и сам я упал.

Но только не архимаг. Хелбен выхватил Чёрный Посох из моей ослабевшей руки и провел им по воздуху, будто рисуя руны. Я увидел узор глазами, и тут же ощутил его в холодной темноте, остудившей боль.

Молчаливый крик прекратился, боль исчезла. Куда именно – сразу стало ясно. Кракен бешено бился в агонии, слишком хорошо знакомой мне. Хелбен каким-то образом подобрал силу, выжигавшую наши разумы, и обратил её вспять к источнику.

Казалось, пытка болью помутила мысли кракена. Он начал ползти по песку назад, торопливо отступая в море, но одно из щупалец шевелилось, словно выискивая что-то. Оно неожиданно взмыло в воздух и рванулось к воротам. На миг мне открылись тысячи присосок, размерами не меньше обеденного блюда, а затем отвратительная конечность впечаталась в деревянные ворота и замерла, прилепившись к ним. Кракен не обратил внимания на эту помеху его собственному бегству. Он вступил в море, все еще удерживая свою хватку на воротах; заскрипело, подаваясь вперед, дерево.

Для меня это выглядело случайностью, но мой мастер был более изощрен в искусстве сражения. Задумчиво изогнув бровь, он распознал стратегию врага.

“Отменно задумано”, пробормотал лорд Арунсун. “Ворота толстые и прочные – их не взломать тараном и не подорвать. Но, возможно, их удастся выдавить вперед”.

Он сделал жест рукой в направлении Шагающей Статуи. Голем перескочил городскую стену, утонув ногами в куче трупов морских дьяволов. Леди Мистра, сделай так, чтобы звук этого приземления когда-нибудь исчез из моих ушей!

С всплеском тысячи ног вырывающихся из грязи, голем высвободился и двинулся к берегу. Гигантские каменные пальцы впились в туго натянувшееся щупальце кракена. Голем широко расставил ноги и потянул, пытаясь оторвать щупальце от ворот... или кракена. Омерзительные хлюпающие звуки доносились со стороны то и дело отрывавшихся от дерева присосок. Потом подалась сама плоть щупальца, и в воде забурили огромные пузыри воздуха – скрывшийся под волнами, возможно умирающий, кракен пытался выполнить свою работу. Ворота выгнулись, пульсируя в ритме с отчаянными усилиями морского обитателя. Я не взялся бы угадать, что не выдержит первым, они или кракен.

Гроыхнул оглушительный треск, перед которым все остальные звуки битвы казались незначительными, как птичье пение перед рёвом дракона. По деревянным планкам зазмеились широкие трещины. Статуя удвоила усилия, каменные руки напряглись в титаническом усилии, пытаясь либо заставить монстра освободить ворота, либо разорвать его на части.

Наконец кракен сдался. Щупальце резко отлетело от ворот и как змея обернулось вокруг каменного лица голема. Тот сопротивлялся как мог, упираясь ногами, но был медленно затянут в воду, оставив за собой глубокие борозды. Поверхность воды содрогалась и бурлила от продолжившейся схватки гигантов. Руки статуи переплелись с бьющимися конечностями кракена, и наконец оба скрылись под утихшими волнами.

Лорд Арунсун не выглядел довольным этой победой. “Мы выигрываем”, - заметил я.

“Когда вокруг столько смерти, не выигрывает никто”, - прошептал он. “Такое загрязнение гавани... подобная победа может уничтожить город”.

Жуткий вопль прорезал воздух. Я узнал голос, но никогда прежде не слышал в нём таких страха и боли. Я развернулся ему навстречу. Финелла Хендлер, красивая девушка, почти не уступавшая мне в искусстве сотворения огня, видимо, слишком устала, чтобы управляться с собственной магией. Огненный шар разорвался в её ладонях, и она запылала как свеча. Обезумев, она скатилась по наклону внутренней стороны стены и, продолжая кричать, понеслась по улицам. Боль не позволяла ей понять, что лучшей её надеждой на спасение были другие маги.

Второй возглас, столь же отчаянный, прозвенел со стороны юноши, которого я знал только по имени – Томас. Он был тихим пареньком, я даже не знал, что он любил Финеллу. Теперь в этом не было сомнений. Юноша тратил всю свою магию, посылая сбивающие пламя чары вслед умирающей возлюбленной, но её лихорадочная спешка не позволяла прицелиться. Вскоре последние отблески огня Финеллы скрылись из виду; я содрогнулся.

Хелбен жёстко подтолкнул меня. “К северу. Сахуагины почти прорвались”.

Мгновение я стоял как парализованный. Такая возможность даже не приходила мне в голову, я и представить не мог, как мне сражаться с морскими дьяволами на улицах Уотердипа. Боги одарили меня быстрым умом и талантом в Искусстве, но ни силой, ни умением обращаться с оружием я похвастаться не мог. Мои огненные заклинания в городе не помогут. Старая древесина и соломенные крыши с готовностью подхватывают огонь, а как к своему горю убедилась Финелла, пламя куда легче разжечь, чем погасить.

Новая неотложность убыстрила мои шаги, с обновлённой тщательностью я мысленно пересчитал оставшиеся заклинания, молясь, чтобы их хватило. Морских дьяволов надо остановить здесь и сейчас.

Пробегая мимо Хьюмонта, я ухватил его за руку. “Пойдём со мной”, бросил я. “Пугай их своими искрами, выиграй мне время”.

Он последовал, но рука его потянулась к поясу с мечом, а не мешочку с компонентами для заклинаний. Магия осталась из нас двоих только у меня, и я щедро рассыпал её здесь и там, пока мы пробивались к северу. Я старался не задумываться, что буду делать, когда иссякнут мои резервы.

Когда мы добрались до назначенного мне поста, одновременно произошли две страшные вещи. Усталость превратила посланный мною огненный шар в бессильный дым, и две огромных, перепончатых, тёмно-зеленых ладони уцепились за верхушку стены прямо передо мной.

Шесть пальцев, подумал я словно в тумане. У морских дьяволов шесть пальцев. Уродливые ладони напряглись, и существо подтянулось, оказавшись со мной глаза в глаза.

Я забыл обо всём, уставясь в черноту этих отвратительных глаз, пустых, бездонных и безжалостных, темнее безлунной ночи.

Вот как выглядит смерть, прошептал я, а потом все мысли растворились в безумном вопле, вырвавшемся из моего горла.

Безволосый маг завёл песню – заклинание. Звук вышел пугающим, более звенящим и сильным, чем я предполагал услышать вне воды, способной нести его. На мгновение страх приковал меня к месту.

Момент слабости, не более, но маги поторопились им воспользоваться. Второй волшебник, этот бледный словно рыбье брюхо, выбежал вперед, занося меч. Наконец-то понятная мне битва.

Первым импульсом было запрыгнуть на парапет, но я вспомнил, что ни у одного человека, похоже, нет моей особенной мутации. У всех у них только одна пара рук. Я оставался на месте, пока маг-воин не оказался почти вплотную, но невидимыми ладонями потянулся к двум небольшим клинкам на ремнях.

Он атаковал резко, уверенно. Навстречу опускающемуся клинку я поднял кинжал. Появление третьей руки поразило его, заставив от неожиданности ослабить силу удара. Легче лёгкого оказалось отбросить руку с мечом вверх, ещё проще – рубануть небольшим, изогнутым серпом и раскроить ему живот.

Сладкий, тяжёлый, завораживающий аромат крови нахлынул волнами. Я перескочил на стену, к подаренному обеду. Строго говоря, передо мной был ещё враг, а не пища, но эту проблему решить было легко. Я запустил ладонь глубоко в тело человека и вырвал пригоршню внутренностей. Жизнь оставила его мгновенно, и я забросил еду в рот.

“Мясо есть мясо”, проворчал я, глотая.

Опустилась благословенная тишина – безволосый маг закончил свою пронзительную песню. Он начал медленно отступать назад, выпучив глаза. Я не сразу понял, что именно, обознавшись, принял за заклинание: слабость, панику, *страх*. После этого моя схватка была, можно сказать, выиграна.

И не только моя. Другие сахуагины пробились на стены и сражались в рукопашную с людьми. Часть волшебников ещё метала магию и пламя, но у большинства, похоже, силы кончились.

Триумф превратил мой страх в постыдное воспоминание. Я вдохнул воздух, впусив его в горловой мешок, чтобы заговорить. “Где твой огонь, маленький маг? Он ушёл, и скоро ты станешь мясом”.

Маг – теперь просто человек – повернулся и побежал, как испуганная рыбёшка. Я чуть запоздал, удивлённый, что воин может так позорно оставить поле боя, поджав хвост. Вот что такое эти маги, в конце концов. Такие же слабые и беспомощные, как и любой человек. И этого труса я боялся как какого-то чудовища?

Ирония происходящего вырвалась смехом. Громким, булькающим, свистящим смехом, волнами, от которых содрогнулся мой живот и затряслись плечи. Всё ещё хихикая, я последовал за бывшим чародеем, полусбежавшим, полускатившимся по лестнице.

Несмотря на веселье, я был полон решимости. Я съем свой страх, и тем верну себе честь.

Мистра милосердная, что за звук! После этого кошмарного смеха, всё прочее в какофонии битвы казалось сладкой музыкой. Я бежал от этого звука, нёсся прочь от смерти в бездушных чёрных глазах морского дьявола, и от воспоминаний о сердце храброго Хьюмонта, наколотом на его когти.

Все, кто сражался и пал у Западных Ворот, удостоятся одного конца, единой мрачной и незавидной судьбы. Будь то торговец или благородный маг, человек или сахуагин, разница оказалась невелика.

Позади над песками разнёсся грохочущий гром. Я почувствовал вспышку вызванной магией молнии, знакомый вой огненного элементаля, но уже не думал о том, какие новые волшебные чудеса призовет Хелбен Арунсун. Вообще не *думал*. Я превратился в животное, мясо, которое ещё дышит, и, следуя животному инстинкту, убегал от смерти.

Смерть следовала за мной по городу, бежала быстро, как морской дьявол за моей спиной. Вихрь заклинаний защитников вызвал не один пожар. Справа от меня огонь подхватила выложенная брёвнами улочка, и он быстро распространялся от одного к другому. С другой стороны улицы пылал особняк. Утром от него не останется ничего, только почерневший остов и обугленные кости престарелой дамы, с отчаянием на лице высунувшейся из окна верхнего этажа и умоляюще протягивавшей руки. Увиденных мною за столь короткое время ужасов хватило бы на сотню мрачных историй. Я отмечал их с той же бессловесной, неразмышляющей ясностью, которая помогает кролику найти путь сквозь заросли, удирая от лисы. Городские улицы были переполнены криками, запахом смерти, и треском огня.

Огонь.

Не знаю почему, но вздымающиеся языки пламени, отпечатавшиеся в онемевшем разуме, вернули мне некое подобие рассудка. Я вспомнил всё известное мне о морских дьяволах, и что огня и магии они боятся превыше любой другой вещи. Вот почему меня выбрали для Западных Ворот, почему я был вызван на стены, сражаться подле архимага. В моём распоряжении было несколько огненных заклинаний. Оставалось последнее, вотканное в магическое кольцо, которое я носил всегда, но в панике совсем о нём позабыл.

Но где использовать его? На улицах моего города хватало огня. Ага, вот и ответ. Строение сбоку уже вспыхнуло, большего вреда я уже не причиню. Я рванул по ступеням к садику на крыше, чувствуя на бегу жар под ногами. Морской дьявол не отставал, дыша за спиной размеренными, шипящими глотками воздуха.

На крыше я развернулся, став лицом к лицу с сахуагином. Он двинулся на меня, разбрасывая с пути почерневшие каменные горшки с увядшими от нестерпимой жары цветами. Все четыре массивных зелёных руки потянулись, готовые ухватить меня. Челюсти были распахнуты, и с поджидающих клыков капала окрашенная кровью слюна.

Я не побегу. Хьюмонт, человек, которого я оценивал так презрительно – и ошибочно – стоял и сражался, оставшись безо всякой магии. Сорвав колечко с пальца, я швырнул его в морского дьявола.

Круг зелёного пламени вспыхнул из кольца, окружив существо, потусторонним сиянием поблёскивая на его чешуйках. С того мига и до самой смерти, я всегда буду представлять себе тварей Бездны купающимися в зелёном свете. Морской дьявол издал испуганный, свистящий вопль и упал, отчаянно перекатываясь и пытаясь сбить с себя магический огонь.

Я огляделся вокруг в поисках оружия, которым можно было бы довершить дело. На крыше был очаг, а рядом с ним несколько железных вертелов для поджаривания мяса. Они подойдут.

Никогда я не нападал на живое существо оружием из стали или железа. Пусть эта история тоже останется нерассказанной, но к третьему вертелу задача стала казаться полегче. С четвёртым я уже почти лихорадочно торопился убить. Сахуагин всё ещё был жив, а вот зелёный огонь слабел.

Неожиданно пол под моими ногами дрогнул, глухой рёв стал громче. Крыша начала терять устойчивость, я инстинктивно отпрыгнул...

Прямо в руки сахуагина.

Морской дьявол снова перекатился, сначала я оказался наверху, потом меня придавило его весом, но ни на миг он не отпускал меня. Как бы отчаянно не пытался сахуагин избавиться от огня, он явно намеревался поступить со мной так же, как с Хьюмонтом.

Но хоть он и был быстр, рассыпающееся строение его опередило. Крыша подалась и упала, провалилась на этаж глубоко под ней. Я ощутил неожиданный порыв жара, ошеломляющее чувство падения... и резкий рывок, когда мы остановились.

Две руки морского дьявола сжимали меня, но две других ухватились за край появившейся дыры. Могучие мускулы сахуагина напряглись – ещё немного, и он вырвет нас обоих из пасти пожара.

Всё было кончено. У меня не осталось заклинаний. Из волшебника я превратился в пищу.

Мои руки бессильно опустились по бокам, и одна коснулась металла. Это оказался серповидный клинок, разорвавший Хьюмонта.

Я схватил, и он не казался в моих ладонях таким чуждым, как я ожидал. Сахуагин увидел клинок слишком быстро. Я подумал ещё, что заметил в чёрных глазах нечто вроде уважения, когда, изогнувшись в его хватке, со всех сил ударил по ладоням, державшимся за край. Больше у меня не было огненных заклинаний, но это уже не имело значения.

“Пламя есть пламя”, выкрикнул я, и мы вместе понеслись навстречу дожидавшимся огненным языкам.

Каким-то образом я выжил и в падении и в пламени. Невыносимая боль в дни и месяцы, следовавшие за этим – ещё одна вещь, о которой никогда не узнают мои восхищённые потомки. Человек Сидон выжил, но великий волшебник, которым я намеревался стать, сгорел. Даже моя страсть к магии ушла.

Нет, не совсем так. Не ушла, но стала иной, мягче. Исцеляющее зелье раздуло крошечную искру жизни в моём теле и частично вернуло подвижность в обгорелые ладони. Хелбен Арунсун часто навещал меня в эти дни, и из тихих бесед я узнал больше правды о великом архимаге, чем лицезрел на пылающих укреплениях Западных Ворот. С его одобрения теперь я работаю над созданием зелий и снадобий – чар, предназначенных для исправления того, что магией разрушено. Пока есть маги, всегда будут нужны такие, как я. Пламя есть пламя, оно сжигает всё, к чему прикасается.

Дедушка, пожалуйста, расскажи – что ты делал, когда напали морские дьяволы?

Возможно, когда-нибудь у меня будут дети, и их дети попросят меня поведать им историю. Их глаза будут сиять в ожидании героических деяний и чудес волшебства.

Они будут детьми этой земли, рождёнными от крови и магии, и такие истории принадлежат им по праву.

Но, о госпожа моя, Мистра, я не знаю, что мне ответить им.

ПОСЛАННИК В СЭРОС

Питер Арчер

10-ый день месяца Тарсах, Год Перчатки

Золотые колонны солнечного света пронизывали голубовато-зелёную воду, поблёскивая и колыхаясь. Между и сквозь них взад-вперёд шныряли рыбёшки, чья чешуя сперва вспыхивала, затем погасала. Над чистым песчаным дном скользнул скат-манта, оставляя за собой облачка потревоженного ила. Над красно-жёлтыми кораллами в полуденном солнце лениво нежился морской окунь, пока более мелкие рыбки скрывались в его тени.

Но стоило морским течениям изогнуться и смениться, как окунь зашевелился и неспешно укрылся за кораллом. Большая стая поблёскивающих толстолобиков дрогнула и распалась, когда сквозь завесу воды промчался русал; его синие волосы потоками струились за ним, а хвост метался из стороны в сторону, толкая тело вперёд. Струи крохотных пузырьков вырывались из-под его рук и отрывались от

туловища. Он стремглав пронзил водную толщу и исчез из виду. Спустя несколько минут окунь вернулся на прежнее место, и всё стало, как и раньше.

Русал же продолжал движение. В его голове приказы от Нарроса звучали так же чётко и громко, как и в тот момент, когда они достигли его ушей:

- Ты должен добраться до Сэроса, – сказал ему шаман, – и предупредить наш народ об угрозе вторжения сахуагинов. Расскажи об ужасах, что произошли в Глубоководье. Твоё послание должно достичь их – и своевременно. Иначе они придут сюда, только чтобы обнаружить море мёртвых.

- Но Наррос, как же я смогу добраться дотуда вовремя? Сэрос в сотнях километров дальше вглубь материка, и мы отрезаны от нашего племени там. Даже если я доберусь в нужное время, даже если они согласятся выслушать – направят ли они помощь?

- Они должны, - мрачно обронил шаман. – На этот раз это не мелкая потасовка с морскими дьяволами. Нет, на этот раз это древнее пророчество, что надвигается на нас из морских пучин. Если оно исполнится, весь Фаэрун будет в опасности.

Наррос взял Траксосу за руку и провёл до выхода из залы. За дверью, повинувшись течению, кружились и колыхались морские водоросли.

- Среди нашего народа долго ходят слухи, что к югу от Глубоководья, среди скал, опоясывающих берега, можно найти протоки, объединяющиеся в подземную реку. Возможно, в одном из таких протоков ты сможешь найти пространственные врата, ведущие к нашим братьям, в Море Упавших Звёзд. Сделай всё, на что только способен. Мы рассчитываем на тебя.

Траксос скривил рот. Рассчитывают. Траксос всегда был надёжным. Не героем. Не амбициозным. Не особенным. Просто... надёжным.

И вот Наррос отправил его на безнадежное задание...

Отправившись на юг от Глубоководья, Траксос рыскал среди прибрежных утёсов два дня. Целых два дня он плавал туда-обратно, заглядывая в каждую пещеру, исследуя каждую трещину и надеясь, что очередная окажется той, что приведёт его к подводному пути в Сэрос.

Всё оказалось тщетно.

Русал уже начал думать, что все старые легенды – всего лишь запутанные сказки из далёкого прошлого, в котором, возможно, подобный проход и существовал, но был разрушен каким-нибудь грандиозным катаклизмом, встряхнувшим и сушу, и море.

И вот снова камни под кромкой моря высились перед ним, чёрные и неприступные. Вздываясь на дыбы, они перерастали в огромный утёс полутора десятков метров высотой. И на середине пути навстречу виднелось чёрное пятно.

Ещё одна пещера.

Вдохнув, Траксос поплыл вверх. Вход в пещеру был около трёх метров шириной, а его края были сглажены постоянным натиском приливов. Стены укутывали водоросли, слегка колыхавшиеся в бледном свете, льющемся ото входа, от сияющего наверху солнца. Траксос заплыл внутрь; его тело подстроилось под внезапный холод окружающих вод. В непроглядной черноте прохода он на ощупь пробирался вдоль стен, грубых и неровных. Один или два раза он чувствовал

пустоту, словно главный коридор пересекался с путями поменьше, но продолжал свой путь по большому тоннелю.

Проход резко завернул вправо, и Траксос, повернув вместе с ним, наткнулся на холодную поверхность. Камень. Очередной тупик.

Он едва не взвыл от злости и отчаяния, и с силой ударил по стене коридора.

От удара что-то сдвинулось. Перегородившая путь стена, на которой всё ещё лежала его рука, подалась назад, а вода хлынула вперёд, в узкий лаз. У русала едва хватило времени чтобы укрыть голову руками и съёжиться так сильно, как он только мог, прежде чем поток утянул его вслед за собой.

Вода со всевозрастающей скоростью толкала его вперёд. Посланник чувствовал мощь движения вокруг него, но никак не мог контролировать своё собственное. На уровне инстинкта он почувствовал, что лаз стал немного шире. Вода несла его всё быстрее и жёстче, несколько раз приложив о стены. Ощувив вкус крови, он уже знал, что она принадлежит ему же. Пару раз он даже стукнулся головой. Ему казалось, что он потерял сознание, но он не мог ответить точно. Когда же русал открыл глаза, окружение оставалось в точности тем же – всё то же шумное движение воды, всё те же размытые стены по сторонам.

Быстрее и быстрее. Гонец потерял ощущение скорости, с которой его тащило. Тело как будто растянулось и назад, и вперёд, словно неведомая сила пыталась сжать его в бесконечно тонкую нить, и закончиться это могло только тем, что он распался бы на мириады кусочков.

Но впереди забрезжил тусклый свет, постепенно усиливаясь. Внезапно каменистые стены разошлись – Траксосу окружили свет и пространство.

Он обернулся назад. Дыра в стене медленно смыкалась, закрываемая невидимым механизмом. Спустя минуты границы сомкнулись с оглушительным грохотом, и стена вновь выглядела так же непроницаемо, как и та преграда, что он встретил в самом начале пути.

«Ну и как далеко меня занесло? – подумал русал. – И в какой части Фаэруна я вообще?»

Быстрый осмотр позволил предположить, что он очутился в каком-то мелком озерце. Уже в шести-семи метрах над головой виднелась залитая светом поверхность, почти ослепляющая после темноты перехода. Русал поднялся к ней, и спустя секунды его голова взметнулась над гладью воды.

Неподалёку расположилось побережье, на которое набегали лёгкие волны; тёмные ели со всех сторон обступили водный круг. Их верхушки тихо перешёптывались, выступая аккомпанементом к чьим-то рыданиям.

Траксос огляделся. В десяти метрах дальше кромки воды лежал перевёрнутый фургон. Угли ближайшего кострища ещё дымили, а по всей земле вокруг были бесцеремонно разбросаны различные мешки и свёртки. Все они были вскрыты, а содержимое извлечено – людьми-грабителями, подозревал гонец. В своих странствиях вдоль Побережья Мечей он насмотрелся достаточно, чтобы понимать всю степень жестокости, которую одни люди проявляли к другим. Но откуда плач?

Маленькая девочка, восьми или девяти лет, с золотистыми волосами, облепившими заплаканное лицо, сидела рядом с двумя свёртками. Они были больше и аккуратнее остальных, и Траксос не сразу понял, что это не просто товары, а тела.

С того места, где русал всплыл на поверхность, он мог различить красные ручейки, начинавшиеся под убитыми и проложившие петляющий путь к водам озера.

Траксосу мало интересовали детали произошедшего здесь, но ему позарез нужно было узнать, куда привело его неожиданное путешествие.

- Эй, - осторожно позвал он.

Плач не прекратился, поэтому он попытался ещё раз.

- Эй, там!

На этот раз девчушка подняла голову и дико огляделась с искажённым от ужаса лицом. Траксос взмахнул хвостом и скользнул к опоясавшим озеро камням.

- Девочка... где я?

Она посмотрела на него широко распахнутыми глазами, но затем новая буря горя обуяла её. Она упала ничком на мшистую землю, рыдая и крича.

- Прекрати! – вскрикнул Траксос. – Прекрати немедленно, слышишь?

Его голос, в который русал вложил всю доступную ему силу, похоже, до некоторой степени отрезвил девочку. Она села и вытерла глаза грязными кулачками.

- Где я? – снова попытал счастья посланник.

- Мамочка и папочка ум... - её голос сорвался, и она выглядела так, будто собиралась вот-вот вновь удариться в слёзы.

Чешуйки Траксосу почёсывались от нетерпения, но он старался, чтобы его слова звучали спокойно:

- Да. Мне жаль. На вас напали?

Девчушка покивала головой.

- Грабители. Мамочка сказала мне спрятаться под кроватью в повозке. Я так и сделала, а потом папочка закричал. Потом мамочка, а грабители засмеялись, а потом фургон перевернулся и кровать упала на меня. Я почти не могла дышать. Больше ничего не помню. Потом я выбралась, а мамочка и папочка... - она снова начала всхлипывать.

Какой-то частью Траксос отметил, что потеря сознания скорее всего спасла сироте жизнь. Бандиты, очевидно, слишком спешили, чтобы тщательно обыскивать повозку. Забрали, что смогли быстро найти, и сбежали, оставив трупы жертв разнообразным стервятникам, каковые тут только имелись.

Девчушка прекратила плакать и теперь смотрела на русала спокойнее:

- Ты привидение?

- Что?

- Ты привидение? – совершенно будничным тоном повторила она. – Мамочка говорила, что в этой роще и вокруг озера водятся привидения. Мы хотели быстро пересечь это место, но наша лошадь исчезла, и нам пришлось дожидаться новой здесь.

Траксос понял, что девочка не имеет ни малейшего понятия о том, кто он на самом деле. Всё что она видела – голова и плечи мужчины над водой. Он покачал головой:

- Нет, дитя, я не привидение. Я даже не знаю, где я. Можешь мне сказать?

- Это Роща Фрагалиш.

Название ничего не значило для Траксосу.

- Далеко от Сэроса?

Девочка не ответила ничего, но выглядела озадаченной. Это название тоже явно ни о чём ей не говорило.

Гонец вспомнил, что шаман называл море по-другому, именем, которое использовали обитатели Глубоководья. Как же оно было?

- Море... Упавших... Упавших Звёзд. Точно. Как далеко мы от него?

- Далеко, - она рьяно помотала головой с косичками. - Очень, очень, очень далеко. Мы ехали в Кормир. Папочка говорил, что мы не доберёмся туда ещё много, много, много дней.

Траксос опять огляделся. Озеро было не таким уж большим. Дальний берег, такой же каменистый, да и вообще похожий на тот, к которому он подплыл, лежал не больше, чем в паре километров. Русал внутренне вздохнул и попытался ещё раз.

- Как далеко мы от Побережья Мечей?

Девочка мрачно размышляла.

- Совсем далеко. Мой дядя Элиас живёт в Глубоководье, и мы никогда с ним не виделись, потому что папочка говорит, туда слишком долго ехать.

Сердце Траксоса упало. Этот подземный проход, хотя и не ворота в буквальном смысле этого слова, невероятно быстро доставил его в это озеро в какой-то глуши. Теперь он застрял здесь так же крепко, как если бы попался в сети рыбака. И проход закрылся. Конечно, где-то в озере может быть и другой выход, но только боги знают, куда он может привести.

Девочка внимательно наблюдала за ним.

- Почему ты не выходишь из воды? - внезапно спросила она.

Траксос не ответил на вопрос, и сирота повторила его громче. Со вздохом гонец повернулся к ней:

- Потому что не могу. Я - русал.

Рот девушки раскрылся, и несколько тонких писклов донеслось оттуда, прежде чем голос к ней вернулся.

- Правда? Я никогда не видела русалов. Дядя Элиас говорит, что рядом с Глубоководьем живут русалы и помогают его защищать. А моя подруга Андриана говорит, что если поймать русала за хвост, он выполнит три твоих желания, но в это я не верю. Ну то есть, чтобы поймать русала за хвост, тебе придётся плыть быстрее него, а это невозможно, потому что все знают, что русалки плавают быстрее всех, даже быстрее рыб, но точно не знаю, потому что когда-то у меня была ручная рыба, её звали Берф...

- Тихо, дитя! - взревел Траксос. Его голова раскалывалась. Маленькая сирота потрясённо смотрела на него пару мгновений, а затем снова залилась слезами.

- О, во имя Тира! - русал нетерпеливо бил хвостом. - Деточка, я не хотел показаться злым или сердитым, но пойми, мне нужно доставить важное послание правителю нашего народа в Море Упавших Звёзд. Возможно, судьба всего Фаэруна от этого зависит, но теперь я не знаю, как мне выполнить мою миссию.

Горечь наполнила его голос.

- Они доверились мне! Она рассчитывали на меня. Я их подвёл. Теперь обо мне скажут только так! Все скажут, что Траксосу поручили важное задание, а он не справился. Никто никогда не нашёл его тело. Он пропал где-то в далёких водах п...

- Пстой! – малышка уже перестала плакать и теперь снова смотрела на него большущими глазами. – Почему бы не поехать верхом?

Посланник покачал головой, пульсация в которой становилась всё сильнее. Окунувшись полностью, он жадно вобрал воду глубоким вздохом, прежде чем вернуться на поверхность.

- Что ты имеешь в виду, дитя? У меня нет скакуна, и даже если бы в моём распоряжении сейчас был самый быстрый дельфин на свете, он бы смог вытащить меня отсюда с тем же успехом, что и я сам. Нет, всё кончено. Я медленно умру здесь, в полном отчаянии, пока по всему Побережью Мечей будут петь песни о моей печальной кончине, и...

Девочка, всё это время осматривавшая окрестности озера, неожиданно прервала его:

- Почему ты не поедешь на лошади?

Траксос, ошарашенный её непонятливостью, уставился на неё. Затем, голосом, которым мог бы объяснять что-то какому-нибудь простофиле, он терпеливо объяснил:

- Я не могу ездить на лошадях. Я же говорю, я – русал. Как я смогу забраться? Кроме того, лошадь движется слишком медленно. Я должен окунаться каждый час, иначе умру. Даже дышать мне тяжело уже после нескольких минут. Видишь ли, ...

Девчушка нетерпеливо помотала головой.

- Нет, нет. Не на обычной лошади – на летающей. Они намного быстрее, а с воздуха можно увидеть воду. И ты сможешь искупаться и опять почувствовать себя лучше.

Траксос фыркнул.

- И где же, скажи мне, я найду летающую лошадь?

Малышка торжественно кивнула:

- Подожди здесь минуту.

Она кинулась к обломкам повозки, юркнула под выступающий деревянный брус и начала энергично рыться.

Гонец остался на месте, тихо бурча себе под нос. Но его насторожил неестественный шорох листьев в сотне метров от него; русал невольно задумался, не объявились ли разбойники вновь.

Девчушка вернулась, сжимая в пухлом кулачке что-то длинное и тонкое.

- Это папочкин магический жезл, - тихо объяснила она. – Он использовал его, чтобы сделать лошадь, когда наша кончилась.

Траксос взглянул на фургон, где на дороге лежал труп забитого животного. Девочка проследила за его взглядом и помотала головой:

- Нет, не эта. Её мы купили в городе уже давно, дней десять назад, кажется. Но она была не волшебной.

Траксос был впечатлён, хоть и признал это неохотно.

- Что же случилось с волшебной?

- Она ушла, но я могу сделать другую.

- Это был пегас? – он заметил, что её брови сдвинулись в недоумении, и поспешил добавить, - летающая лошадь?

- Нет, но смотри!

Она обхватила жезл двумя руками и направила дальний конец на участок травы неподалеку. Траксос увидел, что предмет был гладким, деревянным, а оба конца были обвиты металлическими полосами. Сирота закрыла глаза и наклонила голову, сосредотачиваясь. Спустя мгновение гонцу показалось, что наконечник начал светиться. Спустя ещё одно он был в этом уверен.

С ошеломляющей внезапностью луч белого света вырвался из скипетра и растёкся по траве. Когда он усилился до ослепительного сияния, Траксос моргнул, и перед его глазами поплыли пятна.

Когда он моргнул ещё раз, пятна пропали. Вместо них теперь красовался огромный ёж, стоя в траве с выражением недоумённого удивления. От его плеч отходили два тоненьких крылышка, казалось, принадлежавшие истощённой летучей мыши, и явно неспособные нести такой внушительный вес. Ёж потянулся мордочкой к спине и подверг эти необычные отростки тщательному обнюхиванию. Восприняв всё, что его в них интересовало, создание осмотрелось, недоверчиво всхрюкнуло и отправилось в лес плавной, сотрясающей землю трусой.

Траксос раздражённо уставился на девочку:

- Ради всего святого, дитя, аккуратнее! В таких предметах обычно ограниченное число зарядов. Мы не можем позволить себе тратить их на глупые ошибки.

Сиротка уставилась в ответ, надув верхнюю губку.

- Я не виновата, - огрызнулась она. - Никогда раньше не использовала, - и повернулась к русалу спиной.

Тот протянул руку:

- Не важно. Лучше дай мне. Возможно, мне повезёт больше.

- Нет! Моё! Он был папочкин! – в голосе слышны были слёзы.

Посланник тщательно следил за тем, чтобы голос оставался ровным:

- А твой папоч... отец не говорил, сколько там зарядов?

Девчушка секунду поразмышляла, затем выдала:

- Три. Точно. Он сказал, можно использовать ещё три раза.

Траксос моргнул.

- Хорошо, но один ты уже использовала, значит остаётся два. Попробуй ещё раз, и пожалуйста, постарайся сделать всё правильно.

Она кивнула и снова вытянула жезл перед собой. На этот раз, когда изливавшийся свет усилился, Траксос отвернул голову. А когда повернулся обратно, на полянке стояла великолепная белая лошадь, тихо пожёвывая траву. Сложенные на спине крылья, красивейшие из всех когда-либо виденных русалом, превосходила крылья даже тех пегасов, что время от времени мелькали над очертаниями Города Роскоши.

Девочка без малейшего страха подошла к животному. Оно посмотрело на неё водянистыми глазами и наклонило изящную шею. Сирота потрепала её, погладила гриву и едва слышно прошептала что-то на ухо. Затем посмотрела на гонца:

- Ну что, пойдём.

Тот удивлённо поинтересовался:

- Откуда ты знала, что нужно ей сказать?

Девчонка на мгновение застыла в недоумении, затем ответила:

- Тот, кто призывает, тот и контролирует. Так папочка сказал, - очевидно, папочка был пророком, чьи слова не подвергались сомнению.

Вся радость, которую Траксос ощутил, наблюдая за магическим появлением скакуна, уже растворилась, и он беспомощно потряс волосами:

- Как я заберусь? И как смогу удержаться весь полёт?

Девочка серьёзно задумалась над этими вопросами, а затем вернулась к обломкам вокруг фургона, нырнула в одну из куч, через секунду появившись с мотком верёвки. Пальцами, весьма ловкими для такого юного возраста, она соорудила грубую узду, которую накинула на не сопротивляющегося пегаса. Подведя животное к камням, на которые опирался Траксос, она вручила ему конец верёвки.

- Хватай и держи.

Прежде чем русал успел ответить, девчонка хлопнула лошадь по крупу. Та резко двинулась, и Траксосу мгновенно выдернуло из воды на сухую, твёрдую землю, где он теперь лежал, забавно трепыхаясь.

Девочка засмеялась, и Траксос почувствовал, как кровь прилила к щёкам. Ни один русал нигде не чувствует себя таким же беспомощным, как на суше, и Траксос не был исключением.

- Что ты делаешь? – с негодованием закричал он на «помощницу». Поднявшись на руки, он неуклюже попытался заползти обратно в зовущие прохладные воды озера.

- Нет, нет! – она схватила его за плечо. – Подожди.

Она окинула его критическим взглядом – от мускулистого торса до конца роскошного чешуйчатого хвоста. Повернувшись к скакуну, она занялась верёвкой, закрывая телом свои действия.

Траксос чувствовал, как лёгкие болезненно сжимаются. Солнце обжигало его хвост, привыкший к прохладе воды. Он провёл им по сухой земле и поразился, как же люди и прочие существа могут существовать на такой неприятной поверхности.

- Вот!

Девочка отошла, и посланник увидел, что она соорудила обвязку, свисавшую с бока животного. В животе у него засосало, но он спросил:

- Это для чего?

- Для тебя, глупый! – повинувшись команде, летающий конь подошёл к Траксосу и встал на колени. – А теперь, - продолжала она, - держись за тот конец, - она тронула свисающий кусок, - и Фреяла затащит тебя на спину. Я обвяжу тебя, чтобы ты не упал, и мы отправимся.

У Траксоса было так много возражений против этого плана, что он просто не успел их высказать. Девочка сунула верёвку в его ладони. Пегас – и когда только она успела дать имя этой проклятой зверюге? – поднялся, и Траксос почувствовал, как обвязка опутала его, поддерживая со всех сторон. Его спутница потянула за другой конец, и крепления обхватили его ещё плотнее.

- Вот так, - торжествующе провозгласила она. – Удобненько?

Сам Траксос вряд ли использовал бы именно это слово. В рыбацкие сети он никогда не попадался, но он подозревал, что ощущения испытывал бы сходные.

Девочка же не обращала внимания на его недовольные ворчания. Она подошла к телам родителей и нежно накрыла их одеялами. Затем, без лишней спешки, подобрала фонарь, открыла дверцу и вылила на них масло. Поискала вокруг до тех пор, пока не нашлись кремьень с трутом, выбила искры и отошла назад, когда огонь занялся. Глядя на сполохи пламени, она пронзительно прокричала что-то на непонятном русалу языке. После этого, решительно отвернувшись от погребального костра, она проворно вскарабкалась на лошадь и схватила импровизированные поводья.

- Поехали, - приказала она. Не дожидаясь никаких других команд, летучий конь подскочил, расправил крылья и взмыл ввысь.

Посланник морского народа довольно быстро заключил, что путешествие по воздуху, должно быть, как минимум такое же малоприятное, каким он себе представлял путешествие по земле. Ветер постоянно свистел в ушах, делая любые разговоры невозможными, а нескончаемый поток воздуха иссушил чешую и кожу до такой степени, что казалось, будто в них вонзаются тысячи игл. К исходу часа он больше не мог выносить боль. Девчушка, изредка на него поглядывавшая, всё поняла и приказала пегасу спуститься ниже. Привстав с места и осматривая землю из-за плеча животного, она указала куда-то вперёд и вниз:

- Вон там!

Пегас нырнул, и русала оглушил всё нарастающий вопль ветра. Только спустя мгновение он понял, что это был его собственный крик.

Они приземлились с лёгким толчком; конь сложил крылья и мягко проскакал ещё несколько десятков метров. Каждый шаг болезненно встряхивал Траксосу, а верёвки врезались в кожу с мучительной силой.

Девочка легко прыгнула, но скакун направился дальше. Траксос уже собирался спросить, что происходит, но понял, что лошадь двигалась в воде, с каждым шагом поднимавшейся всё выше. В следующую секунду он уже полностью погрузился в чистое, холодное горное озеро.

Облегчение ошеломяло. Русал жадно глотал воду и бешено бил хвостом, позволяя благословенной прохладе заполнить всё вокруг и его самого. Осматриваясь, он увидел берега совсем неподалеку – это оказалась почти лужа, может, в несколько раз больше, в полтора метра глубиной и шесть метров поперёк. Вода была свежей и, похоже, накопилась из-за таяния снега. В другое время Траксос решил бы, что она слишком уж холодная, но сейчас этот клочок казался оазисом умиротворения.

Сеть всё ещё ограничивала его движения, и, прижатый к пегасу, он чувствовал, как ходят ходуном бока животного, следуя ритму дыхания. Ощущение было столь правдоподобным, что было сложно поверить в его магическую природу.

Зверь потряс головой и спешно побрёл к берегу, остановившись, когда вода опустилась до груди, но Траксос всё ещё был частично погружён. Русал чувствовал себя освежившимся и громко смеялся, не скрывая удовольствия.

Девочка, без дела сидевшая у кромки воды, засмеялась вместе с ним. Гонец посмотрел на неё с уважением и спросил:

- Как твоё имя, девочка?

- Ариэлла. А твоё?

- Траксос, из русалов Глубоководья.

Она кивнула, запоминая эту информацию.

- Далеко ли мы добрались, Ариэлла?

Она помотала головой и ответила:

- Не знаю. Прежде чем мы спустились, я увидела большой лес... вон там, - девчушка неуверенно махнула рукой куда-то вправо. – Не знаю, насколько далеко. Думаю, мы пролетели ужасно много, но не так много, как нужно – впереди я не видела моря нигде, но и оглядываясь назад, тоже моря не видела, а значит между одним морем и другим морем очень много земли, ведь так?

Головная боль Траксоса, стихшая, когда он плескался в воде, подала признаки возвращения. Девчонка беззаботно щебетала ещё несколько минут, затем посерьёзнела:

- Что ж, пора двигаться дальше.

И снова они поднялись в воздух и воспарили над Фаэруном. Траксос обнаружил, что опыт пребывания вне его стихии не становится более терпимым со временем. Вновь приблизительно после часа полёта они спустились, в этот раз на берегу небольшого водоёма. И теперь Траксос настоял на том, чтобы его спутница высвободила его из обвязки – и на протяжении получаса он плавал в воде, расслабляя затёкшие мышцы. Ариэлла казалась странно нетерпеливой, а в какие-то моменты даже возмущённой, например, когда Траксос задержался, стараясь как можно дольше отсрочить момент залезания обратно.

Странная парочка продолжила путь в той же манере, поднимаясь и опускаясь с воздушными потоками. Солнце, вставшее на востоке, когда они начали своё путешествие вместе, достигло зенита, а потом и плавно зашло на западе. Они спускались почти каждый час, хотя пару раз летели и дольше. В таких случаях Траксос чувствовал себя очень плохо и проводил больше времени в водоёмах, чтобы восстановиться.

Опустилась ночь, но они продолжали лететь в полной темноте. Они летели уже где-то час, и Траксос почувствовал знакомое ощущение в животе, возвещавшее спуск. Как и обычно, болезненные ощущения перемежались с ожиданием прохладной воды, хотя с заходом солнца неудобства путешествия немного сгладились.

Русал и девочка скользили всё ниже и ниже, и казалось, крылья пегаса стали мягче биться о прохладный ночной воздух. И вдруг Траксос понял, что привычное тепло лошадиного бока пропало. В следующее мгновение он уже летел вниз вверх тормашками. Паника скрутила его внутренности, но это продолжалось всего лишь секунду перед тем, как он погрузился в воду.

Пруд был очень мелким, мельче чем все ранее попадавшиеся. К счастью, гонец пролетел всего около четырёх метров, но даже так неожиданное столкновение выбило из груди весь воздух. Он ворочался в иле на дне, глотая живительную влагу, затем быстро всплыл.

- Ариэлла! – позвал он.

Ответом была тишина, прерванная шорохом и слабым: «Траксос?»

- Я здесь. Что случилось?

Снова шорох, затем в тусклом свете он разглядел крошечную фигурку, выскочившую из кустов, которые смягчили падение. Лицо девочки выглядело грязнее обычного, а на лбу, похоже, появилось несколько длинных ссадин, но в остальном выглядела невредимой, заметил Траксос с огромным, поразившим его самого своей силой облегчением.

- Что случилось? – повторил он.

Пару секунд она шмыгала, потом ответила:

- Фрея ушла.

- Ушла? Что это значит? Как она могла улететь прямо из-под нас?

- Она не улетела, - нетерпеливо объяснила Ариэлла. – Просто ушла. Они все уходят.

- Что ты имеешь в виду? – Траксос потряс головой, пытаясь прочистить мысли.

- Они все уходят через день.

Посланник вздохнул. Очевидно, всё шло слишком хорошо, чтобы так могло продолжаться и дальше. Он должен был догадаться, что магическое создание может существовать лишь ограниченное количество времени.

- Ты можешь призвать её снова? – спросил он.

Девочка кивнула.

- Да, но сперва нужно отдохнуть. К тому же я проголодалась. Пойду поищу еды.

Траксос огляделся. Судя по всему, они приземлились на какое-то плато. Впереди земля обрывалась, уходя на кто знает какую глубину. Леса уступили голым камням и лишайникам, где и укрыться-то особо негде.

- И что же ты собираешься здесь найти? – поинтересовался он.

- Не знаю, - отозвалась девчушка. – Думаю, вон там могут быть заросли дикой земляники. Унюхала что-то похожее, когда свалилась в кусты, - она невольно хихикнула.

Русал покачал головой.

- Не думаю, что ты должна бродить одна в темноте. Лучше продолжить полёт.

- Я хочу есть, - теперь её голос звучал угрюмо и обиженно. Она встала с того места, где присела поговорить с русалом, и побрела во тьму.

- Ариэлла! – крикнул Траксос. – Не делай этого! Я... запрещаю! Слишком опасно!

Ответа не было.

- Ариэлла!

Всё ещё тихо. Траксос тихо выругался. Очевидно, с человеческими детьми сладить было так же непросто, как и с русалочьими.

Резкий крик прорвал ночную тишину, и внезапно вспыхнул яркий факел. Траксос заслонил глаза, защищая их от слепящего огня. Когда он осмелился посмотреть в ту сторону, он увидел Ариэлла, изо всех сил бегущую к нему. За ней, перелезши через низкую гряду, вывалились три массивных фигуры. Одна из них несла горящую ветку, и у всех троих в руках были дубины. Пришельцы были закутаны в какое-то рваньё, а их лица, жестокие и с нависшим бровями, во всех направлениях сразу пересекали шрамы.

Огры.

Ариэлла обогнула озерцо, скрывавшее Траксосу; огры же жадно пялились на девочку. Затем рванули вперёд. Двое пошли берегом, обходя озеро с обеих сторон,

третий же сунулся прямо в воду. Никто из них как будто не заметил русала – только его голова торчала над поверхностью.

Тот, что выбрал прямой путь, волочил дубину в воде. Траксос, незамеченный, потянулся к нему, когда монстр проходил мимо, и выхватил у него из рук.

- Э?

Огр бестолково таращился в воздух и по сторонам, решив, что оружие у него отнял не иначе как дух воздуха. Посланник морского народа поднялся так высоко, как мог, и со всей силы размахнулся, обрушив кусок дерева на колено великана.

Огр свалился в водоём, подняв тучу брызг, и забился, заывая и сжимая раздробленную коленную чашечку. Траксос ударил снова, в голову, но попал вскользь. Чудовище схватило русала за горло и сдавило – и боль придавала его хватке ещё больше сил.

Мир поплыл перед глазами Траксосу. Ночь наполнилась цветами, и он услышал громкий рёв. Прямо перед ним уродливая морда огра то расплывалась, то становилась чётче. В отчаянии русал ткнул тонким концом дубины – прямо в глаз нападавшего.

Огр выронил русала и упал на спину, визжа и держась за лицо руками. Потоки крови стекали по телу в воду. Траксос ударил ещё раз, и крики резко прекратились. Огр упал, наполовину оставшись лежать в пруду.

Траксос огляделся в поисках спутницы. Она укрылась за маленьким низкорослым деревцем и уклонялась от двух неспешно преследовавших её чудищ. Её гибкое тело и высокая скорость пока помогали ей избегать преследователей, но русал знал, что эта погоня может закончиться лишь одним.

Он отчаянно пытался придумать какой-нибудь план. Крикнув, он надеялся привлечь внимание огров, но они не обратили никакого внимания, сосредоточившись на меньшей, и более уязвимой добыче. Если они и видели, что их товарищ пал, им не было до этого дела.

Один из них зацепил потрёпанное платье девочки. Та закричала и вырвалась, порвав ткань. Огр мерзко захохотал и замахнулся дубиной.

Шаря по берегам своего места заточения, Траксос нащупал что-то длинное и тонкое. Магический жезл. Подняв его, он вспомнил слова, которые Ариэлла сказала в начале их путешествия. «Призванное животное подчиняется тому, кто его призвал». Не медля ни секунды, он направил жезл и сконцентрировался.

Долгие мгновения ничего не происходило, и в голове у русала промелькнула мысль, что зарядов больше не осталось. Затем наконецник засветился, а потом ослепительно зажегся. Огры, отвлечённые этим необычным зрелищем, взглянули на русала и зарычали. Затем к ним присоединился третий рык, громче и свирепее.

Перед ними стоял тигр.

Взвизгнув, огр побольше развернулся бежать. Хищник взмахнул когтистой лапой, и голова монстра рассталась с плечами. Второе чудовище тоже бросилось наутёк, но тигр оказался быстрее. Прыгнул – и раздался жуткий звук раздираемой плоти, а затем в ночи эхом разлетелся предсмертный крик огра.

Ариэлла подбежала к Траксосу и, всхлипывая, бросилась к нему в объятия. Русл потрепал её по волосам, удивившись их мягкости. Спустя какое-то время она перестала плакать и мрачно посмотрела на спасителя.

- Зачем ты это сделал?

Русал пожал плечами.

- Больше ничего не оставалось. Я не мог выбраться из воды, а они уже готовы были тебя убить. – Он взглянул на тигра, спокойно сидевшего в некотором отдалении и очищавшего лапу. Траксосу показалось, он даже расслышал, как большая кошка мурлычет. Русал повернулся к девочке. – Отдохнём здесь, а утром двинемся дальше.

Девочка отвернулся, и русал понял, что что-то не так.

- В чём дело?

- Это был последний заряд.

Траксос осел в воду и погрузился полностью. В голове всё смешалось. Должен же был быть выход! Они не могли пройти такой путь, только чтобы проиграть!

Спустя несколько минут он поднялся. Всё ещё было темно, но вдалеке, где земля спускалась ниже, виднелись маленькие цепочки огоньков. Гонец указал на них Ариэлле и произнёс:

- Ты должна идти туда. Возьми тигра для защиты. Никто больше не посмеет напасть, пока он с тобой. Когда доберёшься до поселения, скажи им своё имя и откуда ты. Скажи, что у тебя есть сообщение для королевства морского народа в Море Упавших Звёзд. Скажи, что на Глубоководье напали армии сахуагинов, и они должны подготовиться к атаке морских дьяволов. Скажи им, что они должны послать любую доступную помощь на Побережье Мечей, прежде чем его опустошат. Сможешь запомнить?

Девочка потрясла головой, слёзы уже почти достигли поверхности глаз.

- Ты тоже должен пойти, - просила она. – Я останусь здесь, с тобой. Кто-нибудь придёт и найдёт нас, увидишь.

- Нет, Ариэлла, - покачал головой Траксос. – Это слишком важно. Когда доставишь сообщение, можешь послать кого-нибудь за мной, но оно должно достигнуть Моря Упавших Звёзд. А теперь повтори его.

Ей пришлось повторить послание много раз, прежде чем русал был удовлетворён. Всё это время он помнил о том, что время существования тигра медленно истекает. Наконец, девочка была готова.

Гонец указал в темноту:

- Похоже там есть дорога, ведущая куда-то вниз. Наверно она спускается с плато в долину. Когда доберёшься до низа, направляйся на запад и найдёшь поселения. Теперь поторопись. Я рассчитываю на тебя и на... - он на мгновение задумался, затем торжественно провозгласил: - Ширагу.

- Ширагу, - задумчиво повторила она, с теплотой посмотрев на большую кошку. – Хорошее имя. Да, я буду называть его так. Пойдём, Ширага.

Тигр поднялся, подошёл к Траксосу, лизнул волосы и вслед за Ариэлой скрылся во тьме.

Траксос погрузился обратно в водоём и осмотрелся. Тело огра, падая, расплескало ещё больше воды, а та, что оставалась, смешалась с кровью и грязью, представляя малоприятное месиво глубиной едва ли в метр.

Ночь медленно прошла, взошло солнце, сияя на востоке. Прудик нагревался, с поверхности начали подниматься тонкие струйки пара. К полудню он стал вдвое

меньше. Тело русала наполовину ещё находилось в воде, но водоём неумолимо уменьшался. Из последних сил посланник перекатился набок и окинул взглядом холмы Фаэруна. С того места, где он лежал, далеко впереди, на самой границе зрения, он увидел тонкую голубую полосу. Море, подумал он. Море Упавших Звёзд.

Он представил, как глубоко ныряет в эту воду, смеясь, плача от радости, гоняясь за рыбёшками между рифами, хватаясь за дельфинов, проплывающих под самой поверхностью. Над ним, под ним, вокруг него был его мир. Медленно всё исчезло, и Траксосу объял невиданный покой.

К западу отсюда, маленькая девочка с грязным лицом и порванным платьем смело подошла к двери домика и постучала. Пухлая крестьянка потрясенно смотрела на неё, пока эта девочка говорила:

- Привет. Меня зовут Ариэлла. У меня есть сообщение для морского народа Моря Упавших Звёзд. Оно очень срочное. Впустите меня? Тогда, может быть, вы сможете помочь мне добраться дотуда.

Смолкнув, она обернулась назад, туда, где заходящее солнце окрасило холмы в кроваво-красный, и улыбнулась.

МЕСТО, ГДЕ СТРАЖА ХРАПИТ НА ПОСТАХ Эд Гринвуд

9-ый день месяца Киторн, Год Перчатки

Челюсти плотно стиснуты, мышцы передних плавников напряженно пульсируют, говоря о раздражении или неодобрении. Этим сахуагинам приказы и суждения Яховаса явно не кажутся приемлемыми. Упрямые идиоты.

Сардинах убрал щупальца с алебард и гарпунов, которые он обвил как бы между прочим в тот момент, когда прибыли морские дьяволы, и подтянул их поближе к навигационной карте на столе. Он сделал это не спеша, чтобы показать рыбоголовым, как мало он их боится, и постучал печатью лорда по карте земель Минтарна – печатью лорда сахуагинов Рракулнара – напомнив о том, что их хозяева как минимум уважали власть «какого-то кальмара».

- Приказы, выданные мне лично Яховасом, - начал он мягко, но выделяя каждое слово, - предельно ясны: осадить Минтарн, не позволяя никому войти, и, что важнее, выйти из порта. Захват острова, конечно, был бы выдающимся деянием – лично я нахожу его даже соблазнительным – но оно не может быть нашей главной целью. Прежде всего прочего мы должны не дать кораблям покинуть Минтарн и

отправиться за помощью в Глубоководье, Врата Балдура и другие прибрежные города.

- И это лучше всего сделать, - прошепел самый крупный и уродливый из сахуагинов, имитируя придуманный акцент Краундипа, известного – даже немного мифического – города-колыбели сахуагинов Побережья Мечей, - захватив весь остров. – Он говорил так, будто объясняет общеизвестный факт обычному ребёнку, а не вышестоящему офицеру.

Мимолётом, хотя и не в первый раз, Сардинах задумался, не получает ли Яховас какое-то личное, извращённое удовольствие, ставя ненавидящих друг друга обитателей моря одного над другим. Возможно, целью было снижение вероятности предательства, но такая тактика уж точно способствовала возникновению очень напряжённых моментов.

Такое лениво скользнул щупальцем по карте, давая рыбоголовым понять, что даже теперь, когда они начали двигаться от противоположного конца стола ближе к нему, поглаживая копья и кинжалы, он боялся их не больше, чем раньше.

- Мы подробно обсудим это, когда позволят обстоятельства, - сказал он им. – Приближается Млаверлат.

Затонувший корабль, служивший Сардинах штабом, лежал под углом на рифе, который вырос сверху, поглотил и теперь сдерживал остатки воедино. Большой части дна среди них не было, что давало течениям доступ к внутренностям судна и открывало панорамный вид на синюю бездну, через которую и плыл сейчас Млаверлат.

Млав был импульсивен и амбициозен, в этом больше походя на сахуагинов, чем на своих сородичей, а потому слишком часто попадался в челюсти собственной безрассудной нетерпеливости. Но, в чём отличие от рыбоголовых – его шкура всё ещё носила пёстрые пятна молодости. А эти следовали излишне прямолинейно вот уже много лет, и это было проблемой, с которой ему придётся бороться.

Да он прямо сейчас с ней борется, акулу за жабры!

Как и все тако, Сардинах мог жить на берегу или под поверхностью волн, хотя и предпочитал более тёплые воды, чем местные. Он знал, чем ценен Минтарн. Сухопутные считали этот остров стратегически важным для торговых путей Побережья Мечей – предлагающим превосходную естественную гавань и неподвластным законам, налогам и указам прибрежных королевств. А ещё Сардинах знал, что ненавидит этих двоих офицеров больше чем всех остальных рыбоголовых, и что он должен стремиться уничтожить их раньше, чем им удастся сделать то же самое с ним. К сожалению, они распоряжались сильным и дееспособным ударным отрядом, превосходившим все остальные отряды Даунфоума в количестве по меньшей мере шесть к одному, или даже больше. Момент придётся подбирать невероятно осторожно.

К счастью, понятие «невероятно осторожно» многие принимали близко к сердцу, а вот никто из сахуагинов по-настоящему не понимал. Если бы только получилось научить Млава использовать хотя бы толику, прежде чем станет слишком поздно.

- Восссможно, теперь мы можем отчитатьсясссс, - сказал сахуагин Нарардиир, тоном, ясно дававшим понять, что он на это разрешения не ждёт, да и не спрашивает.

Сардинах старательно не смотрел на силуэт приближающегося Млаверлата, холодно, почти незаинтересованно бросив:

- Так почему не отчитываетесь?

Оба сахуагина зашипели, показывая своё недовольство, но, поскольку тако даже не посмотрел на них и вообще никак не отреагировал, им пришлось продолжать. Их чёрные глаза следили, неотрывно следили. Беспольные буркала. Он повернулся к ним спиной – рыбоголовые не пугали старого, морщинистого тако.

- От нашших шшшпионов на побережье есссть новоссти как плохие, так и хорошшие, - быстро начал Нарардиир. – Дракон Хундаррх, «Красная Ярость Минтарна» не так давно погрузился в свой Долгий Сссон в своей пещере. При вторжении он не мешает.

- Хорошие новости, - легко согласился Сардинах, пройдя мимо выставленных снаружи часовых – которые взглянули на него, но не окликнули – и теперь не отрывал взгляд от Млаверлата. – А плохие?

На этот раз заговорил другой сахуагин и – хвала богу морских отбросов – был прямолинеен:

- Недавние нападения пиратов-работорговцев вынудили Тарнхила Эмбуирхана, человека, называющего себя Тираном Минтарна и являющегося правителем этого куска суши, пригласить группу наёмников на службу, в качестве портового гарнизона. Хорошо тренированных. Называют себя «Отряд Чёрного Баклера». Бытует мнение, и мы склонны ему верить, что они не будут медлить с пробуждением дракона, если решат, что их враги в шаге от победы.

- Большшие докладывать особо не о чём, - добавил Нарардиир, - но...

- И это хорошо, - мягко перебил Сардинах, - потому что Млаверлат уже здесь.

Пока он договаривал, молодой тако выбросил щупальца во всех направлениях, пытаясь затормозить и прервать своё стремительное движение, и вплыл в офис Сардинаха; конечности трепетали, вода потоками вырывалась из-под них, унося остатки достоинства.

Как и подобает не лучшему подчиненному, Млаверлат пролетел между зашипевшими сахуагинами и столом Сардинаха и врезался в дальнюю стену комнаты с глухим шлепком. Старая, но укреплённая кораллами переборка даже не шевельнулась.

- Слава Сардинаху, мастеру всех наших странствий, - торопливо пробулькал Млаверлат, из-за спешки и нервности выпуская множество пузырьков. – Оный приветствует тебя, и в то же время нижайше просит прощения за опоздание. Оный разработал хитрый план, как и обещал, и явился изложить перед мастером.

Он бросил взгляд на двух сахуагинов и, нервничая, слегка потемнел. Багровый цвет стал намного насыщеннее, когда рыбоголовые насмешливо прошипели «Хитрый план! Хитрый план!» и подались вперёд, чересчур активно загребая перепончатыми когтистыми лапами.

- Мои офицеры, похоже, в предвкушении, - сухо объяснил Сардинах, игнорируя взгляды морских дьяволов. – Не обращай внимания и говори свободно. Не заставляй меня ждать.

Млаверлат выдохнул, породив струю пузырей, обхватил ближайшую мачту – скорее для уверенности, которую она придавала, чем для опоры или чего-то ещё – и сказал:

- План онго должен помочь уничтожить и морской народ, живущий в гавани, и этот новый гарнизон человеческих наёмников.

Сахуагины возмущённо зашипели, поняв, что их «новости», очевидно, для всего остального Даунфоума были не такими уж и свежими, и Сардинах тщательно следил за тем, чтобы пощёлкивание клювом, выдававшее его довольство, осталось незамеченным его подчинённым. Тон Млаверлата больше бы подходил фразе: «Онй придумал план, который, как онй надеется, позволит онму вновь вернуть расположение Сардинаха».

- Прошу простить онго за повторение общеизвестных фактов, - запинаясь, продолжал молодой тако. – Это вовсе не оскорбление, а всего лишь основа схемы. Итак, уже несколько лет морской народ Минтарна боготворит и жадно поглощает устрицы из Сияющего Моря, что недалеко от восточного Калимшана и Граничных Королевств, там, где воды подогреваются рекой, идущей от Озера Пара. Сулдольфане – жители города, больше остальных поставляющего этих устриц, которые почему-то называются «мабаданн», «лимонные», – их любят, как и морской народ Минтарна.

Оба сахуагина одновременно обнажили клыки, раскрыв рты в широченном зевке, предназначенном показать, как им скучно. Сардинах не придавал этому значения, но Млаверлат, явно смутившись, продолжал, запинаясь ещё больше:

- Н-на приветственных дружеских пирах в честь нового г-гарнизона, которому они, в конце концов, должны доверять, морской народ угощал людей этими устрицами.

В торопливом возбуждении молодой тако отпустил свой якорь и беспокойно пересёк каюту, волоча щупальца по скошенной палубе, а затем обратно.

- Людям моллюски так понравились, что теперь наполненные водой бочки с живыми мабаданнскими устрицами – самый долгожданный товар в Минтарне. Сухопутные даже организовали несколько тайных доставок, чтобы получить ещё больше.

Сахуагины подплыли поближе, склонив головы, чтобы слышать лучше – явный признак заинтересованности.

- В прибрежных пещерах около Сулдольфора живёт маленти, Джирулга Рлурун, за которой имеется должок. Уже долгие годы она практикует магию, погружающую живые существа в особый сон, стазис – и они перестают дышать и видеть, будто умерли – на некоторое время, пока не выполнятся условия пробуждения.

Щупальца тако теперь едва ли не плясали от предвкушения.

- Если удастся уговорить её наложить заклинание на сотню-другую вооружённых булливагов, - завершил Млаверлат, повысив голос, - из тех, что живут недалеко, или у берегов Граничных Королевств, к югу от Ялласха – и заставить их

проснуться, когда бочки вскроют, то они смогут стать следующей поставкой устриц, проведённой мимо морского народа и доставленной прямо на кухни Минтарна!

Тако редко радуются вслух, но сейчас бурный поток пузырей означал оглушительный смех Сардинаха. Он заглушил даже удовлетворённое уханье сахуагинов, и из-за него командир Даунфоума едва смог показать своему красному и дрожащему подчинённому своё одобрение.

- Займись этим, Повелитель Устриц! – проревел Сардинах, неожиданным движением шупалец разорвав на куски пропитанную водой скамью. – Иди и возвращайся с победой!

- Вот уж точно, - пробормотал Брэндор, когда оба Чёрных Баклера, самых высоких и мускулистых из всего отряда, убрались с дороги, делая пассы руками, будто творя заклинания и крича, будто от смертельного ужаса, а затем закатили глаза и заухмылялись, - «Место, Где Стража Храпит На Постах».

Он игнорировал и их хохот, и постоянные удары рукояток кинжалов, колотящихся о его тощие плечи – унижительное напоминание о том, что ему, тоже Чёрному Баклеру, совсем недавно более опытный воин прилюдно объяснил, что он должен быть готов сражаться руками и клинками, если его заклинания окажутся слишком жалкими. Теперь ученик плёлся по скользким ступеням вниз, на кухню... где его ждало очередное наказание.

Брэндор вечно подвергался наказаниям. С момента прибытия Баклеров на обдуваемый морским ветром Минтарн, список его дневных поручений и обязанностей достиг длины, даже для самого молодого задохлика, когда-либо носившего знак Чёрных Баклеров, весьма впечатляющей.

То, что он был единственным учеником опытного, но стареющего Драскина, главного волшебника Отряда, делу тоже не помогало. Наоборот, двое других магов группы считали «мелкого дурачка Брэндора» будущим соперником, которого нужно высмеивать и унижать при любой возможности. Большинство могучих бойцов Баклеров также считали его жалким подобием мужчины, мишенью для насмешек – до тех пор, пока он не сбежит куда-нибудь в море, избавив от своего присутствия и своих шуточек.

О да, его шуточки – единственный источник веселья, единственное оружие. Уже давно он приобрёл привычку отвечать на издёвки быстрым языком и ловкими пальцами. Все, кто доставал Дурачка Брэндора, платили цену, даже если были влиятельными – к вящей радости и громкому хохоту их коллег.

Остров Минтарн был маленьким и почти лишённым растительности; население с подозрением относилось к вооружённым чужакам и тщательно охраняло свои секреты, не шибко приветствуя особо любопытных – и ещё меньше того, кто носил и знак Чёрных Баклеров, и мантию мага. Всеобъемлющая скука стала причиной того, что Брэндор назвал остров «Местом, Где Стража Храпит На Постах», что не добавило ему любви среди собственных солдат Тирана Минтарна.

Это случилось ровно тогда, когда скуку парня навсегда развеял вид темноглазой, темнобровой Шалары, чьи волосы оттенка самого солнца целовали изящные плечики, обрываясь посреди красивой спины. При мысли о ней Брэндор начал спускаться быстрее. Она часто приходила поболтать с Хальгером; она могла быть там прямо сейчас.

Дочь Тирана порхала по укреплениям и лестницам Минтарна словно несмелая тень, способная двигаться сама по себе. Говорили, что она – точная копия своей почившей матери, никогда не любившей грубую силу и бахвальство, но уважавшей острый ум. Именно поэтому она проделала долгий путь из Сулдольфаора на скудный на чудеса, одинокий остров, несмотря на царивший здесь промозглый холод, в итоге и забравший её жизнь.

Говорили так же, что Тиран обожал свою дочь – но Брэндор её почти боготворил. Он часами бродил по бастионам на пронизывающем до костей ветру, лишь бы увидеть девушку хотя бы краем глаза, а Хальгер в итоге запретил ему приближаться к кухням – за исключением тех случаев, когда ему приходилось работать там, отбывая наказание – когда парень десять дней слонялся там без дела, не отводя взгляд от Шалары, когда та заглядывала.

Очевидно, она не хотела заходить, когда на неё пялились, чуть ли не обливаясь слюной, и Хальгер так об этом и сказал. И всё же он пошёл бы на что угодно – даже на публичную трёпку от рук самого волосатого, самого мерзкого из бойцов-Баклеров, или на отречение от магии – лишь бы заслужить её улыбку и дружбу.

Вместо этого, он пошёл по единственному пути, на котором его могли хоть как-то заметить. Шуточки.

Брэндон Дурачок провернул ряд с каждым разом всё более невероятных трюков, чтобы впечатлить Шалару Эмбуирхан. Он начал с того, что незаметно прибил к земле сапоги посапывавших на постах стражников, подтвердив точность придуманного им названия; затем перепутал все заказы для гарнизона в торговых лавках.

За этим последовало перемешивание нижнего белья всего офицерского состава, а потом и вовсе подмена его на аналогичную одежду, но принадлежащую высокородным дамам замка Тирана. А затем все щиты, вывешенные на замковых стенах, таинственным образом поменяли своё местоположение; наконец, речь дворцового камергера была остроумно переписана, как раз накануне той ночи, когда сам камергер свалился с болезнью, велел своему заместителю прочитать её – со строгим наказом «не менять ни слова».

В ту же ночь люди снова слышали стенания призрака Минтарна, как раз под окнами побитого домика в доках, в чьих дверях приглашающе улыбались фигуристые красотки, и где Чёрные Баклеры имели обыкновение оставлять свои монеты и неугомонность. Позже кто-то выпустил в порту целый загон мулов и...

Неизбежная расплата обрушивалась на голову Брэндора. Ему доставалось всё – кухонные обязанности, ещё больше кухонных обязанностей, мытьё гор посуды, закатывание целого сонма рыбных консервов и неловкий спуск по длинной, скользкой тропе прочь от замка, в конце которой ждало выбрасывание объедков, мерзкого ведра за мерзким ведром, в пруды, где разводили нотрописов; рыбы,

словно руки, высывались из бурлящей воды и открывали миниатюрные пасти, каждый раз приветствуя кормильца.

И все эти утомляющие поручения выполнялись под неусыпным оком старого повара замка Минтарн, а Хальгер был не тем человеком, кто мог пропустить или стерпеть хотя бы секунду подготовки к розыгрышам и прочим безобразиям. Бывший пират с жирным пузом, с правой рукой, оканчивающейся деревяшкой (которой он обычной придерживал почерневший, побитый котёл), Хальгер, пыхтя, громыхал по своей вотчине – заполненному дымом залу с высокими потолками – каким-то образом поддерживая огонь не меньше чем в трёх очагах разом, а также стабильный поток еды на тарелках с крышками-клош для насыщения обитателей замка, стражи Тирана, Чёрных Баклеров и прочего люда, оказавшегося за гостевым столом правителя.

За эти годы Хальгер также стал наставником и доверенным лицом Шалары, мудрым старым проводником по большому миру. Он знал её тайные мысли и желания, и её рассуждения о мире и людях вокруг неё. Смеющийся взгляд его глаз, падая на молчаливого Брэндора, заставлял того съёживаться и, иногда, хотеть завять от полнейшей безысходности.

Пройдя под изгибами арок, сконструированных так, чтобы не дать жестоким ветрам задуть пламя кухонных печей, ученик Драскина выдохнул с облегчением. Кто-то подбросил слишком много дров в жерло углового очага. Дым и искры с рёвом поднимались по самой длинной трубе, той, что возвышалась над толстыми стенами сигнальной башни, словно пытаясь достать до небес. Хальгер кричал, мужчины с покрасневшими лицами и каминными щипцами в руках сновали туда-сюда в запачканных сажей фартуках, пока женщины, мрачно склонившись над разнообразными посудинами, ждали, когда буря уляжется. На просторной кухне со множеством балконов правили бал хаос и вихри дыма.

Посреди всего этого безумия его ждала груда картошки, лишённая – хвала богам – компании старого повара-пирата со сложенными на могучей груди руками и спокойным, но бритвенно-острым взглядом, готовым наказать одного всем известного паренька за нерасторопность. Благодарный судьбе Брэндор схватил нож для очистки, оставленный Хальгером на стуле, заметил ведро с такими же ножами, к которому он, предположительно, должен был обращаться, если его оружие затупится, и понял, что обречён.

На угловом очаге варился картофельный суп с луком-пореем, и теперь, несомненно, содержимое котлов сгорело напрочь. Совсем скоро Хальгер, в своих морских ботфортах, придёт сюда, ожидая увидеть гору свежеччищенного картофеля, весом в три раза больше собственного. Если некий, хм, послушный послушник будет усердно, не щадя пальцев, работать, то возможно – возможно – почистит к тому моменту шесть картошин.

Брэндор сглотнул, сел на стул и закрыл глаза. Если изменить заклинание танцующего клинка совсем чуть-чуть, то он сможет двигаться по кривой. Четыре таких... нет, лучше шесть... строчек, и надрезы выстроятся по поверхности одного примерно сферического объекта. Утроить количество дохлых комаров и железной стружки, добавить это утроение к результирующей формуле – и он получит четыре летающих по своей траектории ножа, чистящих за него овощи. Всё что ему останется

делать – отойти подальше, вместе со стулом и ведром, и следить, чтобы никто из идиотов не забрёл на поле битвы. В любом случае, всего один щелчок пальцами заставит оружие мгновенно упасть на пол. Во имя Азута, ошибки и быть не может!

Быстро оглянувшись на затихающую суматоху и убедившись, что Хальгер не смотрит, парень глубоко вдохнул и торопливо пробормотал заклинание. Он чуть не потерял палец, когда нож вырвался из руки и полетел к застывшей в ожидании куче картофеля, но чары сработали. О, Мистра, сработали!

Он уже набрал полную грудь воздуха, готовясь победно рассмеяться, когда увидел, что ножи летают слишком быстро, а коричневые, влажные очистки, летевшие во все стороны, стали бледно-белыми. Воздух наполнился мокрой картофельной стружкой! О боги!

Юноша щёлкнул пальцами, но облако лезвий лишь замелькало ещё быстрее. В отчаянии он прочитал результирующую формулу задом-наперёд, и со вздохом облегчения – почти всхлипом – Брэндор увидел, что ножи упали на землю. Звона они при этом не издали – теперь пол почти до колена был усыпан свежей картофельной нарезкой.

Не сводя глаз с этой катастрофы, ученик мага внезапно осознал, что полностью промок – потому что был весь покрыт ошмётками холодной, мокрой картошки, медленно сползавшими по лицу, с пальцев и мимо ушей – и что на кухню опустилась резкая, всепоглощающая тишина.

Он едва ли мог поднять глаза, чтобы встретиться взглядом с Хальгером, но отступить было некуда. Стряхивая нарезанный картофель с рук, Брэндор неуверенно поднял голову.

И обнаружил себя лицом к лицу с Шаларой Эмбуирхан – в чьих глазах радость быстро менялась на отвращение.

- Эм, какая приятная встреча, Шалара, - промямлил он, и там, где никакой надежды и быть не могло, надежда всё же появилась. Боги, пасть ещё ниже было уже некуда.

- Когда ты уже повзрослеешь и перестанешь тратить свои способности на глупости? – резанули эти сладкие губки, теперь тонкие от гнева. – Шутки это для детишек; взрослые мужчины, глупые настолько, чтобы заниматься розыгрышами, очень быстро становятся мёртвыми.

Нет, он всё-таки ошибся. Вот *сейчас* пасть ещё ниже было некуда.

Девушка стояла, глядя на него с презрением, казалось, целую вечность, затем развернулась, словно вихрь из красивого платья и длинных рукавов, и ушла прочь из кухни.

Брэндор не смог сделать ничего другого, кроме как покраснеть, словно варёный лобстер и мрачно кивнуть в подтверждение её слов. Он так и стоял с поникшими плечами и покрытый влажными картофельными очистками, когда вся кухня услышала, как с глухим грохотом захлопнулась дверь, ведущая на лестницу башни. Такой грохот могла произвести только очень, *очень* разозлённая юная барышня.

Брэндор взглянул на свои руки и увидел, что они трясутся. Пара до боли знакомых потрёпанных ботфортвов появилась в поле зрения и остановилась перед ним. Парень поднял глаза, без особого энтузиазма.

Хальгер стоял, сложив волосатые руки на груди, но в глазах бегали искорки. Конечно же. Он встретил жалостливый взгляд ученика мага, усмехнулся и пробурчал:

- Значит, хотим впечатлить леди, а? Почисти эту гору прежде, чем мы тут закончим – уверен, это её точно впечатлит.

Знакомый нож, блеснув, появился в его кулаке; повар бросил его пареньку. Брэндор легко поймал его и мрачно стиснул, угрюмо взглянул на кучу нетронутой картошки за скользкой массой нарезанной, и, оскальзываясь, пошёл к ней, намереваясь расправиться с ней – проверенным способом.

- Из важного, господа, мне сказать вам нечего, - тихо сказал Тиран Минтарна. – Вы так же, как и я, хорошо знаете, что за эти шесть дней ни один корабль сюда не доплывал, и ни одного не замечали даже с башен. Как будто море поглотило их все, взамен отдав лишь тишину.

Все присутствующие хмуро потянулись за кубками – белобородый правитель Минтарна, седоволосый маг Драскин в своей мантии и привлекательный, но суровый лидер Чёрных Баклеров, Олдивар Маэрлин, создававший впечатление бдительного и опасного боевого командира.

Именно Маэрлин поднял бровь, давая магу ясный сигнал. Драскин прочистил горло, глотнул вина и снова прокашлялся, прежде чем сказать:

- Заклятья дают нам зыбкую возможность пробиться через такую тишину, мой лорд. Прошлой ночью я работал над экспериментальными чарами, пытаюсь коснуться разума ночных птиц и посмотреть их глазами. Эксперимент, в целом, оказался неудачен. Мои попытки в основном сбивали птиц с толку, в результате чего они падали в море, но мне удалось заполучить временное местечко в кабине каравеллы, мчавшейся на север из Амна – к Невервинтеру или, в случае неудачи, в любую другую безопасную гавань.

Тиран поднял голову и тяжело уставился на колдуна; последние слова означали войну.

- Местечко за столом, где матросы обсуждали...? – начал он. Голос его был таким же тихим, как и раньше, однако комнату наполнило напряжение подобное тому, что окутывает оценивающих друг друга врагов в секунды перед вот-вот начнувшейся схваткой.

- Тёмные слухи, хотя и из вторых рук, - ответил Драскин. – Совершенно нападение на Глубоководье – полномасштабная атака разнообразных морских созданий. Корабли потоплены, экипажи, защищавшие свои суда – истреблены... всё в подобном духе. Нечто похожее постигло и Врата Балдура. Моряки говорили, что корабли, направлявшиеся оттуда, «потоплены во множестве». А в некоторых случаях даже «утянуты чем-то на дно». Один из них рассказал, что слышал разговоры о прибрежных общинах русалок, уничтоженных сахуагинами – и что тела плавали в глубинах настолько плотно, что обжираться акулы умирали от усталости, погружаясь отдохнуть на дно.

Волшебник с некоторым удивлением воззрелся на дно опустевшего кубка, затем добавил:

- Что из этого выдумки, нам ещё предстоит увидеть, однако ясно одно – силы морских пучин нападают на суда и поселения вдоль Побережья Мечей, а возможно и ещё где-то; словно все живые создания океана как один поднялись, чтобы сразить всё, что дышит и обитает на суше Королевств.

Короткая тишина воцарилась после этих слов, пока трое мужчин обменивались взглядами. Тиран дольше всего смотрел на Маэрлина, пока тот не шевельнулся и не доложил сурово:

- Мой долг перед вами и вашим народом, лорд – убедиться, что Минтарн надёжно защищён. Похоже, морским народам больше нельзя доверять. Простое здравомыслие требует, чтобы мы добавили гарнизону обязанностей – присматривать за морем, чтобы никто не выбрался на побережье Минтарна незамеченным и не напал на нас с неожиданной стороны.

Тиран кивнул.

- Я думал так же. Стража, оружие наготове, припасы под охраной, местные воды мне прекрасно известны... что насчёт магии?

Правитель и командир вместе взглянули на Драскина, который слабо улыбнулся и ответил:

- Стерегающие чары наверняка понадобятся там, где даже тренированные бойцы могут устать. Сеть таких заклинаний будет готова завтра к полуночи, а также дежурные смены всех магов Чёрных Баклеров, включая меня и, эм, моего непутёвого помощника.

Тиран потянулся пополнить кубки и сухо отметил:

- Ах да, доблестный Брэндор. Моя дочь рассказала о некоторых его, весьма хитроумных, но опасных шутках. Вызывающе, для такого-то юного возраста.

- Вызывающе? Возможно, мой лорд. Но я бы использовал слово «глупо». – отозвался Драскин, чей голос внезапно наполнился гневом. Он сильно хлопнул ладонью по столу. – Мы должны запретить ему продолжать заниматься подобными глупостями, когда на кону наши жизни. Полагаю, мне следовало приструнить его давным-давно, но теперь я точно должен выбить из него эти привычки. Немедленно.

Он поднялся, взметнув полы мантии, отказался от протянутого кубка непоколебимой рукой и, в нескольких шагах от двери, удивленно обернулся, услышав позади стук, который невозможно было ни с чем спутать. Уверенный стук сапог. Двух пар.

- Господа, - запротестовал Драскин, - согласно обычаям, дисциплинарные взыскания с учеников осуществляются наедине.

- Нет, господин Маг, - улыбнулся Тиран, - я желаю понаблюдать за этой маленькой беседой. В конце концов, мы все хотим каких-то развлечений... в месте, где стража храпит на постах.

Главный чародей Баклеров покраснел.

- Будьте уверены, милорд, что я заставлю Брэндора извиниться за эту фразочку на коленях и так чистосердечно, как он только сможет.

Он вновь развернулся к двери, и, охваченные водоворотом добротных одежд, туник и нарядных рукавов, трое мужчин вместе поспешили прочь.

Маленькая зелёная дверца в самом тёмном алькове кухни отворилась – как он и ожидал – и из неё вышла Шалара, со светящимися глазами и покрасневшими щёками. Её разговоры с Хальгером и сопутствующее им вино всегда оставляли её в приподнятом настроении. Брэндор любил поболтать с ней в такое время – когда её язычок опережал её осторожность и позволял её острому уму засиять. Тогда они помногу хохотали вместе, а Хальгер сдержанно улыбался неподалёку.

Парень ждал этого момента, зная, что Шалара остановится взглянуть на злокозненного чистильщика картофеля на пути в свои покои. С поваром, лавирующим за ней, дочь Тирана уверенно миновала мясные вертелы и столы, шагая туда, где должен был усердно орудовать ножом Брэндор – и остановилась, поражённая, скривив губы.

Куча картофеля лежала практически нетронутой, такой, какой девушка её и запомнила. Брэндор Ученик Драскина стоял перед ней с удовлетворённой улыбкой, сложив руки на груди, словно великий завоеватель.

Шалара упёрла руки в стройные бока, хлопая глазами:

- И что же вы, Сэр Послушник, задумали, во имя всех добрых богов?

Брэндор гордо вытянул руку в сторону длинного ряда больших бочек на наклонном стеллаже позади него.

- Милая леди, последняя поставка так любимых всеми нами устриц только что прибыла, и за то короткое время до вашего прихода я составил заклинание, способное приготовить их прямо в бочках.

Несмотря ни на что, Шалара заинтересовалась. Новые методы и идеи всегда восхищали её.

- О? И как же?

Юноша подобрал длинные щипцы Хальгера – тяжёлые, металлические, длиной с человека – что использовались для сгребания углей и подкидывания дров в большие печи, и указал на стопор, удерживавший бочки на месте.

- Когда уберём этот брус, - начал объяснять он, - бочки покатаются, контролируемые вот этими щипцами. Моё заклинание создаст зачарованную область – «поле» - сильного нагрева, но без огня, чтобы не сжечь дерево. Мы ждём, устрицы готовятся, с толикой удачи бочки не горят – и вот, всё готово! Я сейчас собираюсь попробовать на первой. Не хочешь посмотреть?

Дочь Тирана пожала плечами и улыбнулась.

- Ни капельки не сомневаюсь, что ты за это дорого заплатишь, Брэндор, - сказала она, в то время как Хальгер посмотрел на ученика мага поверх её плеча, а веселье и заинтересованность боролись за место на его лице, - но твой провал обещает... развлечь.

- Только одну, приятель, - рыкнул бывший пират. – Уничтожишь всю поставку, и для вечернего пира меня заставят приготовить тебя самого! Да и к чему нам бочки, ставшие пеплом? Мы же их снова используем.

Слова повара, словно злобные стрелы взлетели к ушам Тирана, мага Драскина и командира Баклеров, когда они вышли на балкон над картофельной кучей. Колдун напрягся, но Тиран твёрдо положил руку тому на плечо и негромко проговорил:

- Пока не торопись. Давай понаблюдаем.

Драскин взглянул на лорда с удивлением и смущением, но сжал губы и развернулся к развёртывающемуся внизу представлению.

Брэндор заметил это движение и взглянул наверх. При виде троих наиболее могущественных людей во всём Минтарне, наблюдающих за ним – два лица спокойны, но лицо его учителя дрожит от сдерживаемого негодования – юноша побледнел.

Командир Баклеров – его командир – наклонился вперёд и спокойно произнёс:

- Прошу, продолжай, Брэндор. Последний розыгрыш? Или умная стратегия, сулящая выгоду всем нам? Во имя твоего же будущего, надеюсь, что второе. Истинная ценность воина гораздо реже заключается в смелых выдумках, нежели менестрели хотят нас убедить. Чаше она состоит в добросовестном выполнении обязанностей по чистке овощей – или, да, в том, чтобы нести стражу не храпя – а не в великолепных атаках и кровавых победоносных сражениях, о которых поют слишком многие барды... но я уверен, что твой учитель подберёт для тебя более резкие слова в ближайшее время. Читай заклятье и восстановись в наших глазах, если сможешь.

Брэндор задрожал, выдавил слабую улыбку и перевёл взгляд на свои ладони. Что ещё он мог теперь сделать, если не прочитать заклинание?

Он сделал глубокий вздох, повернулся к зрителям спиной и поднял руки, творя магию.

Пальцы всё ещё двигались, заклинание ещё не началось, но в первой бочке внезапно что-то шевельнулось. Она качнулась вперёд – на пару сантиметров, не более, слегка подвинув тяжёлый стопор – и слабый запах болотной воды коснулся носа юного колдуна. Он сглотнул и повернулся к Шаларе:

- Т-ты видела?..

Её лицо было таким же бледным, как и его; девушка кивнула. То, что могло вот так сдвинуть бочку, должно было быть большим. Не какая-то тысяча устриц, нет, что-то гораздо больше...

- Ну, послушник? – голос Драскина был полон злости, как выражение его лица и давало предполагать. Он перегнулся через перила. – Есть какая-то особенная причина, почему ты не спешишь выполнять приказ командира Маэрлина? Или это очередная шутка?

Стараясь не дрожать и не выглядеть настолько напуганным, насколько он себя ощущал, Брэндор посмотрел наверх и проблеял:

- П-пожалуйста, сэр – бочка двинулась! Там что-то живое!

- Ну разумеется там что-то живое, парень! Множество устриц, нет? Колдуй уже!

В последовавшей тяжёлой тишине Брэндор беспомощно взглянул на Шалару, и та поспешила на помощь:

- Сэр Маг, - твёрдо сказала она, посмотрев наверх – Ваш ученик говорит правду, и я видела, как его уверенность сменилась на... ужас буквально за один вздох. И я

также видела, почему. Бочка пошатнулась. Что-то внутри пытается выбраться наружу.

Драскин сузил глаза и тихо спросил:

- Снова играешь в героя и пытаешь впечатлить даму, приятель? Гарантирую, что это твоё заклинание подвинуло бочку. Заканчиваем. Отойди, ничего больше не колдуй и отправляйся в мою комнату немедленно. Там мне будет, что тебе сказать.

В повисшем молчании было слышно, как бочонок негромко заскрипел, а потом всё произошло очень быстро.

Крышка вспучилась, затем приоткрылась, слегка скосившись. Болотная вонь прокатилась по кухне и, прежде чем кто-нибудь смог что-нибудь предпринять, крышка отлетела прочь.

Зелёный поток вонючей воды хлынул наружу. Брэндор разглядел блестящую мокрую шкуру, выпученные лягушачьи буркала и, наконец, кривую саблю, с энтузиазмом соперничающую с коротким копьём за удовольствие прервать жизнь одного небезызвестного послушника. Нечто оливкового цвета, с головой огромной жабы, неуклюже шатнулось вперёд, а затем выпрямилось на перепончатых лапах. Оно было выше, и шире в плечах, чем любой человек, которого когда-либо видел юноша. Шнуры мышц заходили волнами под поблёскивающей слизью, когда существо злобно замахнулось на Брэндора копьём. На монстре был доспех из панцирей морских черепах, а на его морде – жажда убийства; язык жадно высовывался вперёд сквозь зазубренные зубы, а из пасти смердело.

- Б-булливаг? – спросил абсолютно изумлённый Брэндор у всего Фаэруна.

Когда сабля просвистела над его головой, ученик колдуна пригнулся, отчаянно пролетел три шага, отделявших его от больших щипцов, и развернулся – как раз вовремя, чтобы отбить копьё и отгородиться ими от нападающего.

Булливаг возвышался над ним, зловонный язык хлестал парня по лицу и волосам. Шалара закричала. Брэндор сжался, избегая щёлкающих зубов, отчаянно вцепился в щипцы и пытался удержаться на ногах на мокром скользком полу. Он слышал сдавленные проклятья от Хальгера и с балкона, затем топот сапог повара... убегающего прочь.

После этого у него уже не было времени обращать внимания на что-то ещё, кроме собственного выживания. Булливаг наседали, кромсая и кусая.

- Отойди от него, парень! – крикнул Драскин. – Я не могу колдовать, пока ты там!

Едва не сбитый с ног корчами и напором чудовища, Брэндон стиснул зубы и отбивался, внезапно осознав, что единственное, что отделяет болотную тварь от того, чтобы свободно прыгать по кухне, убивая всё живое – это его руки на длинных рукоятках щипцов и те навыки обращения с ними, что он приобретёт в ближайшие секунд пять.

- Держись, парень! – прокричал Хальгер, грохот его ботинок становился всё ближе. – Я уже иду!

Но сил, чтобы продержаться, ему не хватало. Он должен был умереть. Он был... Внезапно существо издало рёв то ли ярости, то ли отвращения, и отшвырнуло Брэндора в сторону, заставив беспомощно скользить по влажной плитке. Юный маг жёстко упал на спину, увидел, что повар мчится через всю кухню с гарпуном в руках,

услышал, как люди на балконе остервенело бьют тревогу – и понял, что булливаг набросился на Шалару.

Она попыталась убежать, поскользнулась и упала, закричав от смертельного ужаса. Наверху на балконе, как последний матрос ругался Драскин, воздев руки для заклинания, которое он не осмеливался прочесть.

Брэндор кое-как поднялся, со всей силы замахнулся своим оружием и бросился вперед, обрушивая удар. Кухарки выбрали именно этот момент, чтобы завизжать.

Он неловко ткнул монстра в бок, заставив того зашипеть и пошатнуться, но был отправлен в полёт одним взмахом перепончатой лапы, потеряв при этом щипцы.

Металлическое орудие упало на пол со звоном словно от наковальни, а шипение булливага перешло в странный рёв, когда тот махнул копьём, попав Хальгеру в плечо и развернув его. Гарпун, который Брэндор едва ли смог бы поднять, отлетел в сторону.

Ученик мага сглотнул, в очередной раз поднялся на ноги и побежал так, как никогда раньше не бегал в своей жизни. Сабля уже была занесена для удара. Когда она полетит вниз, жизнь Шалары прервётся.

Булливаг сражался с людьми на раскачивающейся палубе, на песках пляжей и на мокрых каменистых побережьях. Он сходил в схватке с акулами, и даже как-то раз сразил сахуагина, но со слабыми, неуклюжими и безрассудно глупыми послушниками сталкивался нечасто. И поэтому решил игнорировать жалкий забег юнца, нанеся удар, чтобы распороть человеческой самке брюхо.

Клинок ушёл в сторону и высек искры из пола, когда Брэндор оступился и беспомощно врезался в лапы булливага. Монстр шатнулся, затем повернулся, намереваясь разрубить это назойливое недоразумение на куски.

Юноша уставился в холодные глаза навывкате, увидел в них свою смерть и, корчась и пытаясь отползти в сторону, вспомнил, что поскользнулся на кусках нарезанного картофеля и... Ну конечно! «Помоги мне Мистра», - подумал он. Заклятье чистки картошки!

- Шалара, спасайся! – крикнул он, суматошно копаясь в мантии в поисках компонентов, всё так же продолжая отползать дальше в сторону - подальше от рыдающей дочери Тирана. Булливаг издал пыхтящее шипение – это могло быть только смехом. Боги, должно быть, он выглядит, точно рыба, вытщенная из воды. Ну давай, пучеглазый, смейся надо мной ещё чуточку дольше.

Маг бросил заклинание – торопливо, но точно – когда сабля взлетела вновь, затем откатился, прикрывая глаза руками. У него были сомнения в том, что он захочет, чтобы кровь нарезанного булливага попала внутрь его организма.

Визги, шипение и влажные рубящие звуки были действительно отвратительными, а от запаха тошнило, но Брэндору они казались изысканной серенадой менестреля, перемежающейся с фанфарами – ну, с одним аккордом уж точно: звоном упавшей на плитку сабли.

Он весь вымок, он отчаянно катился, холодное сияние было повсюду... и это отчаянное кувырканье, казалось, продолжалось вечность, прежде чем он наткнулся на что-то, что в ответ застонало. Хальгер.

- Полегче, приятель, - пробормотал повар, его голос – лишь слабое эхо былого громохвота. Брэндор открыл глаза. Оказалось, что он смотрит на кольцо сердитых

лиц – Тирана, командира Маэрлина, мастера Драскина и всё прибывающую стражу с обнажёнными мечами наготове.

- Твои кулинарные чары, - рявкнул Драскин. – Быстро!

Дюжина рук подняла Брэндора на ноги, прежде чем он успел хотя бы моргнуть. Драскин провёл ладонью по лбу своего ученика, стирая кровь и слизь булливага; никто не давал юноше посмотреть на то, что было разбросано по всему полу. Юный послушник обнаружил, что его ведут через кухонный хаос буквально заломив руки за спину.

Чуть ли не целая армия закалённых воинов, с суровыми лицами и в полном облачении, наблюдала за ним. Ученик мага весь промок, и от него несло кровью убитого монстра. Напряжённые, белые лица со всех сторон излучали ярость и страх. О боги, что-то будет. Все они казались готовыми вот-вот казнить несчастного послушника...

- Заклинание, парень, - не терпящим возражений голосом потребовал Драскин. – Сейчас же.

Брэндор заметил, что шесть рук в стальных перчатках подтащили длинные щипцы к нему, держа наготове. Он сильно и грустно выдохнул, сглотнул, нащупал нужные компоненты, повернул к пустому пространству перед стопором – и выполнил свой долг.

Солдаты отодвинули бревно в сторону и оттащили опустевшую бочку с дороги. Остальные начали катиться. Без лишних слов щипцы были вручены Брэндору, и он остановил первую полную ёмкость точно посреди поля, видимого только ему.

Пар поднимался от досок, пар и отвратный запах. Когда маг подкатил бочку поближе, бойцы с топорами поспешили её вскрыть. Оттуда вывалился булливаг, тёмный и склизкий, а из раззявленной пасти его валил дым. Чудище шлёпнулось на пол ещё до того, как топоры в кровавом согласии вгрызлись в его плоть. От запаха Брэндора замутило.

Командир Маэрлин коротко приказал что-то – парень не расслышал – и наёмники бросились вперёд. Они обступили бочки со всех сторон, вкатывая их в магическое поле Брэндора и вскрывая топорами. Визжащих булливагов прищипливали копьями, готовя их на месте ужасающе быстро и эффективно. Резня продолжалась и продолжалась, и было явственно слышно, что не одному человеку на кухнях стало плохо. Ещё несколько исторгли содержимое желудков, когда Хальгер отвернулся от обрабатывающего плечо целителя и хрипло прорычал на всё помещение: «Нет, я не знаю рецептов супа из булливагов... но с готовностью поэкспериментирую».

Брэндор вкатывал бочки в пекло тяжёлыми, неудобными щипцами, как обезумевший, пока кто-то – сам Тиран Минтарна – не схватил его за плечо и не приказал остановиться.

Позволив орудию выпасть из рук, юноша понял, что его трясёт от усталости. Он оглядел пропитавшуюся вонью кухню. Бледных, стоящих на коленях Шалару, Драскина и двоих других магов выворачивало наизнанку неподалёку, а мрачные вояки бродили по колено в мокрых окровавленных трупах булливагов. Ох, вот теперь ему точно несдобровать...

Командир Маэрлин угрюмо пробирался через останки к нему. Брэндор закрыл глаза и дожидался холодных слов, которые закончат его службу в качестве Чёрного Баклера и отправят в темницу.

Рука, опустившаяся на плечо, тепло потрепала его, и сквозь мутный туман Брэндор услышал слова Олдивара Маэрлина:

- Отличная и смелая работа, приятель. Моя благодарность.

С другой стороны послышался звук прочищаемого горла – это был Драскин. Маг звучал несколько запыхавшимся, прося:

- Надеюсь, ты научишь нас всех обоим твоим заклинаниям. За каждое из них дам четыре сравнимых по силе, разумеется.

- Более того, ты спас Минтарн, - раздался неподалёку голос Тирана, докатившийся до каждого уголка просторной залы, - и Минтарн у тебя в долгу. Не вижу причин не вознаградить тебя как подобает в ближайшие дни.

И тогда Брэндор поднял голову, в изумлении посмотрев на правителя острова, но каким-то образом его взгляд оказался пойман в ловушку сияющих глаз Шалары. Юноша и девушка долгое, безмолвное время смотрели друг на друга, затем дочь Тирана внезапно преодолела расстояние между ними, не обращая внимания на крошево из булливагов, и обхватила героя руками.

Её поцелуи были тёплыми и яростными; прошло некоторое время, прежде чем она оторвалась, всё с такими же сияющими глазами. Ещё больше времени прошло до того момента, как Брэндор смог смотреть на что-то ещё, кроме обожания на её улыбающемся лице. И первым, что он увидел, оказались слизь и кровь монстров, впитавшаяся в перед её прелестного платья и даже в рукава, в тех местах, где она обнимала своего спасителя.

- Я... я испортил твоё платье, - пробормотал он, протягивая руку и стряхивая месиво с корсажа, но не касаясь самой девушки.

Шалара вновь подскочила и прошептала несколько слов, слышных только ему:

- Пусть это будет первое из многих, что ты испортишь, повелитель моего сердца, - и она вновь отстранилась.

Как раз в это мгновение Брэндор понял, что некое движение, которое он отмечал краем глаза, оказалось растущей – широкой и понимающей – улыбкой на лице Тирана.

Маг вспыхнул и быстро взглянул вниз. Затем склонился, выудил что-то среди мешанины у ног и поднялся с маленьким и окровавленным, но, вне сомнений, оружием.

- Постой-ка! – встревоженно вскрикнул Тиран, отступая на шаг. – Зачем тебе это?

- Добросовестное выполнение обязанностей по чистке овощей, - ответил Брэндор, и его голос дрогнул лишь слегка. Он махнул ножом в сторону груды картофеля. – Истинная ценность воина, сэр.

Лицо Тирана вновь медленно расплылось в улыбке.

- Неужели? – поинтересовался он. – А я-то думал она в том, чтобы нести стражу... храпя на посту.

Высокий, залиvistый смех Шалары вознёсся над залпом смешков бывалых вояк. И переливающийся всеми оттенками красного Брэндор, которого Тиран дружески

хлопнул по спине, подумал, что это самый замечательный звук, который он когда-либо слышал.

ГИБЛОЕ ДЕЛО

Ричард Ли Байерс

17-ый день месяца Киторн, Год Перчатки

Весь блистательный в своей отполированной кирасе, в шлеме с упругим багровым плюмажем и плаще под стать, Сэр Хилас скакал на своём чалом жеребце по белому песчаному пляжу. Дюжина дружинников и я, их сержант, держались рядом с нашим новым командиром, и каждый из нас вооружился одной из кирок, позаимствованных у каменотёсов. Молодой рыцарь ухмыльнулся, увидев наше оружие, но против нынешнего врага оно оказалось действеннее коротких мечей.

В это пасмурное утро серый прибой недовольно роптал, наполняя воздух запахами водорослей и солёной воды. Гранитные утёсы высились по левую руку, а прямо на пути огромный каменный массив перечёркивал пляж, вонзаясь в волны.

Чем ближе становился мыс, тем более напряжёнными становились люди. Наконец, Хилас натянул поводья.

- Что ж, вот он, - сказал он своим приятным баритоном. – Оплот моего врага.

- Да, - отозвался я, - и вы сами можете видеть, что взять его будет так же трудно, как и любую другую крепость, построенную человеком. И уж точно мы не справимся силами пятидесяти бойцов. – На самом деле, уже сорока двух. Трое погибло, ещё пятеро были изранены слишком сильно, чтобы сражаться.

- Крепость могла бы быть неприступной, если бы мы воевали против людей, - возразил Хилас, - но эти-то ваши краболоуды уж точно недалеко ушли от обычных животных.

- Всё может быть иначе, - сказал я. – Но даже если и так, это очень ужасные животные, и их полно в местных пещерах.

Рыцарь поморщился.

- Должен быть путь, - протянул он, и в этот момент из одной из узких щелей в загаженных птичьим помётом скалах вывалился краболоуд.

Существо было высотой метра три и заковано в оранжевый панцирь. Как и все из его рода, оно перемещалось на двух ногах, выставив два набора клешней перед собой – сверху побольше, снизу поменьше. Окружавшие рот суставчатые жвалы подёргивались, а глазки на стебельках плавно качались туда-сюда.

Хилас ухмыльнулся, беря копьё наперевес.

- Нет! – вскрикнул я, но Хилас уже умчался, даже не подумав отдать команду. Поэтому это мне пришлось выкрикнуть приказ, которого так боялись услышать наши люди:

- В атаку!

Ирония в том, что ранее я просто молился на то, чтобы скорее прибыл наш новый офицер. Я отвечал за группу с тех самых пор, как краболоуды убили Хаэромоса Дотвинтила, прежнего Первого Капитана – и уже был сыт по горло. За тридцать лет моей службы наёмником, мне иногда доводилось брать на себя обязанности командующего, но ни разу при таких мрачных обстоятельствах.

Тем не менее, когда я увидел Хиласа, у меня появилось дурное предчувствие. Солнце уже садилось, я сидел, скрестив ноги, на крошащемся куске каменных развалин – одном из немногих следов древних стен Порты Лласт – и нёс стражу. Когда из сумрака выехал рыцарь, я был поражён его молодостью и некоторой надменностью на его лице.

- Сержант Кендрак? – спросил он.

Я соскользнул со своего насеста.

- Сир.

- Я Хилас из Элтуреля, - представился новоприбывший, спешиваясь. – Доблестный рыцарь и всадник Ярости Тэрма. – Отряд высокородных кавалеров на услужении у Альянса Лордов, всадники Ярости Тэрма были известны своими навыками владения копьём и мечом. – Я готов принять командование.

- Да, сэр. Мы ожидали кого-нибудь с тех пор, как отправили весть о кончине Первого Капитана, - я поколебался. – Сегодня вечером всё тихо. Группа вооружённых людей вряд ли смогла бы попасть в город неслышанными мной.

- Я приехал один, - объяснил он. – Не знаю, как много новостей вы узнаете в этом захолустье. – Рыцарь обвёл низкие каменные домики и узкие улочки, все вместе складывавшиеся в деревушку на семьсот душ. – Сахуагины атаковали само Глубоководье. Альянсу требуется каждый доступный воин, чтобы защитить большие города дальше к югу.

- Я подозревал подобное, коль скоро лорды отозвали все подразделения из Порты Лласт, оставив нас держаться только с местными ополченцами.

- Я тоже нужен на юге, на настоящей войне, и я должен буду присоединиться к Ярости сразу же, как только решу вашу маленькую проблемку. И я намереваюсь сделать это решительно. Расскажи, с чем именно вы столкнулись.

- Ну, - поведал я, - чуть больше месяца назад отряд сахуагинов, при поддержке какого-то громадного морского чудовища, которого так никто толком и не рассмотрел, начал подстерегать в открытом море рыбацкие лодки и купеческие суда. Со временем сахуагины ушли, похоже, оставив своего монстра продолжать в одиночку, и мы обрадовались тому, что хотя бы жители берега не подвергнутся нападению.

- Но увы, мы не знали о колонии краболюдов, обитающих в пещере к югу. В прошлые времена они никогда никого не трогали, и мы никак не ожидали, что они решат якшаться с морскими дьяволами, но несколько недель назад они напали на город. Нам едва-едва удалось отбить их натиск, но не раньше, чем в сражении пал Первый Капитан. С тех пор мы отгоняем их как можем.

Хилас фыркнул.

- Неудивительно, что деревня всё ещё страдает. Нельзя просто позволять врагу постоянно атаковать и лишь отбивать атаки. Нужно принести войну к нему домой. Мы вычистим это логово, о котором ты говоришь.

- При всём уважении, Капитан, это может быть не так просто, как вы думаете.

- И почему же? – нахмурился Хилас.

- Покажу утром.

Воины колебались, и я боялся, что они не последуют за мной. Они вызвались сопровождать нового командующего – который едва ли толком поприветствовал их – в разведочной миссии, а не следовать за ним в ловушку крабов. Впрочем, это были проверенные ребята, поэтому, после приемлемых сомнений, они ринулись вслед за мной по пляжу. Песок засасывал наши ботинки.

Впереди, Хилас столкнулся с краболюдами. Копьё с хрустом впилося в грудь существа, и тварь свалилась, вырвав оружие из стальной перчатки обидчика. Гикнув, Хилас развернул своего боевого коня и обнажил меч, чьё изогнутое голубое лезвие мерцало от какого-то зачарования.

Позади него, расщелины выплёвывали краболюдов, карабкавшихся вниз с ужасающей скоростью. В мгновение ока вся скала кишела ими.

Я бросился к одному из первых монстров, что достигли земли, перехватив его до того, как он напал на Хиласа с тыла. Чудище крутанулось ко мне, распахнув иззубренные боевые клешни. Избежав их хватки, я с размаха засадил свою кирку прямо в грудь твари. Остриё пробило панцирь, и краболюд упал. Нанеся ещё один удар, разнёсший треугольную голову, я огляделся проверить, как идут дела у моих товарищей.

Ополченцы не допустили того, чтобы краболюды захлестнули Хиласа, только что прикончившего ещё одно из созданий. Яростно ухмыляясь и управляя своим скакуном коленями, он повернулся, намереваясь наскочить на третье существо. Словом, он собирался остаться и драться.

- Отходим! – выкрикнул я.

Ополченцы поспешили послушаться. Хилас метнул в меня взгляд, но, осознав невозможность вдохновить уже отступающих бойцов, развернулся и поскакал вслед за нами. Только благодаря Темпусу постепенно удалось оставить преследующих нас краболюдов позади.

Казармы представляли собой длинный зал со скошенной крышей, потемневшими от дыма стропилами и дощатым полом. Пол пах щелочным мылом, используемым нами для его натирания. Ряды двухъярусных коек с двух сторон теснились вокруг прохода, тянувшегося от начала до конца. В более счастливую пору комната наполнилась смехом и стуком костей. С нашествием сахуагинов и их миньонов здесь стало тише – мужчины размышляли над вероятным исходом продолжающегося противостояния. Но сейчас в помещении стояло жужжание, словно из гнезда раздражённых шершней – по крайней мере до того момента, как я шагнул через порог.

- Не затыкайтесь из-за меня, - потребовал я, кладя кирку на выщербленный ветхий стол. – Если что-то требует обсуждения, давайте обсудим вместе. – Никто не подал голоса, поэтому я остановил взгляд на огромном, румяном детине – том из них, кто меньше всего был склонен держать язык за зубами. – Ну же, Дандриос, в чём дело?

- Ну... ты сказал, что когда придёт новый капитан, он приведёт подмогу.

- Я так думал. Очевидно, лорды решили, что их воины нужнее в другом месте.

- Лучше бы никто не пришёл, чем этот попугай, - пробормотал Валлам. Невысокий, зеленоглазый человек примерно моего возраста, он вырос рабом в Лускане, прежде чем сбежать, и являлся обладателем устрашающей коллекции шрамов от издевательств, что ему довелось пережить.

- Да, он одевается немного вычурно, - согласился я. – Последний раз я видел столько блёсток и алого только на одной шлюхе из Невервинтера. – Слабая шуточка всё же вызвала смех, сразу же разрядив напряжение. – Но он, должно быть, умеет командовать, иначе Альянс Лордов не послал бы его. Копьём и мечом орудует довольно умело.

- Может быть, - протянул Дандриос, - но сегодня на пляже он едва не завёл нас в ловушку. Чудо, что мы вернулись живыми.

- Но вернулись же, - возразил я. – И теперь, оценив силы противника, впредь он будет осторожнее.

- Надеюсь, - мрачно добавил Валлам.

- Во имя кровавых ран Темпуса, - рявкнул я, - я ни разу не слышал такого нытья. Вы воины или пугливые старухи? – все поражённо уставились на меня. – Отвечайте мне, проклятье!

- Воины! – проревел Дандриос.

- Так и ведите себя как надо, - потребовал я. – Помните, как мы обошли тех хобгоблинов два года назад? Мы победили всех врагов, что когда-либо встречали, и с крабами тоже справимся, если не утратим дух.

Некоторое время я продолжал в том же роде, подбадривая своих людей как мог. После этого, с некоторой неохотой, я пересёк улицу и постучал в дверь двухэтажного здания напротив казарм. Горничная с красными опухшими глазами, словно не перестававшая плакать с тех пор, как почил прежний обитатель этого дома, сопровождала меня в обитый дубовыми панелями кабинет Первого Капитана. Было очень странно наблюдать здесь Хиласа, особенно с учётом того, что коллекция Хаэромона - украшенные резьбой кости – всё ещё находилась в комнате.

Я обратил на себя внимание. Хилас позволил мне постоять ещё несколько секунд, прежде чем сказать:

- Подозреваю, ты знаешь, что я хочу обсудить.

- Да, Капитан. Когда мы исследовали логово краболов, вы были во главе отряда, однако я приказал отступить. У меня нет оправданий. Могу только сказать, что я командовал здесь достаточно долго, и в пылу битвы забылся.

Рыцарь поднял бровь.

- Я ожидал, что ты будешь убеждать меня, что ты был прав, а я – нет.

- Нет, Капитан, - возразил я. – Я предположил, что вы сами хотели отдать тот же приказ, учитывая очевидность того факта, что крабы забили бы нас как скот, если бы мы остались.

Хилас плотнее сжал губы.

- Если бы вся Ярость Тэрма была со мной, это мы бы их забили.

- Но её нет, - отметил я, - и пока вы здесь, не будет. Вам придётся иметь дело с деревенской милицией, в основном местными пареньками, тренированными настолько хорошо, насколько прошлый Первый Капитан и я смогли их обучить - но не теми элитными солдатами, к которым вы привыкли.

Капитан поморщился.

- Так ты говоришь, я не могу рассчитывать на них в битве?

- Нет, сэр. Они довольно способные. Я говорю, что не стоит ожидать от них того, на что способен отряд рыцарей. А ещё хочу напомнить, что их у вас только сорок два, и никого, кем можно заменить павших.

- Откуда следует ваша стратегия, - кисло протянул Хилас. – Не контратаковать, а просто отражать вражеские набеги.

- Именно так.

- Тебе не приходило в голову, что краболоды собирались просто по чуть-чуть истощить ваши силы, пока, наконец, не уничтожат полностью и не вырежут всю деревню?

- Я считал, что покупаю время до прибытия подкрепления, - парировал я. – Даже сейчас, зная, что больше никто не придёт, я не вижу другой альтернативы. Если видите вы, с радостью выслушаю.

Всадник Ярости поморщился.

- Когда увижу – услышишь. Свободен, - уже отвернувшись, я услышал его бормотание: - Будь проклята эта дыра.

Когда я подвёл его к окну и указал на очередь из ожидающих на улице людей, увиденное поразило Хиласа.

- Просители, - безучастно повторил он сказанное мной несколько мгновений назад.

- Так точно, сэр, - подтвердил я. – Поскольку вы Первый Капитан, в вашу зону ответственности попадают все вопросы, будь то военные или гражданские.

- Я это знаю, - раздражённо бросил рыцарь, - но разве не должен присутствовать распорядитель или магистрат, занимающийся такими делами?

- Были, но я приказал им оставить это место, - прямо сказал я. – Как вы постоянно отмечаете, Порт Лласт – маленький городок.

- Ну хорошо, - вздохнул капитан. – Запускай их по одному.

Первой в очереди оказалась молодая, но измученная заботами вдова, пахнувшая кровью и ковылявшая с костылём. Её искалечил краболод, и раны заживали медленно. Шестеро детишек с осунувшимися, голодными лицами плелись за ней.

Встав перед Хиласом, она попыталась присесть в реверансе и едва не упала, потеряв равновесие. Рыцарь вскочил с кресла, оббежал стол и подхватил женщину под руку.

- Это было вовсе не обязательно, госпожа, - укорил он, потом посмотрел на меня. – Принеси стул. – Я подчинился, затем мы убедились, что вдова уселась без других происшествий. – Так как я могу вам помочь?

Вдова с трудом сглотнула.

- Дело в размере рациона. Мы не хотим просить больше, чем нам полагается, но того, что есть, едва хватает на десять дней. У меня ведь так много маленьких, - словно извиняясь, добавила она.

- Рыбацкие лодки не могут выходить в море, поэтому Первый Капитан Дотвинтил решил, что благоразумно будет нормировать выдачу имеющихся запасов еды, - объяснил я.

- Значит так, я хочу, чтобы эта женщина и её семья... - Хилас запнулся, когда его разум догнал его чувства. – А мы знаем, сколько ещё здесь еды, и как быстро она кончается?

- Я принесу книги учёта.

Моя идея заключалась в том, что, ткнув Хиласа носом в беды деревни, я дам ему понять, что защита Порта Лласт – задача, достойная его талантов. В какой-то мере, это сработало. Следующие несколько дней он великодушно принимал жителей и из всех сил старался решить их насущные проблемы.

И всё же было очевидно, что ему не терпится вернуться на юг, туда, где удалой всадник мог снискать славу. Вероятно, даже, что мои усилия лишь добавляли ему решимости как можно скорее покончить с угрозой поселению. Я опасался, что, несмотря на его прошлый неудачный опыт, рано или поздно он настоит на том, чтобы атаковать логово краболодов – и мои люди разделяли мои опасения.

Вместо этого он придумал другой план. Увы, не менее безрассудный.

Пузатый торговый ког – это, конечно, не военный корабль, но, по крайней мере, он способен нести больше людей, чем рыбацкая лодка, и маневрировать лучше, чем барка. Шелестя парусами и скрипя оснасткой, мы выдвинулись в море, а сверху, с утёсов, на нас смотрели катапульты. И хотя боевые машины могли с лёгкостью уничтожить целую флотилию пиратов, они были бесполезны против нашего нынешнего врага.

Выглянув за борт и увидев то, что я и боялся увидеть, я отправился поговорить с Хиласом. Тот стоял на носу корабля, как будто даже не замечая возмущения на лицах команды, а его красный плюмаж и плащ трепетали на ветру.

- Вы смотрели на воду? – спросил я. – Вчерашний шторм поднял всё со дна, как я и говорил. Под поверхностью ничего не видно.

- Эта муть может скрыть обычную рыбу, - безмятежно возразил рыцарь, - но я уверен, что морское чудовище мы заметим.

- Не обязательно, - возразил я, - или не своевременно. Сегодня неподходящий день для вашей затеи.

- Город голодает, - отрезал он. – Нужно убить тварь, чтобы рыбаки снова смогли ловить рыбу. Мы с тобой уже обсуждали это.

- Да, капитан, - затем, про себя удивляясь, почему меня вообще это должно беспокоить, я добавил: - Хотя бы снимите доспехи. – Свой шлем и кольчугу я оставил в казармах, как и все остальные воины.

- Так рыцари Ярости идут в битву, - ответил Хилас. – Я буду в порядке.

«Что ж, хорошо, - подумал я. - Что бы ни произошло, ты сам будешь в этом виноват».

С гарпуном в руке я вернулся к планширю и продолжил изучать серо-зелёную, вспучивающуюся поверхность океана.

За следующий час ничего не произошло, и я осмелился надеяться, что ничего и не произойдёт. А затем мы услышали поскрёбывание. Спустившись в трюм, я обнаружил, что корабль начал набирать воду. Я вскарабкался обратно по лестнице к ожидавшему моего отчёта офицеру.

- Что-то уцепилось за днище, - отрапортовал я, - и разбирает корабль на доски.

- Левиафан? – спросил он.

- Не думаю, - не согласился я. – Судя по рассказам наблюдателей с берега, монстр атакует суда яростно, а не исподтишка. Думаю, нас пытаются потопить краболюды.

- Я... - он колебался, и я мог видеть, как ненавистно ему, сухопутной крысе, признавать, что он не знает, что делать теперь. – Что ты посоветуешь?

- Я вижу только один способ разобраться с налипшими снизу уродами – кто-то должен нырнуть и убрать их.

Хилас кивнул.

- Займись этим.

Я выбрал ещё троих солдат себе в помощь, раздал инструкции оставшимся, затем пришло время стянуть сапоги и прыгнуть за борт.

Ледяная вода жалила плоть, а соль жгла глаза. Сжимая гарпун и дёргая ногами, я погрузился ниже заросшего ракушками корпуса, мои спутники следовали за мной.

Теперь, под водой, было немного легче вглядываться в мутную завесу; с усилием я разглядел краболюдов, свисающих с киля и терзающих проконопаченные доски. К счастью, их оказалось только двое. Я подплыл к ближайшему и ткнул своим оружием.

Вода отчасти погасила силу атаки, но мне всё же удалось воткнуть гарпун в сочленение крабьей природной брони. Застигнутое врасплох, существо крутанулось ко мне, как раз в тот момент, когда один из моих компаньонов всадил копьё ему в пасть, после чего монстр отпустил хватку на днище.

Делая выпады, полагаясь на длину нашего оружия, которая позволяла избегать клешней, мы гнали краба из-под корабля, а наши товарищи проделывали то же самое с другим зверем. Как только краболоуды выплыли на открытое место, сверху дождём посыпались гарпуны, и несколько из них нашли свою цель.

К этому моменту грудь горела от нехватки воздуха, но я даже не пытался всплыть под градом снарядом, просто развернулся снова проплыть под лодкой - как раз, когда наша настоящая добыча взметнулась наверх из глубин.

Она была похожа на медузу с её мягким, белым, размытым телом, размером с половину нашего судна. Ворохи тонких, полупрозрачных щупалец закручивались вокруг него. Даже поражённый неожиданным её появлением, я смог удивиться тому, насколько создание хитро. Как оно могло атаковать именно в тот момент, когда глаза каждого члена экипажа на корабле были устремлены в противоположную сторону? Затем я заметил краболоуда, плывущего сбоку от громадины, и заподозрил, что это он направляет чудовище.

Ни один здравомыслящий человек не стал бы подплывать к этой парочке, но, с моими-то едва не взрывающимися лёгкими, выбора у меня не оставалось. Я устремился наверх, и удача оставалась со мной. Ни одно из щупалец не помчалось мне вслед.

Я прорвал поверхность воды – как и поблёскивающие щупальца. Взметнувшись в воздух, они замели по палубе взад-вперёд. Отсюда мне не было видно, что именно они там делают, но, слыша крики, я с уверенностью мог сказать, что несут хаос.

В следующее мгновение фигура в сияющих доспехах и красном бархате перевалилась через леер; мерцающий меч вылетел из рук, когда рыцарь ударился о воду. Утягиваемый весом брони, сэр Хилас пошёл на дно со скоростью наковальни.

Если я и замешкался, то всего-то на секунду – после чего отбросил гарпун, глубоко вдохнул и нырнул за капитаном.

По всем законам Хилас должен был отправиться прямо на дно, но он каким-то образом смог уцепиться за часть одного из щупалец медузы. Одной рукой он держался за монстра, другой пытался сорвать броню, а изо рта его струей вырывались пузыри.

От давления болели уши; я висел рядом с ним, помогая и возясь с застёжками и ремешками. Витиевато украшенные регалии Ярости Тэрма канули в глубинах, часть за частью. Когда мне показалось, что снято достаточно – в любом случае, воздух у нас почти кончился – я вытянул его на поверхность, поближе к борту. В воде болтался канат, который я и вложил офицеру в руку.

К моему облегчению, люди на палубе всё ещё сражались. Медуза обернула некоторые из щупалец вокруг всего кога, и, похоже, намеревалась перевернуть или вовсе разорвать судёнышко.

- Держитесь за верёвку, - посоветовал я.

Хилас попытался ответить, но мог лишь кашлять. Я вытащил нож и отплыл от лодки, прокладывая дорогу через мешанину корчащихся конечностей.

Как и ранее, медуза не пыталась на меня напасть. Даже краболоуд сначала меня не замечал. Может быть, оба чудища были слишком сосредоточены на уничтожении корабля, а может быть, помогли мутная вода и тот факт, что я старался заплывать сбоку, но я приблизился незамеченным.

Когда я уже приготовился атаковать, краб почувствовал моё присутствие и развернулся, стараясь схватить меня клешнями. Мне как-то удалось вывернуться, затем я полоснул ножом по мягкому шарiku на конце одного из глазных стебельков.

Краболоуд шарахнулся и ушёл на глубину, а медуза прекратила терзать корабль. Поняв, что огромный зверь практически неубиваем, я надеялся отвлечь его, отогнав его надсмотрщика, и моя тактика оправдалась. И всё же я мало чего этим достиг. Я не сомневался, что медуза возобновит свои поползновения весьма скоро.

Когда я добрался обратно до судна, то узнал, что погибло трое. Учитывая обстоятельства, это оказалось меньше, чем можно было ожидать. Сам корабль был потрёпан, но всё ещё способен дотащиться до порта. Лицо Хиласа на пути назад оставалось мрачным; я с горечью задумался, скорбит ли он по павшим товарищам или по своему пропавшему снаряжению.

Этой же ночью, пока мы всё ещё не восстановили силы и не оправились духом, краболоуды атаковали поселение. Ещё четверо бойцов пали, вместе с шестнадцатью мирными жителями.

Я знал, более-менее, что мои люди собирались сказать. Это было понятно по их заговорщицкому виду, не говоря уже о наблюдателе у дверей казармы, но я решил, что разумнее будет не спускать дело на тормозах.

- Итак, - потребовал я, - о чём вы хотите поговорить?

- О капитане Хиласе, - сказал Валлам. Игра пламени свечей заставляла старые шрамы на его лице выглядеть свежими и глубокими. – Ты просил нас дать ему шанс, что мы и сделали, но это не сработало. Из-за этих его... задумок мыдохнем как мухи.

- Мы потеряли несколько человек до того, как он прибыл, и ещё несколько – после. Учитывая, с чем мы столкнулись, чего-то лучшего ожидать явно нельзя.

Дандриос покачал головой.

- Сейчас всё по-другому. Этому высокородному идиоту плевать на простых солдат. Да он пожертвует всеми нами, лишь бы воссоединиться со своей драгоценной Яростью. Ну нет, засуши меня Талона, за это я не умру. Мы хотим, чтобы ты вёл нас, сержант. А Хилас пусть исчезнет.

- Мы всем скажем, что до него добрались крабы, - ухмыльнулся Валлам.

- Нет, - отрезал я. Мне уже доводилось видеть мятежи; не важно, насколько гнилыми были свергаемые офицеры, всё всегда заканчивалось катастрофой. Как только группа солдат решала, что они могут избавиться от командира, дисциплина слабела до тех пор, пока они не становились обычным сбродом.

- Сержант... - нахмурился Валлам.

- Нет! – повторил я. – Какие бы ошибки не совершал Первый Капитан, он наш лидер, и мы будем следовать за ним в соответствии с нашей клятвой.

- Я не буду, - отозвался Дандриос. – Если мы не можем избавиться от Хиласа, то я ухожу, - он повернулся, возможно, собирать свои пожитки.

Жалея, что он настолько больше меня, я рывком развернул его обратно.

- Никто не дезертирует. Город нуждается в нас.

- К дьяволу город, - буркнул он.

- Ну что ж. Если ты такой бесхребетный, пойдём другим путём. Сбежишь – и я выслежу тебя и заставлю тебя жалеть, что крабы не добрались до тебя первыми.

Воин зарычал и замахнулся для удара, способного разбить мне череп. К счастью, такой замах занимает время. Я его предвидел, и потому шагнул в сторону. В обычной драке я пнул бы соперника в колено, но Дандриос не сможет нести службу дальше, если я его покалечу. Я всадил кулак в живот, затем второй – в почку.

Удары даже не побеспокоили его. Крутанувшись, он попал по моей челюсти локтём. Зубы клацнули, я отшатнулся, наткнувшись на одну из коек. Он нагнал меня и стиснул, обездвижив руки. Я два раза стукнул затылком по его лицу, и хватка ослабла. Вывернувшись, я пнул его коленом в пах.

Дандриос резко вдохнул и сложился пополам. Я пнул его ещё раз, отправив на пол, затем, осторожно, чтобы слишком не повредить, немножко попинал. Мне не нравилось играть злодея, но дела достигли такого положения, что единственным способом поддержать порядок было сделать так, чтобы гарнизон боялся меня больше, чем крабов.

Когда я, наконец, отошёл от бедолаги, то по широким глазам и бледным лицам ополченцев понял, что выразился ясно. Но это было лишь временное облегчение. Совсем скоро они заговорят о том, чтобы исчез уже я, ну или просто будут ускользать прочь во тьму.

Наверняка их удивило бы то, что позже, когда я бродил по ночным улочкам и пытался успокоиться, я немного поразмышлял над собственным дезертирством. В конце концов, мне тоже не хотелось умирать во имя гиблого дела.

Затхлые книги и свитки загромождали стол Первого Капитана, а Аквиндер устроился на стуле рядом. Седобородый старец с носом-крючком, одетый в потёртую мантию учёного мужа, более всего подходил на роль мудреца Порты Лласт, и, к слову сказать, обладал выдающимися знаниями в травничестве и целительстве.

Он, как обычно, коротко кивнул мне, когда я перешагнул порог. Хилас поприветствовал меня с некоторым напряжением, закравшимся в его поведение после морской битвы. Я не знал, что предвещает это изменение, но уж лучше оно, чем бывшее заносчивое бахвальство.

- Прошу, возьми стул, - предложил молодой рыцарь. – Я попросил мастера Аквиндера прийти и поразмышлять вместе со мной, и я решил, что стоит услышать также и твоё мнение.

- Если смогу помочь, - сказал я, - то с радостью.

- Хоть медуза – проблема сама по себе достаточно серьёзная, - начал Хилас, беспокойно шагая туда-сюда, - краболоуды – угроза похуже. К несчастью, как ты и предупреждал меня, они слишком многочисленные, чтобы их можно было уничтожить, но если мы сможем понять, почему они вступили в союз с сахуагинами, то, возможно, нам удастся разрубить их связь.

Я вскинул голову.

- Признаю, такой курс действий мне в голову не приходил.

- К сожалению, - продолжил Аквиндер, - все те учёные, изучавшие краболоудов, сходятся в том, что это замкнутые создания, не поддерживающие отношений с

любыми другими расами. Ни один из доступных текстов ни в малейшей степени не объясняет аномального поведения местной колонии.

- Поэтому я надеялся, может у тебя появятся какие-то идеи, - сказал Хилас. Он смотрел на меня с толикой отчаяния в глазах.

Замечательно, подумал я. Он наконец-то хочет узнать моё мнение, а у меня такового нет. Однако затем одна мысль всё-таки пришла мне в голову. Я подозревал, что она не особо умная, но всё же предложил на рассмотрение:

- У нас есть свежие трупы с ночной резни. Можем вскрыть один.

Серые глаза Аквиндера сузились:

- Ты имеешь в виду препарировать?

- Если ты так это называешь, то да, - подтвердил я. - Я слышал, это то, что делают учёные, когда хотят что-то узнать о животном.

Хилас и Аквиндер обменялись взглядами.

- Почему бы и нет? - пожал плечами мудрец.

Мы разрезали тушу прямо там, где она и лежала. Раздевшись по пояс, я орудовал топором, молотком и долотом, вскрывая броню мёртвого краболюда. Закатав рукава по локоть, Аквиндер тыкал в слоистую серую плоть ланцетом и щипцами. Прошло совсем немного времени, прежде чем мы оба оказались забрызганы воняющей слизью. Всё это время Хилас беспокойно озирался по сторонам.

Никто из нас не знал, что мы ищем, и никто даже не ожидал, что что-то найдём. Однако, когда «что-то» появилось, мы не сомневались в успехе. Похожий на монету диск из полированного красного коралла, застрявший между двумя хитиновыми пластинами, прикрывавшими голову монстра.

Аквиндер тщательно протёр предмет своим льняным платком, затем изучил с помощью увеличительного стекла. Когда он хмыкнул, Хилас поинтересовался, что он нашёл. Не обращая внимания на рыцаря, старец вытащил из мешочка розовый кристалл кварца и коснулся им диска. Кристалл засветился, словно тлеющий уголёк.

Я уже видел, как Аквиндер проводит подобный тест, и потому знал, что означает это свечение.

- Магия, - озвучил я.

Учёный кивнул.

- На обеих сторонах медальона выгравированы глифы подчинения, обращающие существо в покорного слугу обладателя магии. Осмелюсь предположить, что все остальные краболюды были подчинены таким же образом.

- Но как могла горстка сахуагинов заставить множество, наверное, несколько сотен, таких сильных зверей подчиниться подобной штуковине? - удивился я вслух.

- Если у них есть предводитель, - предположил Хилас, - возможно, морские дьяволы поймали и поработили его, а затем заставили приказать и остальным краболюдам принять талисманы. В любом случае, как-то справились. Думаю, выводы ты можешь сделать и сам.

- Да, - подтвердил я, хотя мне они очень не нравились.

Я собрал людей на тренировочной площадке, где Хилас поделился своим планом:

- Будет невозможно захватить пещеры и вырезать всех чудищ, - сказал он, - но сержант Кендрак и я верим, что если кто-нибудь провернёт отвлекающий маневр, небольшая группа сможет проскользнуть внутрь, выяснить местоположение мага, контролирующего крабов, и устранить его.

Не то чтобы мы взаправду были уверены в том, что упомянутый крабовладелец вообще присутствовал где-то в тоннелях, но это было вполне вероятно.

- Вот что мы сделаем, - продолжал молодой рыцарь. - Большая ваша часть отправится на мыс и выманит краболюдов наружу. Как только они появятся, вы тут же отступите, не подвергая себя опасности больше, чем необходимо, но оттягивая существ за собой. Тем временем остальные, а также Кендрак и я, проберёмся в их норы с другой стороны.

Бойцы стояли тихо и неподвижно. С упавшим сердцем я шагнул вперёд, намереваясь отчитать их, но Хилас поднял руку, остановив меня.

- Я не виню вас за нежелание, - обратился он к ним. - С самого моего прибытия я постоянно не справлялся. Безрассудно и глупо вёл за собой, и из-за этого погибли хорошие ребята. Я сожалею об этом больше, чем могу передать словами. И хотя я наконец-то понял ошибочность моих методов, я прошу вас следовать за мной не поэтому. Я лишился любого права на вашу преданность, но Порт Лласт – нет. Многие из вас здесь родились. У каждого из вас есть тут родня или друзья. И я умоляю вас, не позволяйте вашему дому исчезнуть, когда у нас всё ещё есть последний шанс спасти его.

Несколько мгновений никто не отвечал, затем Дандриос – последний, от кого этого ожидали – с лицом в синяках от моих побоев, вышел вперёд из строя.

- Я пойду, - прогрохотал он, - чем дьявол не шутит.

Его примеру последовали Валлам и ещё шестеро.

Обогнув мыс краболюдов по широкой дуге, мы зашли с противоположной стороны, укрылись в кустах и стали ждать. Через четверть часа мы услышали, как наши товарищи кричат и привлекают внимание по ту сторону скал. За этим последовал долгий дребезжащий рёв горна, означавший, что враг заглотил приманку.

С нашей же стороны, самый большой, а значит, и самый многообещающий выход из пещер открывался в море, в пенящийся прибой. По команде Хиласа мы побежали к тёмной арке; наш бег превратился в натужное барахтанье, когда мы вошли в волны.

Наконец мы добрались до входа. Первое гранитное убежище казалось пустым. Если часовой когда-то и был здесь выставлен, он явно покинул пост, чтобы присоединиться к битве с нашими отвлекающими войсками.

Я оглядел стены, надеясь увидеть выступ, по которому можно будет пройти, но, по крайней мере в этой части, мокрая каменная поверхность была слишком крутой,

зазубренной и в целом неподходящей для человеческого существа, хотя я подозревал, что сами крабы справляются неплохо.

- Придётся брести в воде, - озвучил Хилас мои мысли.

Валлам кивнул.

- Ну хотя бы... - начал он, как вдруг что-то схватило его и утянуло под воду. На секунду над поверхностью показалась рука, затем скрылась вновь.

Я поспешил к нему, то же сделали и остальные. Внезапно я тоже погрузился с головой. Одно ужасное мгновение я думал, что кто-то схватил и меня, потом понял, что просто провалился в дыру. К счастью, на этот раз никто не надел броню, и, несмотря на тяжесть кирки и фонаря, я выбрался без особых усилий.

Я буквально навис над Валламом, когда наконец смог распознать, что же его схватило. И когда понял, то потрясённо выругался – ополченец крутился в середине клубка корчащихся тёмно-зелёных водорослей. Я слышал истории путешественников о растениях-людоедах, но никогда не думал, что окажусь настолько невезучим, чтобы лично с таким столкнуться.

Под водой склизкие полосы пытались обернуться вокруг конечностей и тела. Я бросил всё, что у меня было в руках, выхватил короткий меч и начал рубить их.

Ленты растения стягивали не хуже петли палача, и казалось, что на место одной срубленной скользя вплетаются две новые. Наконец куст-людоед свалил меня с ног, и пока я барахтался, обвил ещё одну длинную плеть вокруг моей шеи. Я шарил руками за спиной, но не мог нащупать стебель, сжимавший горло.

Внезапно растение отпустило меня. Когда я поднялся и оглядел тяжело дышащих воинов, стало понятно, что оно отпустило всех. Работая вместе, мы нанесли достаточно урона, чтобы убедить его ретироваться.

Увы, мы были недостаточно быстры, чтобы спасти всех. Каким-то образом сам Валлам выжил, но водоросль-убийца сломала спину другому парню.

Когда стало понятно, что ему уже ничем не помочь, Хилас пробормотал короткую молитву Торму, затем повернулся к Валламу. Маленький человек со шрамами был весь в царапинах и синяках – и с ошалелым взглядом. Рыцарь сжал его плечо:

- Ты можешь идти дальше? – спросил он, выдерживая взгляд ополченца. – Надеюсь, да, нам нужна каждая пара рук.

Валлам скорчился и дёргано кивнул:

- Да, Капитан, - прохрипел он. – Я справлюсь.

- Боец, - одобрил Хилас и повернулся к остальным. – Все целы?

Дружина подтвердила, что все.

- Тогда продолжаем движение.

Те из нас, кто отбрасывал снаряжение, подобрали что смогли найти, и мы поплелись дальше.

Не буду вспоминать каждую деталь нашего пути через пещеры. Достаточно сказать, что он был адским. Мы решили, что нужно использовать фонари осмотрительно, иначе они выдадут наше присутствие. Немного света просачивалось сквозь трещины в камне, но в лучшем случае мы брели в полумраке, а в худшем – в полной темноте. Более того, сухие тропы попадались нам лишь изредка. Чаше мы шли по пояс в холодной мутной воде, а потоки и неровности дна старались нас

утопить. Неустанное эхо прибоя гуляло везде, заглушая шевеления враждебных существ.

А таковые в наличии имелись. Конечно, диверсия сработала, и большая часть краболодов была втянута в сражение на пляже, но туда отбыли не все; периодически один из них вываливался на нас из тьмы. Впрочем, как и другие неприятности – серые ящеры, сливавшиеся с камнем, пиявки длиной с мужскую руку, морские ежи, метавшие пропитанные ядом иглы точно дротики.

Мы убивали или избегали монстров как могли, но самым удручающим была похожая на лабиринт сеть проходов. Мы постоянно натыкались на тупики, либо внезапно понимали, что пришли в место, которое уже проходили. Ополченцы начали говорить, что мы никогда не найдём кукольника прежде, чем вернутся краболоды. Некоторые беспокоились о том, что мы настолько заблудились, что даже не сможем найти дорогу назад.

Хилас и я старались сдерживать их, говоря уверенно, сурово или шутливо, в зависимости от момента. Тем временем я и сам боролся с невысказанными страхами.

Наконец Хилас подошёл ко мне и тихо, чтобы не услышали остальные, спросил:

- Мы ведь исследовали всё, не так ли?

- Похоже на то, - отозвался я. – Возможно, этот мастер и правда не здесь, а где-то в океане.

Хилас покачал головой.

- Если это так, Порт Лласт обречён, так что будем считать, что он всё-таки здесь. Так почему же мы не можем его найти? Это пещера, а не рукотворная крепость. Здесь нет скрытых дверей или тайных проходов.

- Это так, - и тут меня осенило: - А, будь проклята наша группа идиотов!

- Что такое? – оживился Хилас. Воины сгрудились вокруг нас.

- Разумеется в морской пещере могут быть тайные проходы, - заявил я, - если входы в них расположены под водой!

- Ты прав, - согласился молодой рыцарь, затем повернулся к отряду. – Мы пройдем ещё раз, ищите такой вход.

И мы так и сделали, вглядываясь и ощупывая что-то, что с трудом можно было бы отыскать и при хорошем освещении. И хотя с был в достаточной степени уверен, что мы на верном пути, я сильно сомневался, что мы обнаружим вход прежде, чем выйдет время.

Это был Дандриос, кто крикнул: - Я нашёл!

Мы все поспешили к тому месту у левой стены, где он стоял по пояс в воде. Нагнувшись, я пошарил руками и обнаружил дыру шириной где-то метр, и длиной в два. Достаточно большая, чтобы пропустить даже краба, если он не против таких стеснённых условий.

- Хорошая работа, - похвалил Хилас. – Конечно, мы не знаем, нужна ли это дыра. Нужно послать разведчика.

- Я пойду, - вызвался я.

Коридоры заполнил непрекращающийся шорох. Возвращались остальные краболоды. Солдаты съёжились и подобрались, собираясь бежать в противоположном направлении.

- Ну что ж, - энергично продолжил рыцарь. – Очевидно, времени на разведку нет. Все в проём. И быстро, пока крабы нас не заметили.

Ополченцы уставились в ответ.

- Но Капитан, - пискнул один из них. – вы же сами сказали, что мы не знаем, правильный ли это путь... и даже есть ли по ту сторону воздух!

- Это верно, - согласился Хилас. Он носил промокшую, просто сшитую шерстяную тунуку и брюки, как и остальные, а вода приклеила искусно стриженные каштановые кудри к голове. Каким-то образом в этот момент ему не нужно было носить вычурную броню или магический меч, чтобы выглядеть настоящим рыцарем. – Но мы знаем, что это наш последний шанс на победу. Последний шанс спасти деревню. И я не собираюсь отбрасывать этот шанс прочь, и если вы, как я думаю – воины, то и вы не станете.

Он кинул кирку и фонарь, и скрылся под водой.

- Вы слышали его, - поддакнул я.

Кинув собственное более громоздкое снаряжение, я последовал за моим командиром в дыру, и следующие минуты гадал, оказался ли кто-то из ополченцев настолько глуп, чтобы нырнуть за мной. Точно сказать в темноте прохода я не мог.

Я плыл и плыл, изредка стукаясь головой и прочими конечностями о каменистые стены тоннеля. Вскоре мои лёгкие горели, жажда глотка воздуха, а сам я боролся с паническим позывом повернуть и плыть обратно. Но даже если бы я готов был поджать хвост и сдаться, я уже заплыл слишком далеко, чтобы вернуться живым.

Через некоторое время я различил смутный силуэт Хиласа на фоне овала более светлого пятна темноты. Капитан миновал выход и поплыл наверх. Я последовал его примеру, и скоро моя голова очутилась на воздухе. Жадно вдыхая, я осмотрелся.

Мы всплыли в пещере с высокими потолками, чьи пологие стены образовывали естественный амфитеатр с водоёмом в центре. На полпути наверх пристроился алтарь из алого коралла. Застыв в неподвижной позе и воздев тёмно-зелёные, чешуйчатые лапы, перед ним проводил какой-то ритуал сахуагин с причудливыми, но странно красивыми плавниками. Казалось, что он в экстатическом трансе, или же просто сильно сосредоточен.

Повернув голову в мою сторону, Хилас прижал к губам палец, выражая желание заставить тварь врасплох. Настолько тихо, насколько мы могли, мы поплыли в её сторону.

Увы, мы позабыли, что рядом могут находиться и другие враги, а также тот факт, что они могут как бродить по камням, так и сновать в тёмных глубинах. Я внезапно почувствовал, как что-то поднимается ко мне, и развернулся, встречая опасность, но оказался слишком медлительным. Краболюд схватил меня за ногу и потянул ко дну. Отбрыкиваясь, я силился высвободиться до того, как он оторвёт ногу или утопит меня.

Монстр конвульсивно содрогнулся и отпустил меня. Когда голова оказалась над водой, я увидел, что это Дандриос нанёс существу удар. Он и остальные последовали за мной.

Хилас вынырнул рядом, из пореза на челюсти хлестала кровь.

- Убейте сахуагина! – крикнул он всем, кто мог его слышать.

Мы поплыли к берегу. К нам бросился ещё один краб, и Дандриос повернулся, встречая его и прикрывая наши спины. В конце концов только Хилас и я смогли выбраться на склон, все остальные сражались с чудищами в воде.

К этому моменту сахуагин был прекрасно осведомлен о нашем вторжении – как и два краба, стремглав бросившиеся по камням нам навстречу. Всё ещё ощущая нехватку воздуха, смаргивая жалящую солёную воду с глаз, я кое-как поднялся и выдернул короткий меч из ножен. Я уклонился от первой атаки краба, шагнул вперёд и полоснул, ранив того в бок. Монстр отскочил, но угрожающе выставил клешни вновь.

Краем глаза я видел Хиласа, он тоже уже был на ногах и сражался с другим краболоудом.

Звери дрались хорошо. Всё же я рассчитывал, что мы с рыцарем не уступим им. Морской дьявол, остававшийся перед алтарём, начал выводить перепончатыми лапами магические пассы и что-то читать шипящим, грубым, нечеловеческим языком.

Стало ясно, что это и есть тот колдун, которого мы явились сразить, и если мы не сделаем этого немедленно, скорее всего он скоро бросит в нас заклинание. Хилас и я отчаянно атаковали врагов, пытаясь убить их и заняться повелителем прежде, чем он закончит чары. Они же, в свою очередь, старались выиграть время, приняв защитную стойку – нёсшую меньше угрозы, но делавшую их дьявольски непробиваемыми.

Я опустил защиту, приглашая соперника атаковать, и краболоуд не смог противиться такой возможности. Он потянулся схватить меня; я безрассудно поднырнул под клешнями и погрузил меч в его брюхо.

Существо упало, а я бросился вверх по склону – когда будто огромный невидимый молот впечатал меня в землю.

Казалось, будто огромная рука пытается меня раздавить. Все силы уходили на то, чтобы просто дышать, и я боялся, что постепенно давление просто превратит меня в кашу.

Хилас также подвергся влиянию магии. Он еле ковылял и, казалось, вот-вот свалится. Теперь уже не спеша, его враг приближался.

Хрипя от боли и усилий, Хилас метнул свой меч в морского дьявола. Клинок крутился в воздухе, словно колесо, пока остриё не вонзилось глубоко в выпуклый глаз монстра. Как только тварь свалилась назад, на алтарь, сжавшая меня сила исчезла.

К тому моменту клешни краболоуда уже готовы были сомкнуться на рыцаре. Я крикнул, и существо, отвлёкшись, замешкалось. Хилас отполз прочь от зверя, и мы убили его общими усилиями.

После этого, хоть мы и страдали от боли и усталости, мы помогли воинам, всё ещё сражавшимся в воде. В конце концов мы победили. Более того, как только мы все выбрались на сушу, мы поняли, как нам повезло. Погибло лишь двое. Остальные оказались потрёпаны весьма серьёзно, но я решил, что они восстановятся при должном уходе.

Не то чтобы им светило таковой получить. Минуту спустя, десятки краболоудов начали появляться на поверхности озера.

- Нет, - простонал Валлам. – Так нечестно!

Корчась от боли, причиняемой ужасными ранами, Дандриос обернулся к Хиласу и мне.

- Мы убили поработившего их сахуагина, - сказал он, - Они не должны больше желать нам вреда.

- Мы всё ещё нежеланные гости в их гнезде, - объяснил Хилас, поднимаясь. – Боюсь, всё, что мы можем сделать – продать наши жизни подороже.

Мы выстроились в круг, защищая спины друг друга, но, хотя крабы и выбрались на склон, они держались на расстоянии.

Особенно крупный представитель поднялся к алтарю, подобрал тело сахуагина и отбросил в сторону, открывая взгляду две вырезанные из коралла статуэтки, незамеченные мной ранее. Одна изображала краболода, другая – медузу. Очевидно, это и были инструменты подчинения, работавшие в сочетании с дисками.

Краболод раскрошил фигурки в лапах, и остальные защёлкали клешнями, казалось бы, воодушевлённо празднуя. Затем здоровяк махнул нам, приглашая вернуться к водоёму.

- Ты был прав, - с удивлением в голосе сказал мне Хилас. – Они не просто животные. Они понимают, что мы освободили их, и позволяют нам уйти.

- Похоже, что так, - согласился я, едва смея этому верить. – Давайте убираться отсюда, пока они не передумали.

После нашего возвращения мы узнали, что большая часть нашей диверсионной группы пережила столкновение. В Порте Лласт всё ещё имелся действующий гарнизон, пусть и совсем крохотный. Хилас провёл в городе ещё три дня – достаточно, чтобы убедиться, что медуза и вправду покинула окрестные воды. В утро его отбытия мы сидели в его кабинете, заканчивая последние дела.

- Странно, - сказал он, когда со всем было покончено. – Теперь, когда мне пора уходить, какая-то часть меня желает остаться. Но вы во мне больше не нуждаетесь. – Он широко улыбнулся. – Если вообще нуждались.

Я ухмыльнулся в ответ.

- Никто из простых солдат не признается в том, что ему нужны офицеры, но вы разок-другой всё-таки пригодились.

- Спасибо, - поблагодарил он, становясь серьёзным. – За всё.

Мы пожали друг другу руки и вышли на улицы, повидаться с бойцами. У молодого рыцаря нашлись слово или жест одобрения для каждого из них, и ополченцы трижды отсалютовали ему, когда Хилас поскакал прочь.

Впоследствии я невольно задавался вопросом, когда же Альянс Лордов назначит постоянного Первого Капитана, и каким он окажется. Наконец посланник доставил ответ. Хилас расхвалил меня вышестоящим командирам, и, как следствие, они повысили меня.

ВЫКОВАННЫЙ В ОГНЕ

Клейтон Эмери

22-ой день месяца Киторн, Год Перчатки

- Взять их, красавцы! Сметите их в море, мои смельчаки!

Крича, размахивая кортиками и скимитами, пираты хлынули через борт. Перемахивая со своего дромона на торговый ког, разбойники заполонили шканцы, шлёпая босыми ногами по палубе.

На шканцах же сгрудились капитан и старпом, пытавшиеся подбодрить дюжину матросов. Простые торговцы не горели желанием сражаться.

Осторожно карабкаясь через пенящееся, беснующееся пространство между судами, на палубу захваченного корабля перебрался огромный предводитель пиратов, тут же осыпавший своих головорезов ураганом слов. Сердце Льва больше не бился с врагами лицом к лицу, а держался позади, присматривая. Кто-то ведь должен следить и за кораблями, в конце концов, не то они и на мель могут сесть.

- Взять их, мои бесстрашные дети! – понукал он. – Стремительное нападение – короткое сражение!

Завывая, тридцать пиратов разделились на две группы, словно волки, и взлетели по коротким лестницам на четвертьдек. Если повезёт, торгошники от ужаса побросают оружие и сдадутся. Сердце Льва обратил внимание на капитана торгового судна, худого мужчину с чёрной бородой, который, похоже хмурился с самого рождения, а также на то, что лицо старшего помощника было всё в татуировках, как у пустынного кочевника. Другая лестница тоже охранялась, гибкой женщиной в светло-розовых и жёлтых одеждах. Такие люди всегда означали проблемы.

С абсолютной уверенностью – такой же, как в том, что ему не нужно платить налоги – он понял, что корабельные офицеры предложат пиратам простую и добрую схватку.

Один из захватчиков махнул саблей, пытаясь отбросить оружие старпома в сторону, но похожая на ствол дуба рука без усилий парировала. Пират взвизгнул и отпрыгнул с окрасившимся в красное бедром. Стеснённый узкой лестницей, другой пират полоснул кортиком по рёбрам защитника, но и этот удар был отражён – на этот раз помощник пустил кровь из предплечья. Внизу на шкафуте Сердце Льва сыпал бесполезными распоряжениями. Ну почему его команда никогда ничего не слушает на тренировочных боях? Предводитель был рад увидеть, что высокий пират наконец-то пробрался мимо сообщников и с силой ткнул abordажным копьём.

Старпом уклонился было, но натолкнулся на стоявшего рядом капитана. Копьё пробilo его горло. Офицер упал, заливаясь кровью и обрызгивая ею врагов.

Пираты триумфально заорали и бросились по скользкой красной палубе к длинноногому капитану. Тот орудовал поношенным скимитаром и маленьким круглым щитом с шипом в центре. Яростным замахом отогнав двух наседавших пиратов, он бросился на третьего. Быстрый удар прорезал запястье бедолаги до кости. Кровь забила фонтаном, он заорал, но в тот же момент его товарищ толкнул его плечом. Раненый влетел в капитана кога, сковывая его движения. Кто-то подцепил абордажной пикой его ногу. Лишившись опоры, офицер свалился на спину, и тут же две быстрых как кошки пиратки вонзили клинки в его живот и горло. Видя, что их командиры мертвы, матросы уже начали бросать ржавые мечи и сабли, под уханье пиратов.

- Отлично! Ваш капитан гордится вами! – кричал Сердце Льва.

Он мельком проверил, как движутся корабли. Пиратский дромон – длинное, подвижное многovesельное судно с косыми парусами под названием «Акулий Клык» - было притянуто к когу крепкими канатами с железными цепями и крюками на концах. Сцепленные суда качались и рыскали с подветренной стороны большого острова к югу. На Тарсульте, острове в Сияющем Море, имелось много каменистых расщелин, к рассвету залитых густыми тенями – превосходное место для устройства засад на морских путях. Волны разбивались брызгами, сталкиваясь с побережьем, заросшим морскими водорослями. Впереди был ещё целый день сияющего солнца, и капитан пиратов ликовал. Они обчистят это судёнышко и успеют скрыться ещё до заката.

Оружия у Сердца Льва не было, лишь полая латунная трубка, которой он размахивал, подбадривая команду:

- Поднажмите, сыны и дочери семи дьяволов! Будьте как короли-завоеватели! Нашлите на них... Э? А, погонщик верблюдов меня подери!

В мгновение ока вторая стая пиратов наткнулась на тигрицу.

Подвижная женщина в розовом и жёлтом – цветах Налло-хала, Флота Калифа Калимшана – преграждала выход со второй лестницы. Белый пробковый шлем, обёрнутый сиреневым тюрбаном и с обитым латунию «клювом», выдавал в ней лейтенанта Имперских Морских Сил. Она орудовала прямым мечом, словно какой-нибудь северянин, а глаза пылали огнём, когда она кричала: «Во славу Калифа!»

Внизу, на средней палубе, застонал Сердце Льва. Похоже, придётся применить латунную трубку, несмотря на риск сжечь судно до самой ватерлинии. Неужели теперь никто просто не сдаётся?

На лейтенанта наседали здоровый пират по имени Тасин, известный своей любовью к дракам и умением обращаться с мечом. Он ухмыльнулся, делая обманный финт своим кортиком, и рассчитывая отвлечь офицера этим трюком. Но пока он изображал удар, женщина ударила по-настоящему. Беспощадный, словно коготь дракона, её прямой меч скользнул по костяшкам нападающего и рубанул того по колену, беспечно выставленному вперёд. Нога Тасина подогнулась. Как только огромный пират наклонился к раненому месту, лейтенант полоснула его по шее. Кровь устремилась в небо и забрызгала блузу и куртку воительницы.

Ещё один пират, точнее пиратка, атаковала, когда лейтенант разделалась с первой жертвой. Она присела так низко, что её ягодичы буквально мели по палубе, и ткнула оружием вверх, метя в живот соперника. Но клинок офицера, быстрый точно мысль, с такой силой упал сверху, что сабля пиратки зацепила кончиком доски – а затем прямой меч отскочил обратно. Пиратка успела увидеть, как остриё летит в её лицо, словно стрела, прежде чем оно пронзило глаз и мозг.

Нырнув и используя трупы как баррикаду, лейтенант указала мечом на внезапно отступивших пиратов, насмехаясь:

- Ну подходите, шакалы! Дайте себя лизнуть железнному языку бойцов Империи!

- Ильматер меня создал, чтобы вечно я страдал, - вздохнул Сердце Льва. Атака его пиратов заглохла – и могла даже провалиться, если вражеские матросы соберутся вокруг этой дьяволицы. – Но Шаресс благоволит тем, кто любит жизнь.

Подняв металлическую трубу, Сердце Льва навёл её на уклоняющуюся и финтующую женщину, затем провёл пальцами по всей длине, произнеся: «Ас`тал рифа!»

Словно из брюха вирма, из полой трубы вырвалось пламя, собравшееся затем в сферу и с шипением прорезавшее воздух. Будто кусок горячей смолы размером с кулак, огненный шар отскочил от шлема лейтенанта. Сиреневый шёлк вспыхнул – как и короткие светлые волосы под ним. Запаниковав, женщина сбросила горящий шлем, и, в свою очередь, попала под скользящий удар саблей по голове. Она упала лицом в кровь.

Но снаряд Сердца Льва сработал слишком хорошо. Огненный шар срикошетил от крепкого шлема и запутался в мешанине просмоленных канатов и юферсов стоячего такелажа. Смола затрещала и вспыхнула, словно сухая лучина. Краска на деревянных частях пузырилась, облезала, дымилась, скукоживалась и, наконец, занималась пламенем. За какие-то секунды огонь поднялся по оснастке и поджёг парус на бизань-мачте.

- Пожарная тревога! – завопил один из пиратов.

Мгновенно все матросы начали рубить штаги, чтобы опустить парус. Команда торгового судна присоединилась к ним, молчаливо сдавшись – пожара на судне в открытом море бояться все. Оскальзываясь в крови, они вытаскивали кофель-нагели, освобождая бегучий такелаж. Освобождённый, хлопающий и увлекаемый ветром пылающий парус перемахнул через гакаборт и с шипением исчез среди волн. И пираты, и торговцы спустили за борт ведра на верёвках, затем выплеснули на палубу, гася шальные искры. Кровь смешивалась с морской водой и выливалась через шпигаты.

Как только чрезвычайная ситуация была ликвидирована, а все участники перевели дух, Сердце Льва, пыхтя, поднялся по короткой лестнице на шканцы. Будучи обладателем великолепной чёрной, расчёсанной и надушенной бороды – к тому приправленной сажей, чтобы скрыть седину – предводитель пиратов также носил просторную красную рубашку, сглаживавшую размер его пуза, синие брюки до колен и широкий шёлковый золотистый шарф, подходивший по цвету жёлтому тюрбану.

С распростёртыми руками он объявил:

- Джентльмены, леди! Братья и сёстры Солёного простора! Сами Боги решили отдать нам во владение ваше достойное судно, и так и случилось. Не стыдитесь того, что сдались. Скажите, кто из вас главный?

Капитан и старпом лежали мёртвые, поэтому обеспокоенные матросы повернулись к сидящему мужчине с серебристой бородой и шрамом на щеке. Как и большинство остальных матросов, он носил залатанные мешковатые штаны и простую крепкую рубаху, но на груди красовался красный кожаный жилет, расшитый драконами и красавицами с глазами как у ланей. Сердце Льва заметил, что многие матросы носили подобные экзотические наряды. Очевидно, корабль возвращался откуда-то с очень далёкого востока.

- Меня звать Боллус, достопочтенный сэр, простой боцман «Восьми Молний» из Калимпорта. Двести шестьдесят четвёртый день хода из Козакуры. Вы ведь не будете нас убивать, уважаемый капитан? Нам было приказано защищать судно, надеюсь, вы не в обиде?

- Э? А, нет-нет, убивать не станем, - Сердце Льва был погружён в собственные мысли. Во имя Небесного Отца, где же лежит эта – как он её назвал, Коза-куура? Какие же чужеземные товары здесь могут находиться! – На самом деле, мы всегда приветствуем новобранцев, поэтому у вас есть выбор – присоединяйтесь или высадим на берег. Не спешите, подумайте. И тем временем подчистите тут всё, будьте добры. Бухтуйте канаты, поднимайте паруса, драйте палубу. Занятый моряк – счастливый моряк.

Обрадовавшись пощаде, матросы принялись за работу. В первую очередь за борт отправились тела павших пиратов и торговцев – как только с них сняли всё оружие, украшение и одежду, годную к продаже.

Один из пиратов удивлённо вскрикнул, обнаружив, что лейтенант ещё жива. С откинутой головой, с текущими изо рта слюнями, её приволокли к капитану пиратов. Слегка обожжённые щека и шея сочились липкой жидкостью, а волосы с одной стороны полностью сгорели. Сердце Льва приметил их светлый оттенок и гладкую кожу с тёмным загаром. Вероятно, из рода чужеземных наёмников, она тем не менее была истинной дочерью пустыни. Типично для калишитов, чьи представители были объединены наследием смешанной крови.

- Перерезать ей горло, капитан? – спросил пират. – Она убила Тасина и Нурех.

Сердце Льва прищурился, раздумывая.

- Это небольшая потеря. Тасин всех задирает, а Нурех мухлевала в картах. Нет, думаю лучше приковать её к веслу. Если доживёт до порта, возможно, флот её выкупит.

Внизу на шкафуте Харун, пиратский старпом, сорвал парусину с люков, намереваясь изучить груз. Этот торговый тог был судном общего назначения, с подвижными переборками в трюме, широкий словно деревянный башмак, с роскошью прямого паруса. «Восемь Молний» с лёгкостью могли заплывать за пределы Фаэруна – и очевидно, так и сделали.

- Капитан! Вам лучше на это посмотреть! – крикнул Харун.

Широкоплечий и смуглый, первый помощник предпочитал носить чёрные подкрученные усы, уложенные пчелиным воском – возможно потому, что его макушка была лысой точно швартовая тумба. Будучи представителем власти на

пиратском корабле, широко известном своей недисциплинированностью, он всегда говорил как будто с отвращением, но сейчас его слова прозвучали особенно горько. Со вздохом отметив нелёгкую долю капитана, Сердце Льва спустился по лестнице.

- Гляньте на эту дрянь.

В зияющем трюме виднелись ряды бочек, нагроможденные поверх других бочек. Члены команды выволокли дюжину из них на палубу, но внутри всех, судя по одинаковым подписям на торцах, было одно и то же. Харун своим железным ножом выковырял пробку и набрал жидкость в ладонь. Она была прозрачной и слегка золотистой, словно вино из Глубоководья.

Сердце Льва погрузил палец, затем понюхал. Жидкость слабо пахла обожжённым мёдом, смешанным со скипидаром или кедровой смолой. Оживившись, вождь пиратов коснулся языка – жгло не хуже острого перца.

- Что это?

- Высеките меня как пса, если я знаю, - нахмурился Харун, махнув намозоленными руками. – Но там этого полно. Три полных отсека. В каюте капитана нашлись шёлк и серебро, ещё больше этих шутовских одежек и расписанная посуда, заberi Огма моё зрение. Мы сможем продать их и выручить небольшое состояние, но вот бочки... бочки бесполезны.

Сердце Льва помахал латунной трубкой, подзывая Боллуса. Легко шагая, пленный боцман покачал головой.

- Приношу тысячу извинений, господа, и прошу сотню прощений, но мы тоже не знаем, что в этих ёмкостях. Наши капитан и старпом хранили это в тайне. Они владели частью судна, поэтому и защищали его так яростно, а мы, простые матросы, получаем жалованье по дням. Нам это знание они не доверили, и никто из нас не знает козакурский. Я думаю, это выжимка из риса, или сок сахарного тростника, или всё вместе. Капитан утверждал, что продаст это в Калимшане за одну ночь, но каким образом – этого не знаем.

- Где корабельный журнал?

- Снова тысяча извинений, но капитан выбросил его за борт, когда вы напали. Обложка со свинцом, так что он давно затонул.

- Тайный груз из неизведанной страны... - Сердце Льва снова понюхал кончики пальцев. – Не лак, не уксус. Возможно это масло для ламп, наподобие спермацетового, добываемого в Лускане из китовой ворвани.

Пираты сгрудились, оценивая свою удачу, но теперь выглядели хмуро. Некоторые из них тоже окунули пальцы в странную жидкость.

- Слишком жидкое для масла, - предположил один.

- Наверно, испортилось в трюме, протухло на жару, - высказался другой.

- Если на вкус – дерьмо, значит, это лекарство.

- Кэп, а вы бочку потрясли? Может оно, того, по слоям, как верблюжье молоко.

- А может это верблюжья моча.

- Весь наш путь проклят, - прорычал Харун. – Без связей владельцев в Калимпорте мы это никогда не продадим. Кто купит то, что даже сам торговец не знает, что именно. С учетом подготовки запасов еды и воды, и покупки новых парусов, с этими жалкими крохами мы никогда не сможем отбить затраты. Тоже мне пираты. Даже грабежом заработать не можем!

Про себя Сердце Льва согласился. За последние три месяца морская торговля необъяснимо затихла – даже оживлённый торговый путь из Тарсульта в Альмрейвен выглядел заброшенным. Капитан пиратов знал - ещё несколько недель неудач, и его команда станет озлобленной и неугомонной, вина во всём своего предводителя. Затем на всеобщем голосовании Сердце Льва сместят с поста – если, конечно, до этого ветреной ночью насильно не препроводят за борт.

Да, вздохнул он, пиратство стало опасным промыслом. В особенности с того момента, как он перестал носить саблю. К тому же процветание, отразившееся на талии, также замедлило его. Теперь он предпочитал тренировать свой ум, иногда экспериментируя с разными мистическими безделушками. Так он стал владельцем латунной трубки, плюющей огнём, которую он приобрёл на рынке Мемнона, города под влиянием ифритов. Она оказалась полезным оружием, хотя некоторые члены экипажа считали магию уделом слабаков, и намекали, что их капитан мог бы преуспеть в какой-нибудь другой профессии. Например, в гербарном деле или в рыбоводстве...

Итак, снова вздохнул Сердце Льва, лучше предпринять какие-нибудь капитанские действия прежде, чем в головы его бойцов закрадутся сомнения. Топая по палубе, он подмечал миллионы деталей, которые всегда должен держать в уме моряк. Оба корабля всё ещё были соединены железом и пенькой. Благодаря отливу они дрейфовали в безопасности далеко от скал Тарсульта. День едва начался – его вместительный желудок громко требовал завтрак – так что у них было много времени на работу; но что же делать дальше? Отдать приказ на перемещение этих загадочных бочек на «Акулий Клык» или просто выбросить их? Без их тяжести «Восемь Молний» полетит налегке. Может быть, если закрасить название и отвести корабль в Сулдольф, он сможет получить лёгкие деньги и утихомирить команду? Если только судно уже не побывало в этом порту, где тогда будет тотчас же узнано.

- Хой, капитан! Прошу прощения, но наша розовая тигрица хочет поговорить.

Сдерживаемая двумя коренастыми корсарами, обожжённая, окровавленная и потрясённая, лейтенант по-прежнему не признала поражения, зарывав на предводителя пиратов, и вправду напоминая бешеную хищную кошку:

- Ты что, идиот? Зачем вы, придурки, делаете это?

- Делаем что? – спросил сбитый с толку Сердце Льва. - Грабим корабли? А чего ещё ты ожидаешь от пиратов?

- Тьфу! – женщина сплюнула кровь из разбитой губы. Получив удар дубинкой по голове, теперь она силилась удержать внимание. – Я лейтенант Белинда Дестин, Имперские Морские Силы. Это ты капитан? Как такое может быть – дрожащий кусок жира размером с ламантина!

- Ты никогда не слышала про Сердце Льва? – с огромным достоинством поинтересовался он. – Самого отчаянного пирата Бесследного моря, бесстрашного и наводящего ужас на всё Побережье Мечей? Кто в Год Теней выкрал корабль с данью из-под самого носа Сил-Паши? Кто во время Войн Тёмных Преследователей обчистил бездонные сундуки крепости Тёмных Кинжалов, забрав Корону короля гоблинов до того, как Ралан Эль Песерхал узнал, что она пропала? – выдохшись, вождь пиратов остановился, затем похлопал огромное пузо. – Признаю, все эти

приключения произошли до твоего рождения, но мой ум по-прежнему остёр, и поныне моё имя сеет панику...

- Заткнись, ты, болтливый бабуин! – проревела женщина командным голосом. – Ты что, ничего не слышал, пустоголовый баклан? Идёт война!

- А. Опять? – пожал плечами Сердце Льва, подняв руки. – Всегда идёт какая-то война, да будут благословенны мрачные игры Шар. Война – это хорошо. Пираты наживаются, когда страны сталкиваются и припасы снуют туда-сю...

- Не страны, – рявкнула лейтенант. – Сухопутные королевства воюют с подводными! Плавающие расы против говорящих. У каждого побережья рыболоуды и морские твари, чудо-юды и прочее выпрыгивают из воды, обращают корабли в бегство и вырезают земных обитателей. Ни одна деревня или город, прилегающий к воде, не может чувствовать себя в безопасности, как и ни одно судно.

И пираты, и моряки собрались послушать новости. С гудящей головой, лейтенант продолжала:

- Никто не знает, почему они атакуют или кто их ведёт. Адмиралы твердят, что это подводная война выплеснулась на сушу. Шпионы уверяют, что ковен икситксачитлов, летающих демоноскатов, противостоит обезумевшему морскому монстру, чья личность неизвестна. А может быть, наоборот, поддерживает. Ничего не понятно. Я взошла на этот корабль в Граничных Королевствах, когда услышала вести. Калимшан нуждается во мне. Он нуждается во всех своих гражданах – воевать. Сухопутные народы должны сплотиться, иначе нас вытеснят из...

Её речь прервал вопль. Поворачиваясь на него, ещё больше людей начинало кричать, рыдать и трястись от ужаса.

Рядом с кораблём, вздымаясь и извиваясь, разбрызгивая галлоны морской воды, вылезло щупальце спрута – выше мачты и толще, чем бочка-хогсхед. Его пёстрая, зелено-коричневая плоть блестела и переливалась в лучах яркого весеннего солнца. Самые большие из присосок этой огромной конечности были шириной с грудь взрослого мужчины. Наблюдатели в ужасе отшатнулись, но рядом вынырнуло другое щупальце, а затем и третье.

Сердце Льва тридцать лет бороздил моря и повидал много удивительных чудес, но не встречал ничего подобного. Он успел обдумать только одну леденящую мысль – щупалец у осьминогов восемь – поэтому не удивился, увидев, как ещё три конечности взмыли из морских глубин рядом с дромомом. Словно омерзительные порождённые морем деревья, шесть лап образовали жуткую клетку, угрожающую вот-вот закрыть солнце и заточить корабли.

Щупальца качнулись и обрушились на деревянную палубу. Люди бросились врассыпную, некоторые даже попрыгали за борт. Разорванная оснастка хлестала и свистела на ветру. Незакреплённые паруса болтались во все стороны. Бочки груза, аккуратно составленные у трюма, теперь катались словно игральные кости; некоторые из них развалились, пустив потоки вонючей жидкости по доскам палубы. С полдюжины пиратов и матросов были убиты на месте, раздавленные тяжёлыми конечностями. Ещё двое кричали от боли, пока придавленные, переломанные ноги или руки превращались в кровавое месиво.

Лейтенант, её охрана и двое других пиратов, вместе с Сердцем Льва, оказались окружены и зажаты между двумя живыми стенами склизкой плоти, высотой с

изгородь и смердящими серой с морского дна. Корабли тряслись и стонали, будто перегруженные мулы – впрочем, как понимал капитан пиратов, так оно и было. Ещё минута, и оба судна развалятся на куски. И тонущая команда, утянутая в пучину, будет измельчена как какая-нибудь корюшка жёлтым попугайчим клювом гигантского кракена.

Прыгучий словно пробка, торговый ког содрогнулся, ощутимо кренясь на правый борт. Бочки катились, толстые брусья трещали, а доски выскакивали из пазов. Сердце Льва лихорадочно размышлял, как же отразить атаку подобного существа. Даже силачам потребуется час, чтобы отрубить эти резиновые конечности.

Ещё какие-то звуки, необычные. Из-за стен этой мясистой решётки доносились крики, ругательства и звон стали. К ним примешивались утробные рыки, похожие на прилив прибоя или уханье морских львов. Что же это? Как корабли могли подвергнуться нападению ещё кого-то? Мог ли какой-то злобный разум приказать спруту захватить добычу, а затем послать невидимых солдат?

- Не стой, вытаращившись как лосось! – прикрикнула лейтенант Дестин, стряхнула перепуганных стражей и выхватила меч.

Замахнувшись оружием над головой, обхватив рукоять обеими руками, Белинда Дестин погрузила острый клинок в лапу осьминога по самую гарду. Подавшаяся плоть мерзко хлюпнула. Высоко подпрыгнув и повиснув на сабле, женщина прочертила борозду длиной в локоть, наполнившуюся тёмно-красной кровью.

- Очнитесь уже! Работайте клинками! – заорала она пиратам.

Ошеломлённый быстро разворачивающимися событиями, а также гадающий, что же ещё угрожает его людям, Сердце Льва атаковал тем, что попало под руку. То есть метаемой огонь трубкой. Не придумав ничего лучше, он прижал её к большому, пульсирующему щупальцу и провёл рукой по полированному металлу:

- Ас`тал рифа!

Отдача едва его не прикончила.

Сердце Льва отбросило прочь, когда пламя, подобное праздничному костру, расцвело на конце трубки, закрыв всё перед его глазами и ослепив. Голова и плечи стукнулись о противоположное щупальце, и он растянулся на своей широкой заднице. Огромная конечность теперь не дрожала, а дёргалась и извивалась. Протерев глаза, капитан обнаружил, что манжет у его рубашки больше нет.

Оружие прошло в мясе осьминога дыру размером с человеческую голову. Плоть обуглилась по краям зелёной дыры, теперь толчками выплёскивавшей кровь, словно прорванная плотина. В центре раны разверзся ад. Огненный шар, созданный из мистического двеомера, продолжал полахать и ещё глубже вгрызлся во влажную добычу.

Весь нанесённый урон Сердце Льва наблюдал лишь пару секунд, затем конечность скрылась из виду. Как ковёр-самолёт, все нескончаемые щупальца взметнулись в воздух. Очевидно, для осьминога удар огня был подобен укусу пчелы. «Имеет смысл, - подумал всё ещё потрясённый предводитель пиратов, - На морском дне ему негде было бы ощутить, что такое огонь».

Одно из щупалец убралось так быстро, что вцепившаяся в рукоять сабли лейтенант оказалась поднята в небо. Лишь когда её ноги задели наклонную мачту,

она отпустила хватку и с глухим стуком приземлилась на палубу. С проворностью норки подобрав оброненный скимитар, она вновь устремилась в атаку – ещё даже до того, как стала понятна природа их врагов.

«Берсерк, - подумал Сердце Льва, - словно северная рысь». Женщина была во власти боевой ярости. С трудом поднявшись на ноги – и чувствуя себя старым и медлительным – он сделал умственную заметку: не попадаться ей на пути. Чем они там кормят этих морских пехотинцев? Смесью драконьей крови с кишками волка? Стерев пот с бровей и убедившись, что латунная трубка всё ещё при нём, пиратский капитан огляделся, пытаясь понять, что за сила напала на его корабль и команду.

Лучше бы он этого не делал.

Дюжина или около того зелёных, нескладных гигантов буйствовала на обоих судах, порождая кругом хаос. Сердце Льва узнал существ, он уже видел одного такого мёртвым в сетях рыбаков. Морские огры, или мерроу, как звали их мореходы, возвышались на три метра, но были тощими, словно барракуды, с вытянутыми шеями и челюстями, похожими на медвежьи капканы. Не носящие одежды, с плотью бледной как у утопленников, эти звери заросли мехом, скорее напоминавшим водоросли. Кожа каждого огра была расписана замысловатыми татуировками, а сам монстр обвешан ожерельями и браслетами из акульих зубов, мечей меч-рыб, потускневшей меди и серебра, бутылочных горлышек и прочего морского мусора. Их чёрные как чёрт зубы и когти были достаточно крепкими, чтобы разорвать человека пополам, и сейчас чудовища упивались кровавой вакханалией.

Пока Сердце Льва озирался, один огр всадил копьё во внутренности матроса, поднял извивающуюся женщину держа за волосы, затем откусил большой кусок горла; её голова при этом откинулась на спину. Два других морских монстра распластали пирата, затем схватили за руки и дёрнули.

Конечности сместились и вылетели из суставов, залив всё кровью. Многие матросы и пираты даже не дрались, просто в панике бегая кругами – и Сердце Льва не мог их в этом винить. Другие всё же сражались. Харун размахнулся кривым абордажным топором, полоснув мерроу по животу, освобождая внутренности, затем махнул в обратную сторону, подсекая сухожилия другому беснующемуся чудовищу и сваливая его на палубу.

Но безумнее всех оказалась Белинда Дестин. Из-за того, что в море условия менялись быстро и непредсказуемо, морских пехотинцев обучали импровизировать в боях и разить врага всем, что попадётся под руку. Утратив оружие, лейтенант схватила одну из множества бочек, катавшихся и скакавших по палубе. Проревев собственный боевой клич, она разбила бочонок об морду морского огра. Дубовые доски треснули, и обоих противников окатило жидкостью. Странно, но резкий запах заставил огра отступить, шатаясь, продирая глаза, задыхаясь и отплёвываясь. Белинда лишь стряхнула мокрые белые локоны с глаз, подняла пустую ёмкость ещё раз и ткнула мерроу в грудь. Когда тот упал, женщина начала вбивать бочку ему в голову, пока она не разлетелась в щепки. Сердце Льва хмыкнул при виде такой неконтролируемой ярости, и вновь напомнил себе не связываться с имперскими морскими пехотинцами.

Люди сражались и умирали; Сердце Льва упал духом, заметив, что ещё больше ненасытных точно крысы мерроу переваливаются через борта. Пират замахнулся

скимитаром, собираясь отрубить лапу с чёрными когтями, вцепившуюся в планширь, но другой огр схватил его за пояс и выбросил за борт. Вытянутая, комичная голова внезапно появилась рядом, с выпученными глазами-лампами, длинным носом, похожим на флейту и потрёпанной коричневой кожей, разбитой на секции как панцирь скорпиона. Морской конёк, понял Сердце Льва, размером с наземного скакуна с просторных равнин Амна. Двое огров схватились длинными лапами за его шею, используя его изогнутую спину как трамплин, чтобы попасть на корабль.

В этот мрачный день полный странных зрелищ, пиратский капитан с великим удивлением обнаружил, что Белинда была права, и он сам предположил верно – этой атакой управлял единственный злобный разум.

Неподалёку от носа торгового кога, далеко от сражения, одно из щупалец всё ещё болталось в воздухе, качаясь и корчась, пока его обладатель страдал от боли. На самой верхушке, точно канарейка на пальце, устроился сахуагин. Ростом с человека, сгорбленный, как пеликан, с головой трески и жабым телом с плавниками и шипами, морской дьявол размахивал бивнем нарвала, направляя своё необычное воинство в атаку. Существо квакало, визжало и яростно махало обеими кривыми ручонками, и лишь шипы на плотно сжатых лягушачьих лапах предотвращали его падение. «Шаман-маг, - подумал Сердце Льва, - в противном случае спрут уже бы сбежал». Возможно, он колдовал, чтобы подстегнуть мерроу – хотя не то чтобы охваченные жаждой крови недруги рода людского нуждались в дополнительных стимулах.

Единственной же магией Сердца Льва оставалась латунная огненная трубка, и он понятия не имел, сколько в ней ещё осталось двеомеров. Он подумал, что должен бы экономить заряды – вот только битва могла закончиться уже в считанные минуты победой морских огров.

- Что нам делать, капитан? – взвыл один из матросов.

Сердце Льва покачал головой. Хаос, точно циклон, бушевал вокруг него, и люди умирали прежде, чем он успевал даже подумать, не то что начать действовать. Наверху, на шканцах, троих моряков вбивали в палубу четверо мерроу, снова и снова опускавших древки копий на окровавленные останки. Около носа, сахуагин-шаман сделал своими зелёными чешуйчатыми лапами разрывающее движение – и пират упал замертво, схватившись за грудь. Удача дерзкой Белинды также истекла – пока она колотила одного из огров сломанной абордажной пикой, другой враг обрушил на неё кулак размером с наковальню, впечатав лейтенанта в доски палубы, залитые пахнущей скипидаром жидкостью.

Всё это Сердце Льва заметил за несколько секунд, затем нападение неожиданно приостановилось. Выжившие сгрудились вокруг своего капитана у правого борта кога; пиратский дромон дёргался и рыскал рядом. Всё больше мерроу поднимались из волн, некоторые карабкались на дромон и топали по палубе, оставляя мокрые следы. Защитники были в окружении – двадцать усталых бойцов и их стареющий капитан, хотевший сейчас лишь спуститься в трюм и вздремнуть. Будущее рисовалось в мрачном цвете. Стоять и умирать под сокрушающими ударами кулаков и когтей, или прыгнуть за борт, чтобы утонуть, быть раздавленными корпусами судов или быть сожранными другими обитателями морских глубин.

Если только...

- Хватай ту бочку! – рывкнул Сердце Льва. Полдюжины этих посудин с грохотом катались по палубе. – И вон ту! Вскрывайте! Остальные – снимайте рубахи и пояса!

Ничего не понимая, но радуясь возможности следовать любым приказам, которые могут их спасти, моряки схватили бочки и выбили нагелями дно у каждой. Насыщенные запахи смолы и сахара за клубились вокруг выживших. Забрызганные кровью мерроу приближались, точно волчья стая, и Сердце Льва приказал обмакивать тряпье в жидкость, пока у ног не образовалась лужица. Один из людей зашипел, когда жгучая жидкость попала в длинный порез на голени.

- Лейте сок им на морды, живее!

Раздетые до пояса мужчины и несколько женщин прыгали вперёд и хлестали мокрой одеждой в злобные вытянутые рожи морских огров. Моргая и щурясь, мерроу пытались прикрыть зелёные глаза от брызг и отшатывались прочь, наталкиваясь на своих кровожадных собратьев.

- Они ненавидят эту штуку! – прокаркал Сердце Льва. – Она раздражает их обоняние!

- И что? Нас убивают их когти и клыки! – как всегда ворчливый, Харун хлестнул рубахой, отгоняя монстров, но отвлёкся на то, чтобы снова её пропитать, и твари подались вперёд. – Мы не можем махать на них исподним весь день, как нам их остановить? Или хотя бы сбежать?

Предводитель пиратов потряс головой, его черная борода всколыхнулась. Так далеко он не планировал. Как только вонючая жидкость закончится, или мерроу соберутся с духом, их всех растерзают. Что же делать? Его сосредоточенности не помогал тот факт, что лидер этой убийственной охоты, рыбоголовый сахуагин, всё ещё восседал на щупальце, теперь поднятом повыше, чтобы он мог рассмотреть группку сопротивляющихся. Шаман хрипел и скрипел словно безумная чайка, подгоняя мерроу проклятиями и чарами.

- Не знаю, что ещё, - зарычал Сердце Льва, - но эту рыбёшку я поджарю и заберу вместе с нами в Девять Кругов Ада!

Прицелившись огненной трубкой, Сердце Льва не сводил взгляд со скрюченного сахуагина, проводя толстой рукой по полированному боку:

- Ас'тал рифа!

Раздался «БУБУХ!», как будто вулкан чихнул – и весь мир зашёлся в пламени.

Сердце Льва довольно ухнул, когда огненный кулак влетел шаману прямо в живот. Мерзкое создание истекло кровью, слетев с щупальца-наседа и врезавшись в морскую поверхность. Опустив оружие, Сердце Льва увидел, что его враги, экипаж и оба корабля – всё было в огне.

- Испепели Мемнон мою душу! Кто же знал, что она горячая!

Пиратский капитан выпучил глаза. На обоих палубах бушевало ослепительно-белое пламя, отливающее голубым. Языки огня, точно крысы, вскарабкивались по деревянной мебели, взлетали по линиям, лизали паруса и кругами бегали по канатам. Высоко над головой оснастка вспыхивала и мерцала словно салют, и дождём сыпались чёрные кусочки горячей смолы. Некоторые пираты вскрикивали, когда на них занималась одежда или волосы, но более холодные головы валили их наземь и сбивали пламя, или же накидывали куски ткани. Пираты и матросы

перегибались далеко за борт, рискуя быть перемолотыми бортами махин, напивались одеждой морской водой и плескали холодную воду на искры и тлеющие угли.

Обезумевшие мерроу мучались и умирали. Многие из них горели заживо. Пламя окутывало их ноги, как будто они пробирались через заросли огненной травы. Некоторые пытались сбить огонь, но от этого лишь загорались их лапы и волосы-водоросли. Многие, завывая от боли, бросались к бортам корабля и ныряли головой вперёд. Один из них сломал шею, врезавшись в коричневый бронированный бок гигантского морского конька. Другой мерроу повесился, попавшись длинной шеей между канатами оснастки. Немногие из огров, неспособные действовать из-за ослепительной боли, свалились на палубу, катаясь и корчась. Но они лишь впитывали ещё больше горючей жидкости, в результате чего были испепелены окончательно. Злой, маслянистый дым, поднимавшийся от обугленных трупов, смердел горящими отбросами. Лишь пара мерроу ещё не загорелась, и сейчас они бегали суматошными кругами под сыплющимися верёвками и рушащимися парусами, полными пламени.

- Все на дромон! На борт «Акульего Клыка»! – вновь настоящий капитан, Сердце Льва толкал людей на фальшборт, и даже подбирал кое-кого и лично тащил на низко сидевший в воде корабль. – Харун, приготовься отплывать! Сайда – нет, она мертва – Калил, достань топор и руби абордажные тросы! Хассан, за штурвал, веди нас подальше от кога! Остальные, тушите пожар!

Раб традиции, Сердце Льва не покидал палубу торговца, пока его экипаж не оказался в безопасности. Когда все живые перебрались, он кинул последний взгляд, проверяя, не остался ли ещё кто.

Корабль был олицетворением ада. Дым грозowymi тучами перекачивался по палубе. Через эту тёмную занавесь он с трудом различил горящих и умирающих мерроу, похожих на призраки, приговоренные к вечным мукам; огры шатались, или ползали, или уже только корчились ужасающими клубками. Краска скукоживалась и загоралась длинными, неровными полосами. Вся оснастка, высушенная палящим южным солнцем, полыхала будто хворост. Осматриваясь, предводитель пиратов увидел, что и стоячий, и бегучий такелаж скоро совсем обрушатся, увлекая за собой полыхающие паруса, и уничтожит всё внизу. Бочка за бочкой ярко вспыхивали, и Сердце Льва невольно задумался, не взорвутся ли те из них, что остались запечатанными, как от выстрела его трубки. Если так, ему нужно убраться на много морских миль отсюда. Повернувшись забраться на перила, он внезапно остановился.

Что-то привлекло его внимание. Движение там, где его не должно быть. Крутанувшись, он взгляделся в бушующее пламя. Нестерпимый жар высушил его лицо и глаза, заставляя щуриться, но где-то там...

Вон там!

- Шар, защити своего самого блудного сына! – взмолился пират. Вцепившись в латунную трубку, он пригнул голову и бросился в стену пламени.

То, что он увидел, оказалось сжавшейся, ползущей фигурой – но не умирающего мерроу, а лейтенанта морских сил Белинды Дестин. Её низвергли на палубу, но не убили, слишком она была живуча для этого. Обливаясь потом от страха, едва осмеливаясь дышать, капитан зигзагами обегал очаги поднимающегося до колен

пламени, увернулся от катящейся горячей бочки, остановился, нырнул под полыхающим ошмётком паруса, а затем – его сердце замерло – перепрыгнул через открытый люк и тяжело свалился на колени. Лодыжка щёлкнула, словно сухая ветка, и дикая боль пронзила его ногу.

Всё же толстый пират, неуклюже ковыляя, добрался до женщины. Оглушённая, она бесцельно отползала подальше от ближайшего участка огня. Её шёлковая розовая блуза тлела, а жёлтый пояс загорелся. Не тратя воздух на объяснения, Сердце Льва сорвал свой тюрбан и сбил пламя, отбросив затем обуглившуюся и успевшую заняться ткань. Встав на колени, задыхаясь, он обвил мясистой рукой тонкую талию солдата и забросил лейтенанта на широкое плечо. Со стоном, морщась от вспышки боли в повреждённой лодыжке, пиратский капитан, щурясь, всмотрелся в дым и огонь и пошёл в сторону дромона – который, казалось, лежал в сотне лиг по ту сторону пылающей пустоши, способной пристыдить все Девять Кругов Ада.

Прихрамывая, ругаясь и молясь, Сердце Льва брёл к безопасности и прохладе свежего сладкого воздуха. Его ноша давила на плечо и подвёрнутую ступню. Ему пришлось обогнуть грот-мачту, а затем и бизань-мачту – весь правый борт кога был охвачен огнём. Если ему не удастся пробраться мимо пожара на носу, придётся рискнуть и прыгнуть в океан, а плавать он так и не научился – проявление лени, о котором он теперь жалел, хотя, возможно, жалеть осталось недолго.

- Давай – фух! – вестница разрушений! Нам нельзя – ай! – болтаться здесь! – бормотал Сердце Льва полубессознательной женщине, поддерживая её – или свою собственную – храбрость. – Ух, они вас, имперцев – ааа! – наверно кормят овсянкой и сеном! Давай, тут не страшнее, чем в лесном пожаре, или как я там слышал... Что за?

Впереди, возвышаясь над дымом, высокий точно извергающийся вулкан и похожий на призраков его прошлого, виднелся мерроу с до черноты обожжёнными боками. Обезумевший от боли монстр налетел на бизань-мачту, отскочил от неё, затем увидел людей и вызывающе взревел.

У пиратского капитана не было оружия – ни сабли, ни даже кинжала – а на плечо давила теряющая сознание ноша. Не найдя ничего получше, он использовал то, что попало под руку – точнее, в руку – его латунную огненную трубку.

- Пошёл к дьяволу! – Сердце Льва огрел морского огра по морде импровизированной дубинкой. Пасть твари захлопнулась со щелчком, а само существо кубарём покатило в сторону. Пират не был до конца уверен, но похоже он сломал чудищу шею – деяние, больше подходившее его пылкой юности, нежели его теперешнему возрасту. Отбросив погнутую трубку, капитан пошёл дальше к дромону на покрытых волдырями ногах.

Последняя голубовато-белая стена пламени закрывала путь к родному кораблю, через неё были видны оборачивающиеся и на что-то показывающие пираты; их очертания плыли из-за жара над огнём. Шум в голове не позволял расслышать их крики. Без сил – но с полным решимости сердцем – предводитель пиратов начал разбег.

Через пять заплетающихся рывков он, склонив голову, обрушился на фальшборт, оттолкнулся и прыгнул.

Сначала огонь заполнил его взор, затем синее небо, затем зелёная вода – и наконец он врезался плечом в палубу из сосновых досок.

В последнюю секунду он извернулся, подставив плечо без Белинды Дестин. Измотанный, терзаемый болью, поджаренный точно на вертеле, капитан лежал, задыхаясь, пока заботливые руки охаживали его. Кто-то окатил Сердце Льва и лейтенанта благословенной прохладной водой. Чьи-то ладони наклонили вперёд его голову и смочили свежей, сладкой жидкостью – воистину божественным нектаром! – обожжённое горло, а затем героя оставили в покое; моряки и пираты готовились к отплытию.

Смутно Сердце Льва слышал стук топоров. Спиной он почувствовал, как дромон оживает и освобождается от горящего кога. Больше криков, палуба мягко качнулась. Капитан, тридцать лет проведенный в море, сначала мальчиком, затем мужчиной, чувствовал, как перо руля кусает волны, ставя корабль на курс. Прищурившись, он увидел, как паруса поднимаются, хлопая, принимают правильное положение и раздувают свои тёмные подбрюшья. Его корабль был в безопасности, и капитан пиратов мог отдохнуть – просто полежать и посмотреть в голубое небо.

- Ты... спас мне жизнь.

- Э? – повернув голову, Сердце Льва обнаружил голубые глаза северянки, глядящие прямо на него. Лейтенант Белинда Дестин из Имперских Морских Сил Калифа обгорела, прокоптилась, наполовину испеклась, но была жива.

- Ты прошёл сквозь пламя и... - прохрипела она, точно ворон, - ... вынес меня. Ты... остановил мерроу... одним ударом. У тебя и вправду... сердце льва.

- А, пустяки. Каждый день так делал, пока молод был. Даже по праздникам.

Привыкший бахвалиться, Сердце Льва внезапно смутился, но ему все равно было приятно увидеть улыбку красивой молодой женщины. Хорохорясь, он с трудом поднялся на локти и привычно осмотрел паруса.

- И всё же, - он вытёр нос, - пиратство в последнее время как-то не окупается. Ну-ка скажи, а сколько платят капитанам во Флоте Калифа?

ТА, КТО СЛЕДУЕТ ТЕЧЕНИЯМ СЕКОЛЫ

Мел Одом

4-й день Флеймула, Год Перчатки

- Останови корабль, пока мы не разбились об эту стену!

Принц сахуагинов – одного из четырёх недавно уничтоженных городов Сероса - Вахакстила – поднял ошестинившуюся зазубренными когтями руку, угрожающе замахнувшись.

Лааквииль, Высшая Жрица королевства сухуагинов в Клартиросе, без колебаний пересекла деревянную палубу *Тарханы* и встала между принцем сахуагинов и своим королём.

Опираясь на палубу своими перепончатыми стопами, принц сахуагинов возвышался на семь футов, делая Лааквииль, на контрасте с собой очень маленькой. Жрица знала, что среди жителей поверхности, сахуагины считались уродливыми и жестокими, но для неё они были совершенством – чем-то, чего ей никогда не достичь.

Из чешуйчатого тела принца на ногах и руках росли плавники. Передние плавники, произраставшие по бокам его головы с массивными челюстями, соединялись со спинным плавником, как было свойственно сахуагинам из Сероса, вместо того, чтобы расти отдельно, что было более привычно для Лааквииль. Окрас его не был смесью чёрного и зелёного, как у сахуагинов внешних морей. Напротив, его чешуя светилась лазурью, кое-где отмеченной пятнами – в мире Сероса такие цвета говорили о силе и власти.

Принц был широким и мощным – хищное существо, выкормленное суровым морем, чтобы оно могло выжить в его глубинах и битвах. Из одежды на нём была лишь обычная для воинов сахуагинов перевязь, которая позволяла носить с собой несколько личных вещей и добытых в бою трофеев. На перевязи так же был герб принца. У него был королевский трезубец, высеченный из зелёно-серого когтистого коралла.

Лишь немного дальше, чем на расстоянии вытянутой руки, позади Лааквииль, не двигаясь и глядя на разгневанного принца, стоял Якховас. Его губы тронула лёгкая улыбка.

- Маартаугх, даже не думай угрожать мне, - сказал он глухим голосом, который достиг лишь самых острых и близко стоящих ушей. – Я уже убил одного из принцев Алеактиса. И хотя мне не составит ни малейшей проблемы убить ещё одного, полакомиться его плотью и высосать мякоть из твоих костей, я бы предпочёл видеть тебя живым. Если, конечно, ты будешь разумен.

Лааквииль знала, что она была единственной, кто видел истинный облик Якховаса. Он выглядел сейчас как высокий и широкоплечий человек с темными волосами убранными назад костями с выгравированными на них рунами. Ухоженные усики свисали по сторонам его рта и соединялись с бакенбардами, оставляя подбородок гладко выбритым. Его тело было покрыто руническими татуировками. На нём были чёрные штаны и шелковая рубашка, чёрные кожаные сапоги и тяжёлый плащ цвета зелёной морской волны, который таил в своих складках магические секреты и оружие. У него не было одного глаза, но в эти дни, пустая глазница каким-то образом светилась золотистым светом, словно что-то, похороненное на глубине, начинало прорываться на поверхность.

Все, кроме Лааквииль, верили, что Якховас был сахуагином. Магическое заклинание, которым он себя окружил, давало им видеть только это. Она видела его в дни его наибольшей слабости, а сейчас она лицезрела его в рассвете силы, но даже она не знала, кем же он был на самом деле.

Лааквииль сжала запястье Маартаугха своими сильными пальцами, останавливая его движение. Когда принц почувствовал её силу, в его маслянистых,

чёрных глазах мелькнуло удивление. Его огромный рот предостерегающе оскалился, обнажая страшные клыки.

Это было лицо, которым Лааквииль страстно хотела обладать.

- Отвали, маленти, - фыркнул Маартаугх.

Слово «маленти», словно дало Лааквииль пощёчину, неся в себе всё жестокое презрение и всю боль, с которой она жила всю свою жизнь. Эта боль осознания собственного несовершенства и понимания того, что она является отбросом, почти не утихла.

Она принадлежала к расе маленти – побочным отпрыскам истинных сахуагинов, порождённым близостью ненавистных им морских эльфов. Многие жрицы полагали, что проклятие рода маленти было одним из подарков Акульего Бога – живое предостережение, которое подталкивало их выискивать и уничтожать своих врагов. Обычно, маленти убивали ещё при рождении, но некоторым из них сохраняли жизнь, чтобы они играли роль шпионов, маскируясь под ненавидимых ими морских эльфов.

Лааквииль была лишь не многим ниже шести футов. Её длинные чёрные волосы были собраны в одинарную косу. Её округлые формы и пышная грудь, насколько она знала, притягивали взгляды морских эльфов и жителей поверхности, но ей самой они были ненавистны и отвратительны. Ей были больше по душе угловатые формы сахуагинов. В добавок, чтобы сделать её проклятие ещё более невыносимым, её кожа была не зеленоватого или синеватого оттенка, как у морских эльфов, а представляла из себя бледное подобие шкуры жителей поверхности.

Используя эту боль, жрица добавила в свой голос металла, не давая ей однако прорваться наружу, чтобы её слова не звучали слабо:

- Не говорите обо мне неуважительно, Принц Маартаугх. Секола сделал меня избранной жрицей его веры. Вы можете говорить что угодно обо мне или моём предназначении, но не о моём призвании. Я живу, чтобы служить Секоле и, если нужно, умру, служа ему. – Простым усилием мысли она обнажила острые когти, которые до этого скрывались в её изящных, подобных эльфийским, пальцах.

- Святейшая, - обратился к ней Якховас.

Лааквииль не сводила взгляда с Маартаугха.

- Да, Почтеннейший, - сказала она, глядя на охрану принца через его плечо. Они не были проблемой. Работавшая на неё команда сахуагинов уже окружила их.

- Отпустите его, - приказал Якховас.

- Как прикажете.

С осторожностью, Лааквииль отступила назад, отпуская запястье, которое она так стремительно и сильно схватила. Она чувствовала течения, вращающиеся вокруг неё потоки воды, переливающиеся через палубу *Тарханы*, обволакивающие её тело холодной и тёплой водой одновременно. Её взгляд не оставлял Маартаугха.

- Вы поймете это, принц. Пока я жива, никто не поднимет руку на моего короля.

Маартаугх смотрел на неё со злостью, но ничего не сказал. У сахуагинов было принято, что женщины сражались рядом с мужчинами с одинаковой свирепостью и не уступающим мастерством. Но как бы там ни было, в обществе морских дьяволов, единственными значимыми женщинами были жрицы.

Лааквииль часто думала, что это было её единственным путём к уважению, потому, что мужчинам не нравилась идея управлять ненавистной магией, даже той, которая происходила из милости Секолы.

Тархана продолжала мчаться вперёд и Маартаугх бросил свою руку вперёд, в сторону стены, выпрямившись и будто став ещё больше.

- Даже если мы переживём столкновение, вы обрекаете нас на милость морских эльфов, которые охраняют эту стену.

Якховас посмотрел мимо принца и сказал:

- Мы и не прикоснёмся к этой стене.

- Во имя не утихающего голода Секолы, - взревел Маартаугх, - да как тут промахнуться!

Лааквииль смотрела на возвышающуюся над ними стену. Стена под названием Акулья Погибель была воздвигнута тысячелетия назад. Её построили морские эльфы и русалы Сероса. Сахуагины, верные своей природе, практически бесконечно воевали с другими подводными расами. В итоге морские эльфы империи Ариселмалир и другие расы объединились, чтобы воздвигнуть эту титаническую стену.

Стена была сто тридцать пять миль в длину и возвышалась над Морем Упавших Звёзд на шестьдесят футов. Морские эльфы и их товарищи заняли гарнизоны, расположенные по всей её протяженности. Она была построена, чтобы запереть серосийских сахуагинов в пределах аламбергского моря – самого восточного закутка Внутреннего Моря.

В течение тысячелетий Акулья Погибель была преградой и оскорблением для сахуагинов Сероса. Теперь же, Якховас поклялся разрушить её и освободить заключённых за ней сахуагинов.

Лааквииль чувствовала равномерные усилия гребцов, которые двигали огромную галеру под поверхностью моря. На вёслах сидели сахуагины, так что корабль двигался очень стремительно. Стена теперь была менее, чем в двухстах ярдах. Даже если бы гребцы хотели остановить корабль, они бы уже не смогли предотвратить столкновение *Тарханы* с покрытой кораллами стеной. Она сконцентрировалась на том, чтобы довериться словам Якховаса, которые, по знакам Секолы, должны были быть истиной.

Не говоря больше не слова, Маартаугх повернулся к стене и со злобой на неё глядел.

Лааквииль знала, что всю свою жизнь принц жил в тени Акульей Погибели, позволяя ненавистной стене слишком многое определять в его жизни. Лично ей даже мысль о подобном казалась ужасной. Сахуагины были рождены быть свободными. Свободными идти туда, куда они захотят и убивать тех, кого пожелают.

Её способности жрицы сообщили ей, что Якховас сейчас использовал сильную магию. Она чувствовала всплеск беззвучного шума, вибрировавшего у неё в ушах.

На полном ходу *Тархана* приблизилась к стене на пятьдесят ярдов. Для Лааквииль не было секретом, что Якховас буквально пропитал корабль магией. Это было судно, способное путешествовать по поверхности моря, под ней и даже по суше. Один из самых лучших, что когда-либо были созданы этой забытой магией.

Чтобы достать талисман, который направлял этот корабль – бриллиант и розовый коралл, - Якховас атаковал Глубоководье, эту крепость наземных обитателей. А чтобы достать сам корабль, он почти что полностью разрушил Врата Балдура.

Несмотря на уверенность в Якховасе, жабры Лааквииль застыли, когда они приблизились к стене на десять ярдов. Она молилась, взывая к милости Секолы, хотя знала, что эти молитвы не будут услышаны. Бог Акул дал жизнь избранному ему народу и выпустил его в открытое море, но он никогда напрямую не вмешивался в их судьбу.

Маартаугх неустрашимо стоял на палубе, его внимание беспрерывно переключалось между непрощающей ошибок стеной и Якховасом. Его воины таранились на него, ожидая команды покинуть корабль.

Ритм вёсел не изменился. За время безумного путешествия через вулканические разломы из Парового Озера в Море Упавших Звёзд, команда корабля научилась безоговорочно подчиняться Якховасу. Возможно, это путешествие и спровоцировало извержение на горном пике, известном как Корабль Богов, в то время, когда они прибыли в Вахакстил и уничтожил его.

Без какого-либо предупреждения, Лааквииль захлестнула волна магии, такая внезапная и кусачая, словно раскалённые щепки, впившиеся под ногти. Усилием воли она заставила свои жабры работать.

Нос Тарханы неожиданно проколол Акулю Погибель, с лёгкостью, с которой когтистый коралл прокалывает незащищённую кожу. Магическая галера без повреждений прошла сквозь стену, увлекая за собой пассажиров и команду. Лааквииль потребовалась вся её сила воли, чтобы не дрогнуть, когда к ней неслась стена. Она видела, как сахуагины перед ней словно бы растворяются в основании гигантской постройки, а затем, настала и её очередь. Холод, какого она никогда прежде не знала, заставил её мышцы сжаться, а суставы загудеть от боли. Не успела она и моргнуть, как перед ней раскинулся открытый океан и она поняла, что они на другой стороне.

- Эльфы! – крикнул вперёдсмотрящий.

Чувствуя, как колотится её сердце, Лааквииль посмотрела вверх. Жрица заметила дюжины морских эльфов, которые, выделяясь на фоне более светлой морской воды наверху, преследовали их. Как и сахуагины, морские эльфы Сероса имели окрас отличный от морских эльфов, которых она привыкла видеть. У них тоже были синие пятна. Они быстро приближались.

- Приготовьтесь защищать корабль! – проревел Якховас, торопясь подняться по лестнице на кормовой надстройке. – Никто из тех, кто до нас доберётся не должен выжить!

Лааквииль последовала за своим королём, но её взгляд ни на секунду не сходил с Маартаугха. Не важно, что случится во время их экспедиции, ведь она знала, что она нажила себе могущественного врага.

Команда кинулась выполнять распоряжение Якховаса. У всех у них были трезубцы и сети, однако были и дюжины тех, кто был вооружён арбалетами, сделанными из китовой кости. Не прошло и момента, как ответственные королевские стражи приказали им стрелять.

Снаряды пронеслись сквозь воду. Несколько из них глубоко погрузились в тела морских эльфов. Умирая в судорогах, они образовывали в воде кровавые облака.

Ещё больше эльфов присоединились к погоне за *Тарханой*. Они цеплялись за галеру своими пальцами, а некоторые даже пытались зацепить за рейлинг верёвку. Острыми кромками своих трезубцев, сахуагины перепиливали эти верёвки. Другие же беспощадно отсекали вцепившиеся в борт руки и пальцы. Другие морские эльфы были схвачены и разорваны на части, а их мясо разделено между находившимися вблизи сахуагинами.

«Пойдём, маленькая маленти», - раздался голос Якховаса в голове у жрицы. Когда она впервые встретила его, он воткнул ей в бок одну из своих ресниц. Посредством магии она проникла глубже и укоренилась у самого сердца. Это позволяло им общаться так, чтобы никто другой не услышал. Лааквииль не была уверена в том, насколько это позволяло контролировать её, но в те времена, когда она сомневалась в нём, он использовал эту связь чтобы запугивать её.

В те годы, когда она ещё не была произведена в высшие жрицы, её вера была единственным, что у неё было. Она была сильна, потому, что по-другому было нельзя. Эта вера и отказ принять что-то меньшее, в конце концов привели её к пророчеству о Той, Кто Плавает С Секолой.

И в тот момент, когда её вера стала ещё крепче, потому что она обнаружила, что это пророчество было истинным, к власти пришёл Якховас и стал королём её народа. Это не могло не привести к войне. И теперь, он принёс войну в Серос. Он сказал ей, что целью их путешествия в Море Упавших Звёзд является освобождение сахуагинов Сероса.

«Так и будет, жрица», - глубокий голос Якховаса эхом прозвучал в разуме Лааквииль.

Маленти повернулась и взглянула на своего короля. Он стоял на корме и выхватил из толпы нападавших, что плыли выше, морского эльфа. Он сделал это с такой лёгкостью, словно это была креветка. Брошенный им трезубец завибрировал воткнувшись в палубу. Боковые отростки Лааквииль уловили среди других возмущений в воде вокруг неё какое-то странное чувство.

За несколько мгновений рука Якховаса расплылась, превратившись в что-то зазубренное и острое, в что-то, что не постижимым образом больше соответствовало его образу. Острое, как бритва, лезвие рассекло горло схваченного морского эльфа, а хлынувшая кровь создала вокруг алый туман.

Лааквииль втянула жабрами больше воды, уловив медный аромат крови. Пробудившийся внутри неё голод принадлежал к той части её природы, над которой потрудились сахуагины. Она взяла трезубец и наполовину пешком, наполовину вплавь, присоединилась к Якховасу.

«Всё ещё сомневаешься, Священнейшая?» - спросил Якховас.

Вокруг них бушевала битва. Сахуагины сражались, когтями, зубами и трезубцами до костей разрывая кровь морских эльфов. Жертвы их свирепых атак уплывали прочь, смытые с *Тарханы* течением.

«Уже меньше, чем когда либо», - подтвердила Лааквииль. Она не вралась. Её сомнения отступили. Что её действительно занимало, так это то, как им удалось выжить после того, что сделал Якховас.

«Сомнения – это страх, маленькая маленти» - мягко сказал ей Якховас. Он схватил ещё одного морского эльфа, который посмел его атаковать и без видимых усилий отрезал ему руку. Отделённая от тела конечность тут же была атакована бывшей поблизости барракудой, которая присоединилась к битве. «Без страха не может быть испытания. Бояться и одержать верх над своим страхом – вот, что дарует истинную силу».

Лааквииль знала, что сказанное им было правдой. Её исследования это доказывали, но то, что молитва Акульему Богу не могла полностью развеять эти сомнения, выбивало её из колеи. Она сняла с пояса сетку и, искусно раскрутив её, бросила в ближайшего морского эльфа.

Морской эльф вскрикнул от боли и удивления – сетка обернулась вокруг него, а в его плоть вонзились зазубренные крючки. За какие-то несколько мгновений он был накрепко связан и кровоточил от дюжин мелких ран. Беспомощный эльф начал погружаться на дно. Если никто из его компаньонов не освободит его, мелкие падальщики будут часами пировать его плотью. А может быть растянут его на несколько дней.

Якховас снова развернулся, простирая руку над Лааквииль и отталкивая её в сторону. В то место, где она только что стояла, вонзился трезубец.

Жрица с трудом устояла на ногах. Когда Якховас убрал руку, она осознала, насколько же жёсткой и грубой была его кожа, несмотря на его внешность. Ни один человек или сахуагин не был настолько твёрдым на ощупь.

Якховас присел и полоснул рукой лезвием по животу морского эльфа, выпотрошив его. Влажно блестящие внутренности вывалились в воду, словно склизкие змеи, в которых запутался другой эльф.

Лааквииль развернулась, встречая атаку морского эльфа с поднятым трезубцем.

- Умри, предательское отро... - его крик резко прекратился, когда зубья трезубца вонзились в его грудь.

Лааквииль почувствовала, как мужчина, словно рыба, трепыхается на конце её трезубца. Она выпустила когти на своей левой руке и полоснула ими по лицу и шее морского эльфа, а затем, с жестокостью провернув трезубец, вырвала его из груди противника.

Уже вскоре *Тархана* вышла из зоны атаки. Последние захваченные эльфы были преданы смерти и команда корабля с дикой радостью разорвала на части их тела и преступила к трапезе.

- Мясо есть мясо! – кричали они лакомясь кусками плоти.

Даже принц Маартаугх и его свита присоединились к остальным. Эта дикая трапеза сахуагинов Сероса была так похожа на те, что устраивали сахуагины внешнего моря.

- Будешь ли ты есть, о Святейшая? – спросил Якховас, протягивая ей окровавленный кусок плоти, который раньше был частью лица морского эльфа.

- Нет, - ответила Лааквииль, чувствуя, как её желудок, несмотря на терзавший её голод, дискомфорта не испытывал. Она не знала, что было причиной этого несвойственного ей чувства, но она заметила, как в течение нескольких дней, с момента их прибытия во Внутреннее Море, её диета изменилась. – Спасибо, Почтеннейший.

На секунду ей показалось, что она видела, как в лице Якховала мелькнуло замешательство, но оно рассеялось столь же быстро, сколь появилось, если вообще имело место.

Боковые отростки жрицы почувствовали внезапное движение, нарушавшее поток воды, струящейся через борт *Тарханы* позади неё. Выставив вперёд трезубец она развернулась.

- Мы прошли через стену, - выкрикнул Маартаугх, в очевидном удивлении. Принц уставился на Якховаса: - Что за магия это сделала?

Паника стиснула горло Лааквииль. Все сахуагины ненавидели магию и те, что обитали в Серосе, не были исключением. Раскрывая магическую природу корабля, Якховас рисковал разжечь мятеж.

- Это не магия, - небрежно сказал Якховас. – Такова воля Секолы – подарок Акульего Бога моему народу, который освободит нас Тех Кто Кормится в Недрах Моря Упавших Звёзд.

Постепенно выражение страха и ужаса на лице Маартаугха сменилось на восхищение:

- Стена Акульей Погибели больше не может сдержать нас.

Якховас мрачно глянул на принца:

- Стена Акульей Погибели не может сдержать *меня*. Очень скоро она не сможет сдержать и тебя.

Маартаугх вновь осмотрел огромную галеру, как будто только сейчас найдя в себе одобрение:

- Так вот как ты прошёл через вулкан и добрался до Вахакстила.

- Да, но только потому, что на то была воля Секолы.

Видя, что принц не представлял опасности, Лааквииль немного расслабилась. Она посмотрела назад: тела убитых морских эльфов и сахуагинов дрейфовали у Стены и были теперь едва различимы. Морские хищники уже приступили к своей трапезе.

- Куда мы направимся теперь? – спросил Маартаугх. – Ты нам никогда этого не говорил.

- В Корисельмал – ответил Якховас. Он протянул принцу кусок мяса, который он предлагал Лааквииль.

- К руинам эльфийской столицы? – Маартаугх принял кусок мяса и, едва пожевав, проглотил. На какое-то время его клыки покрылись кровью. – Зачем?

- Чтобы исполнить волю Секолы, - ответил Якховас. – Других причин и быть не может.

- Там ты найдёшь то, что тебе нужно, чтобы уничтожить Акулю Погибель?

Якховас кивнул:

- Мы найдём.

Маартаугх посмотрел на окружающее их море:

- Только дважды, и оба эти раза я был намного моложе, я был за пределами Акульей Погибели.

- Уже скоро, - уверенно заявил Якховас, - ты будешь жить и охотиться в этих водах.

Виски Лааквииль стиснула сильная головная боль. Несмотря на молитвы, эта боль не утихала, затягиваясь, порой, часами. Она неторопливо поплыла, держа руки по бокам и извиваясь телом. Даже холодные течения из Предела Вилхона не могли облегчить эту агонию.

Жрица из народа маленти проплыла меньше, чем в двадцати футах над расселиной в усыпанном камнями морском дне. Только несколько раз ей нужно было обогнуть несколько коралловых рифов, которые достигали такой высоты. Более старые рифы обрушились в гигантскую трещину, которая разрушила Корисельмал около шестнадцати столетий назад.

Согласно услышанным ей обрывкам бесед между Маартаугхом и Якховасом, землетрясение, которое низвело однажды гордый город морских эльфов до состояния руин, ударило без предупреждения. Семьдесят пять тысяч морских эльфов погибли в последовавшей за ним катастрофе. Подводное плато, изогнулось под действием подземного давления и образовало трещину, которая прошла через восточную половину города. Другая же половина была погребена под слоем обломков и грязи. Лишь единицам удалось выжить. Наряду с колониями кораллов и другими морскими существами, подводные растения были представлены довольно скудно.

Только Монолит Изабейн остался на своём месте. Сорока футовая громада, подбоченившись, стояла у западного края Предела Вилхона, нависая над кромкой, где континентальный шельф вдруг проваливался вниз на сотни футов.

Лааквииль сконцентрировалась на изображении, которое Якховас запечатлел в её сознании и почувствовала, как очередная вспышка боли прокатилась через её голову. На какое-то время она замешкалась, её плавные движения сделались дёрганными. Она отчаянно гребла ногами, пытаясь остаться на месте, пока этот момент слабости не минует.

Она воззвала к имени Секолы, но ответил ей Якховас:

- *Что случилось, Священнойшая?*

- *Ничего,* - завершила его Лааквииль, но она на мгновение перестала плыть, немного погрузившись к расщелине. Лёгкий холодок окутал её стопы. Головная боль осталась, и она не могла перестать спрашивать себя, не лежал ли её источник за пределами её сознания. Возможно это было действием какого-то оберега против сахуагинов, который всё ещё действовал с тех времён, когда здесь господствовали морские эльфы.

Или за этим стояло нечто большее. Из разговора Якховаса с Маартаугхом она также узнала, что были и те, кто считал, что ни одна разумная раса не должна была жить в Котловине Селмала – это было другое имя, под которым был известен Предел Вилхона. Если верить слухам, то теперь здесь жили только мэроу, коалинты, скраги и морские ведьмы.

Очень тихо, Лааквииль вознесла молитву Секоле, прося Бога Акул послать ей знак, что она не выбилась из течений, которые он избрал для неё.

- *Тебе больно,* - задумчиво протянул Якховас.

- *Да.*

- *Тебе следовало сказать мне об этом, маленькая маленти. Ты не должна страдать.*

Даже не успев втянуть новую порцию воды в свои жабры, Лааквииль почувствовала, как ресница, рядом с её сердцем дрожит. Почти сразу же она почувствовала, как боль утихает.

- *Как ты себя чувствуешь сейчас?* – спросил Якховас.

- *Получше.*

Лааквииль посмотрела в даль, на северо-восток, где *Тархана* бросила якорь в пятидесяти футах над морским дном. Её зрение не было столь острым, чтобы различить на палубе Якховаса. Но она знала, что он там. С тех пор, как они днём ранее прибыли в Корисельмал, он ни разу не покинул галеру.

Он запечатлел в её памяти искомый им объект и понадеялся, что дары Секолы помогут ей его отыскать. Он также нарисовал исследуемую область на картах и разделил её на квадраты. Поисковые отряды сахуагинов в разных местах поднимали ил и осадочные породы, обнажая обломки и хлам, оставшийся от погибшего города.

- *Отыщи то, зачем я тебя послал,* - начал Якховас. – *Мне не обойтись без тебя и дарованных твоим богом способностей.*

Хоть уже и не было никакой боли, но Лааквииль казалось, что её голова переполнена. Она спрашивала себя, действительно ли Якховас устранил агонию или просто замаскировал её, чтобы она продолжала работать, несмотря на то, что её источник оставался не тронутым.

Как бы там ни было, она оттолкнулась от ила и снова сконцентрировала своё внимание на морском дне. Она не была уверена в том, что именно она искала, но в том, что это изображение не уйдёт из её памяти, она была убеждена. Объект имел форму лезвия серпа, а размером был не больше её открытой ладони. Выполнен предмет был из непонятного желтого камня, подобия которому она никогда не видела, а на его поверхность были нанесены ярко синие руны.

Даже в его изображении чувствовалась древняя сила.

В двадцати футах над морским дном она выровнялась и снова попыталась найти объект. Она использовала данную ей Секолой способность находить магические предметы. Прежде это были всякие мелочи, которые она продавала жителям поверхности, выдавая себя за морского эльфа и служа шпиона для сахуагинов служа Барону Хуаантону. Однако она никогда не искала так долго и так усердно. Она попросту не была на это способна.

Её взор охватил больше мили рассеянных повсюду обломков. Истлевший скелет Корисельмала топорщился в ряде мест столбами и колоннами, наравне с несколькими обломками кораблей. Битвы и штормы истерзали корпуса судов, ломая их и зарывая глубже в ил. Опыт говорил ей, что те остовы уже были обобраны морскими эльфами, которые помогали жителям поверхности поднять их добро на поверхность.

Жрица взглянула на команды сахуагинов, терзающих морское дно и вздымающих ил своими трезубцами. Она знала, что эта охота выбивала их из колеи даже больше, чем её.

В её сознании стало раздуваться зудящее чувство онемения. Она неохотно вернулась к своему заданию. Больше чем что либо, она сейчас хотела остаться один на один с молитвой, не воспринимая более ничего.

Спустя минуты или может быть через час, она потеряла всякую меру времени. Лааквииль почувствовала слабое притяжение объекта, который она искала. Но оно исчезло столь же быстро, сколь появилось.

Смотря вниз, на расположение ракушек на морском дне, она мысленно отметила место, где она находилась. Обитатели поверхности или же те, кто не был привычен к жизни под водой, не отличили бы этот неприметный участок дна от другого такого же. Жрица осторожно остановилась и развернулась. Она погребла в обратном направлении, в ту сторону, откуда пришла.

В её сознании снова возникло это притяжение, медленно, но неумолимо погружаясь глубже, словно вгрызающаяся в плоть личинка. Она автоматически взмахнула перепончатой рукой у себя перед лицом, останавливая своё инерционное движение вперёд, поворачиваясь в ту сторону, откуда приходило это ощущение. Поворачиваясь она мысленно зафиксировалась на притяжении. От силы предмета по её коже поползли мурашки.

Во имя сурового взгляда Секолы! Это ощущение, которое свербело в её голове не могло исходить от какого-то иного объекта! Или могло? Она отбросила прочь сомнения, ругая себя за то, что они вообще возникли и списывая их на фантомное онемение после снятых Якховасом болей.

Подплывая ближе, она внимательно изучала идущее под уклон дно. Она осматривала обломки кораллов и зданий, которые настолько заросли, что требовался наметанный глаз, чтобы понять, что они там вообще есть. Поблизости не работало ни одной бригады сахуагинов.

Чем ближе она была к предмету, тем более опьяняющим становился его зов, выбрасывая из её головы болезненные спазмы. Впервые она подумала о том, что Якховас намеренно посылал ей болевые сигналы, подгоняя её с поисками.

Чувствуя лёгкость от полного избавления от боли, Лааквииль тщательно обыскала область. Притяжение предмета было столь сильным, что практически не оставляло сомнений касаясь своего местонахождения. Всякий раз, как она поворачивалась в другую сторону, онемение снова начинало заволакивать её сознание.

Она опустилась на дно, рядом с пламенно красным кораллом, алевшим на фоне синевы глубин. Благодаря сахуагинам Сероса она знала его название. Пламенный коралл не рос во внешних морях, он был исключительной особенностью Аламбергского моря и предела Вилхона в Море Упавших Звёзд.

Пламенные кораллы росли группами, которые сверху выглядели, как овалы. Ярко красные заросли светились внутренним светом. Пока жрица была в Вахакстиле, она видела, как такие кораллы специально добывались. Конечно, сорванные, они теряли большую часть своего алого сияния, но по-прежнему светились розовым.

Медленно, держась одной рукой за выступ коралла, чтобы побороть силу течения, которое могло снести её прочь от цели, Лааквииль продвинулась чуть вперёд и посмотрела вниз, в направлении склона. Лишь несколько футов отделяло её от укрытых тенью очертаний пещеры.

Когда она увидела эту пещеру, холодные воды течения омыли её плечи и спину. Но притяжение предмета было слишком сильно, чтобы игнорировать его. Перспектива поскорее избавиться от дискомфорта в голове влекла её вперёд.

Стиснув в руках трезубец, Лааквииль поплыла вниз, вдоль склона. Всего лишь несколько гребков ногами потребовалось ей, чтобы достигнуть грубых камней, обрамляющих вход в пещеру.

Тьма, заполняющая пещеру, была холодной и неприветливой.

У неё проскользнула мысль позвать Якховаса, но возможность того, что она ошиблась, прогнала эту мысль столь же быстро, сколь она появилась.

Успокаивая себя, Лааквииль поплыла вперёд, прокладывая себе путь острыми клыками трезубца. Когда она зависла в воде вертикально, чтобы ещё раз посмотреть на вход, её сердце забилося быстрее. Тёмный проём был почти пятнадцать футов в ширину.

Она выпустила воздух из трахеи и воздушного пузыря, которые помогали ей поддерживать плавучесть на определённой глубине. Гравитация потянула её к каменистому дну, у входа в пещеру.

Не успела она углубиться в тоннель и на десять футов, как окружающая тьма стала непроницаемой. Пол пещеры шел под уклон, уводя всё ниже. Угол этого наклона сделался настолько острым, что жрице было довольно затруднительно держаться на ногах.

Остановившись, она запустила руку в один из нескольких небольших мешочков, подвешенных на её воинской обвязке. Она достала оттуда кусочек люминесцентного коралла и подняла над головой.

Свечение коралла раздвинула темноту почти на пять футов. Готовясь к экспедиции, серосские сахуагины доставили большие куски этих кораллов на *Тархану* и затем откалывали небольшие кусочки для поисковиков. Большие куски сохраняли своё свечение месяцами даже после того, как их отрывали от морского дна, в то время, как меньшие осколки теряли свою способность к свечению меньше чем за десять дней.

Вооружившись кораллом, Лааквииль снова двинулась вперёд. Стены тоннеля стали практически гладкими, сообщая о своём рукотворном происхождении.

Предвкушая приоткрытие завесы над ещё одной тайной, её жреческое любопытство уже было разогрето. Пряжа судеб сплетённая Секолой для его избранных, была открыта для любого взора, но не подлежала прочтению. Это был одним из первых уроков, которому жрица Гаатааг научила её когда её приняли в храм, на службу к Барону Нуаантону. Этот урок она никогда не забывала.

По количеству сделанных ей шагов, она прикинула пройденный путь. Меньше, чем через сорок футов, пещера внезапно окончилась тупиком. Подняв коралл повыше, жрица изучила препятствие.

Свечение коралла также выхватило белизну и желтизну старых и свежих костей, валяющихся в куче. Более детальное изучение показало, что те кости представляли собой беспорядочную коллекцию человеческих и эльфийских останков. Лааквииль подумала, что куча костей может быть в десяти или пятнадцать футов глубиной.

Используя уроки жрицы Гаатааг, по сохранению контроля над своим страхом, Лааквииль заставила себя сделать ещё шаг вперёд. Её стопа сломала треснутую бедренную кость и звук, запертый в пещере, разнёсся по ней эхом, которое из-за звукопроводимости воды отражалось от стен ещё быстрее, чем на поверхности.

На всех костях были следы зубов.

Она не услышала движений существа позади себя, но отростки на её спине сообщили ей о каком-то смещении воды.

Развернувшись, Лааквииль осветила пространство кораллом и подняла трезубец.

Перед ней стоял водяной. Даже стоя на согнутых колченогих ногах, он достигал ростом около двадцати футов. Было трудно сказать точнее, так как хищник стоял скрючившись в низкой пещере. С треугольной головой, низко посаженной на широченные плечи, будучи в ширину в два раза больше, чем в длину, существо отдалённо напоминало дворфа. Монстр неуклюже двинулся к жрице. Толстые, оплетённые тугими мускулами руки, оканчивающиеся страшными когтями, свисали до пола, толстые пальцы могли разорвать обшивку корабля, как пергамент.

Свет коралла выхватил чудовищную пасть наполненную треугольными клыками. Из челюстей водяного, росли мандибулы, достигавшие в длины рук Лааквииль. Узловатую кожу покрывала зелёная слизь. Широченная пасть рефлексивно распахнулась, показывая тёмно-зелёную глотку.

Лааквииль было известно, что водяные были существами, которым приписывали интеллект, но они были одиночками и не общались друг с другом. Они питались человеческой плотью и снисходили до меньших существ только в том случае, если их любимого лакомства не оказывалось под рукой. Не теряя времени и уже произнося молитву, Лааквииль забросила кусок светящегося коралла так далеко, как могла. Тени причудливо изогнулись вслед за меняющимся углом освещения.

Водяной двинулся на неё, размахивая своими огромными руками. Жрица народа маленти выбросила вперёд руку призывая один из даров, которыми её наградила Секола за её веру. Давление вокруг водяного немедленно изменилось, удваивая и утраивая свою силу. Лааквииль почувствовала, как изменённые силой заклинания течения огибают её, меняя направление.

Сила напора бросила водяного на колени. Чудище в ярости зарычало и басистый рёв заполнил пещеру. Лааквииль отчаянно искала брешь, в которую она могла бы проскользнуть мимо чудовища, но туша водяного заполняла пространство во всех направлениях. Когда заклинание рассеялось, недоумевающий монстр снова поднялся на ноги и двинулся к жрице.

Лааквииль отступила, ловко избегая удара. Вскинув трезубец она заблокировала удар когтистой лапы, которая глубоко врезалась в стену тоннеля. Из стены выплыли огромные ошметки земли и камня. Умбровые гиганты – дальние родственники водяных – могли прокладывать себе путь сквозь твёрдый камень практически с той же скоростью, с какой люди двигались пешком.

Существо взмахнуло второй рукой. Полагаясь на свои навыки, Лааквииль сделала сальто назад и набрала в трахею воздуха, чтобы придать своему телу плавучести. Она вонзила в грудь водяного свой трезубец прежде, чем он мог защититься. Зубья трезубца глубоко вонзились в грубую кожу, но, судя по реакции, единственным эффектом было то, что чудище ещё больше рассвирепело. Кровь хлынула из трёх ран липкими струями.

Всё ещё отступая и с тревогой высматривая любую возможность проскочить мимо лап водяного, Лааквииль сконцентрировала дарованную Секолой силу и произнесла молитву.

Однако, прежде, чем она успела освободить её, водяной двинулся вперёд, закрывая свет застрявшего в стене кристалла. Существо словно испарилось, став двухмерной тенью, поглотившей весь свет позади себя. Массивный кулак стремительно вылетел из этой тени, угодив Лааквииль в плечо.

Жрица отлетела назад, валясь на пол. Переменчивые течения помешали её полёту набрать стремительную скорость. Отскакивая как камушек от поверхности океана, она врезалась в кучу костей.

Лааквииль!

Испуганный крик Якховаса ворвался в разум жрицы, порождая новый импульс боли. Боль была едва ли не ослепляющей. Однако, страх заставил её двигаться и она вылезла из под груды костей предыдущих жертв, которые омерзительно стучали сталкиваясь друг с другом.

Водяной снова двинулся на неё.

Поднырнув под руки атакующего, Лааквииль схватила торчащее из груди монстра древко трезубца. Она вырвала оружие, за которым потянулся шлейф крови.

- Мерзкая тварь! – закричала она, наполовину от страха и наполовину от ярости. – Я тебе не беззащитный человек или эльф, которого ты можешь сожрать! Душой и плотью я принадлежу к Тем, Кто Пожирает! Я из народа, который является одним из самых страшных кошмаров морей. Нас создал Бог Акул и мы ведомы беспощадной волей Секолы так, чтобы его создания были сильными и яростными!

Даже несмотря на то, что водяной не подал никаких признаков того, что он понял слова Лааквииль, он, очевидно, понял её намерения. Он распрямился настолько, насколько ему позволял низкий потолок. Широко раскрыв рот, существо прорычало собственный вызов.

Лааквииль ринулась вперёд, следуя за своим тезубцем. Зубья оружия глубоко вонзились в брюхо водяного. Маленти надеялась, что это область была защищена не так сильно, как покрытая хитином грудь. От силы удара её руки едва не онемели.

Когти водяного разрубили трезубец пополам. Он яростно взревел, но судя по звуку он не был ранен. Энергично размахивая когтями он потянулся за жрицей.

Уклоняясь, но не будучи в состоянии как следовать маневрировать в столь ограниченном пространстве, Лааквииль всё же не могла избежать удара, который достиг её головы. Она снова отлетела, врезавшись в заднюю стену пещеры. В какой-то момент ей показалось, что её воздушный пузырь взорвался. Её голова взорвалась от боли, а вода окрасилась кровью от содранной кожи. Втянув жабрами воду, она почувствовала солоноватый привкус своей крови.

Лааквииль!

Беспокойство в голосе Якховаса было очевидным. Мир вокруг Лааквииль кружился, но её мысли, несмотря на приближающегося к ней монстра, зацепились за этот факт. За проведённые вместе с ним годы, пробираясь через спутанную паутину производимых Якховасом планов, она никогда не думала, что ему есть до неё дело. Ей казалось, что единственным существом, судьба которого его заботила, был он сам.

Видя, что водяной уже близко, она попыталась пошевелиться, но её конечности ей не подчинялись. Каким-то образом она не могла удерживать свой вес даже в воде.

Держись, маленькая маленти. Я уже почти здесь.

Лааквииль знала, что Якховас не успеет. Ничто, кроме воли Секолы, который, впрочем, никогда напрямую не вмешивался в судьбы своего избранного народа, не могло спасти её от смерти в лапах этого чудовища.

Водяной раскрыл свои когти, пока его лапа не оказалась настолько широкой, чтобы в неё поместилась её голова.

Борясь с дурнотой вызванной болью и вонью нависшего над ней чудовища, Лааквииль схватилась за когти водяного. Её пальцы тут же были прорезаны до костей. Её связки разошлись, и трепыхались в воде, словно щупальца молодого кальмара, которые считались деликатесом среди сахуагинов. Её руки онемели и она утратила над ними контроль. Но жрица не сдавалась. Она сражалась до последнего, как и учил её Секола и она собиралась убить своего соперника, даже если бы ей пришлось испустить для этого дух.

Изворачиваясь, стараясь не смотреть на растерзанные останки своих рук, Лааквииль подобрала свои стройные ноги и напряжением мышц выпустила свои, скрытые в пальцах ног, когти. Продолжая извиваться, позволяя течению слегка себя подхватить, она полоснула ими по лицу водяного, распаров его лицо от уха до подбородка, оставив за собой полосу болтающейся плоти.

В крике ярости огромного зверя в этот раз чувствовались и нотки страдания, что наполнило жрицу гордостью.

Взмахнув огромной лапой, водяной пригвоздил Лааквииль к стене тоннеля, его распротёртые когти обхватили верхнюю часть туловища жрицы. Монстр нагнулся ближе и распахнул пасть.

Не в силах предпринять что-либо ещё, Лааквииль вознесла молитву. Она не молилась за себя, ведь это было бы эгоистично, а сахуагинов с детства учили прежде всего думать о своей расе. Нет, она молилась за свой народ, тот народ, что отвергал её из за её облика. У неё не было никого, кому она могла бы передать своё наследие. Впрочем, всё её наследие состояло из молитвы.

Ты ещё не мертва, маленти, - голос Якховаса прожёл её разум. – *И я никому не позволю забрать твою жизнь без моего дозволения.*

Над массивными плечами водяного, едва освещённые призрачным светом коралла, нависли тени. Якховас был там, прямо за спиной чудовища.

Лицо её короля представляло собой маску ярости. Эта эмоция передавалась и его пустой глазнице, в которой светились золотые искры, его шрамам и татуировкам, которые растянули паутины своих линий на все черты его лица. Без промедления он обхватил руками голову водяного, едва избежав его раскрытой пасти с трезубыми зубами.

- Ты покоришься, мерзкая тварь, - прорычал Якховас. – *Голод в твоём брюхе, делающий тебя столь неразборчивым в пище, будет стоять тебе сердца.*

Невероятно, но он оттащил водяного от Лааквииль. Несмотря на то, что водяной был более чем в два раза больше него, его сила была очевидной. Якховас стоял упираясь ногами в спину чудовища, используя собственное тело, как рычаг, чтобы повернуть голову монстра.

Освободившись от лап водяного, Лааквииль стояла пошатываясь и попыталась было присоединиться к битве.

- *Постой в сторонке, маленькая маленти*, - приказал её король. – *Я покажу тебе, на что годится настоящий воин моря.*

С этими словами он снова дёрнул голову водяного, выводя его из равновесия.

Зверь заревел и попытался смахнуть Якховаса у себя со спины. С его огромной длинной рук это должно было быть лёгкой задачей.

Но когда его когти достигли цели, цели там уже не было. Он оттолкнулся от оппонента, зависнув в воде. Даже после всего того, что она видела с тех пор, как они были вместе, Лааквииль смотрела на Якховаса не веря глазам. Он сражался как одержимый. В неверном свете люминесцентного коралла, ей казалось, что он меняет форму.

Его руки и ноги покрылись длинными, острыми плавниками, которые прорывались сквозь его одежду. Ещё один гребень из кости и хряща появился на его лбу и потянулся к затылку. Он вырос до десяти футов, затем до двенадцати.

Внимание водяного полностью переключилось на Якховаса. Он размахивал руками, колотя своего противника. Всё ещё потрясённая, Лааквииль глядела, как каждый раз, как Якховас дотрагивался до водяного или водяной дотрагивался до Якховаса вода окрашивалась новой порцией крови из очередной свежей раны на коже чудовища. В сторону летели куски узловатой кожи.

Плавники появились и на щеках Якховаса, придавая его чертам обтекаемость. Он приземлил ещё один удар когтистой и покрытой острыми плавниками руки на внутреннюю сторону руки водяного. Плоть и сухожилия распустились багровой бахромой.

Этот один удар повернул ход битвы. Защищая раненную руку, водяной повернулся и попытался сбежать. Он яростно орудовал когтями делая тоннель в плотной земле.

- Нет! – крикнул Якховас. – Тебе не скрыться от моего возмездия!

Лишь отдалённо напоминая человека, он нырнул вслед за водяным. Почти достигая своими размерами размеров водяного, Якховас обхватил рукой голову оппонента под подбородком и другой рукой пронзил спину водяного. Плоть разошлась и хлынула кровь. Кости ломались с оглушительным хрустом. Рука Якховаса вошла в водяного по локоть. Огромный монстр дрожал, его усики спазматически подёргивались. Потеряв контроль над своими мышцами, водяной рухнул на колени.

Крича в диком триумфе, Якховас вынул руку из тела чудовища. В его кисти было сердце водяного.

- Никому не позволено взять то, что принадлежит мне! Никому!

Он поднял огромное сердце выше и сдавил. Он положил разорванный сочащийся кровью орган к себе в рот и проглотил.

Едва стоя на ногах, Лааквииль попыталась понять, каким же именно существом являлся Якховас. Найденные ей пророчества не упоминали ничего подобного. Да и он сам не срывал с себя завесу тайны.

Он повернулся и посмотрел не неё. Его единственный глаз страстно пылал. Его лицо и рот были покрыты кровью. Плавники на его щеках, подбородке и бровях, в

полутени, выглядели особенно отчётливо. Плавник на вершине его головы достигал вершины пещеры, а те, что покрывали его руки и ноги напоминали заточенную до бритвенной остроты кость.

- Я Якховас, - прорычал он, - и все, кто меня знает, будут трепетать при звуке моего имени.

Лааквииль глядела на него, зная, что из всех существ плавающих в морях, Якховас был тем, кому Секола выразил бы свою высочайшую похвалу. Он был прирождённым убийцей – безжалостные инстинкты хищника, отточенные, словно высочайшего качества клинок.

Но он не был сахуагином.

Это она знала наверняка.

Внезапно осознав пробирающийся внутрь неё холод, она начала терять сознание. Только воздух, сохранившийся в её воздушном пузыре добавлял ей плавучести и не дал ей упасть на пол. Не будучи в состоянии пошевелиться и убеждённая в том, что смерть уже нависла над ней, она беспомощно покачивалась в водах течения.

- Маленькая маленти, - Якховас с удивлением посмотрел на неё.

Лааквииль попыталась ответить. Её король сеял вокруг столько смерти, что она была удивлена, что он не увидел её, когда она была прямо перед ним. Она слабо дотянулась до своей головы, желая, чтобы боль в её голове улетучилась столь же скоро, сколь скоро её покидали остальные чувства. Приложив все силы, она смогла дотянуться до раны на боку своей головы. Сперва она подумала, что объект, который она нашла, был застрявшим когтем водяного. Она вытащила его и поднесла под неверный свет люминесцентного кристалла.

Предмет оказался костью – куском её собственного черепа.

Она знала, что обречена.

- Нет, - приказал Якховас властным голосом. – Нет, маленькая маленти, я не позволю тебе умереть. Ты играешь заметную роль в моих планах. Без тебя их осуществление осложнится. Я не могу отпустить тебя сейчас, когда мы так далеко зашли вместе.

Она хотела сказать ему, что он ничего не мог с этим сделать. Смерть входила в естественный порядок вещей. Всём, на что она надеялась, было то, что Якховас прикажет остальным сахуагином съесть её тело, чтобы она могла остаться внутри сообщества. Это была последняя услуга, которую оказывали сахуагины своему народу – они становились пищей для других.

- Я Якховас, - сказал он, шагая к ней. – Тебе не ведомы глубины того, на что я способен.

Он остановился рядом и ему даже не нужно было наклоняться, потому что она парила на водах течения. Когда он приблизился, его плавники исчезли и он принял более привычную форму человека.

Лааквииль знала, что даже то, что она видела сегодня, не было его истинной формой. Эта тайна была куда глубже и она даже не могла предположить насколько. Тьма начала заволакивать её взор, зовя за собой. Недоумевая, она смотрела, как Якховас, отвернувшись, приложил руку к своей пустой глазнице.

Моментом позже, когда он убрал руку, на его пальце тускло светилась золотая полусфера. Держа её в одной ладони, он произнёс слово, которого Лааквииль никогда не слышала, и дотронулся до полусферы пальцем. Шарик распался на множество частичек, искрящихся сперва разными цветами, а затем только красным и золотым. Он выбрал одну из частичек и повернулся к жрице. В его пустой глазнице таились самые глубокие тени из тех, что ей когда-либо приходилось видеть.

- Ты не можешь умереть, - сказал он ей. – Я тебе не позволю.

Онемев настолько, что она уже не могла бояться, Лааквииль смотрела, как маленький шарик, который он выбрал, превратился в чёрный, полноразмерный человеческий череп с рубинами вместо глазниц.

Якховас обеими руками держал над жрицей чёрный череп. Он говорил на языке, которого маленти никогда не слышала. Слова звучали отчетливым крещендо схожим с громовыми раскатами. Этот голос не мог принадлежать ни одному гуманоидному созданию. Ресница, рядом с сердцем Лааквииль, болезненно изогнулась.

Ослепительная вспышка ядовито зелёного света залила пещеру.

Откуда-то издалека донёсся чистый, безмятежный голос, несомненно принадлежавший женщине:

- Возвращайся. Ты ещё не закончила.

Какая то мягкая и ненавязчивая сила подхватила маленти. Её захлестнуло благоухание чистого, солёного моря и бледная зелень верхнего слоя моря.

Затем не было ничего, кроме тьмы.

Лааквииль думала, что умерла. Потом её глаза открылись.

- Ты вернулась, - мягко сказал Якховас. Он всё ещё стоял рядом с ней, хотя она и не могла сказать, сколько времени прошло.

- Я была мертва? – спросила она.

Он серьёзно кивнул:

- Какое-то время.

От его ответ бросил Лааквииль в холод. Вера Секолы не предполагала никакой жизни после смерти. Единственное, что Акулий Бог требовал от своих избранных детей – это храбро сражаться и умереть. Так где же она была? Чей голос слышала? Она была уверена, что это не был голос Якховаса, но, может быть, он принадлежал черепу?

Боль, терзавшая её голову, чудесным образом ушла. Помедлив она приблизила руку к своему виску, ожидая прикоснуться к треснувшей кости и липкой от крови разорванной кожи. Но её пальцы почувствовали только гладкую кожу.

- Ты исцелил меня.

- Я спас тебя из лап самого Панзуриэля. Не недооценивай этого, моя жрица. – Якховас впервые взглянул на неё с выражением, настолько близким к мягкости, насколько ей приходилось видеть.

Эта эмоция смутила и запутала Лааквииль. Она закрыла глаза.

Будто зная, какие мысли сейчас её одолевали, Якховас отвернулся. Лааквииль уловила это движение своими отростками.

- Нам нужно двигаться. Ты потратила достаточно времени, - в его голосе прозвучала жёсткость.

- Прошу меня простить, Почтеннейший.

Лааквииль взмахнула руками, ловя воду своими перепончатыми пальцами. Она открыла глаза и увидела полу-съеденный труп водяного, валяющийся на полу пещеры – доказательство того, что её исцеление пробудило в Якховасе огромный голод. Над тушей крутились скопища маленьких рыбок, откусывая от неё кусочки, а под ней, крабы, отрывали своими клешнями полоски плоти.

- Поиски искомого мной объекта продолжаются, - сказал он ей, - но все поисковые группы вернулись с пустыми руками.

Это высказывание удивило жрицу. Она привыкла к тому, что Якховасу было известно всё, что было известно ей. Как он мог не знать того, что она нашла то, что он так настойчиво искал.

- Я нашла искомый объект, Почтеннейший.

Якховас медленно повернулся к ней. Его единственный глаз подозрительно сузился в то время, как в пустой глазнице, позади повязки, которую он носил, загорелись золотые огоньки.

- Где?

- Здесь, - Лааквииль указала на кучу костей в глубине пещеры. – Он лежит где-то внизу, погребённый под осадочными породами и руинами Корисельмала.

- Ты уверена?

- Да.

- Тогда идём.

Якховас сделал шаг и выплыл из пещеры. Он следовал изгибу пола, пока не оказался над пещерой. Он встал на ноги.

Лааквииль только сейчас заметила, что его одежда больше не была порвана в тех местах, где вышли бритвенно острые плавники. Он выглядел как обычный человек. Это была только одна ложь из искусно сплетённой вокруг него паутины.

- Отплыви подальше, Священнейшая, - обратился он к ней. – Здесь будет опасно.

Памятуя, как он сражался за неё, как он даже остановил руку смерти, Лааквииль помедлила.

- Будет ли это опасно для тебя?

Якховас сверкнул на неё единственным глазом, светящимся звериным огнём:

- Значит, тебе не всё равно?

- Да.

Никий, гортанный смех донёсся из горла Якховаса. Лааквииль развернулась и поплыла вверх. Она была в замешательстве. Она никогда не была уверена, как именно нужно обходиться с Якховасом. Любые признаки заботы с её стороны, казалось, воспринимались как слабость.

- Маленькая маленти, - мягко раздался сзади его голос.

Она поднялась выше, глядя вниз, она думала, о том, каким маленьким он казался на фоне огромной панорамы морского дна. И всё-таки, его разрушительная сила разорила Берег Мечей, сделала его королём королевства дикарей и это была лишь та часть, которую она знала наверняка. Даже сейчас, ей было известно о некоторых интригах, которые он вёл с пиратами островов Нелантера и их противниками во Внутреннем Море.

- Извини меня, - прошептал Якховас так, что лишь она могла его слышать. – Я благодарю тебя за твою доброту. Это действительно что-то, к чему я не могу привыкнуть. А теперь отплыви дальше.

Лааквииль всплыла ещё выше. Когда она была больше, чем в сотне ярдов, она почувствовала чудовищную пульсацию снизу. Она зависла в воде, отрегулировала количество воздуха в пузыре и устремилась вниз.

Огромные клубы извести взметнулись со дна, скрывая из виду Якховаса. Другие сахуагины вокруг них немедленно бросились прочь, словно стайки перепуганных рыбок.

Кучи кораллов, сломанные тысячи лет назад, дюжины футов осадка поднятого с Пределов Вилхона, обломки зданий и остовы кораблей – всё кипело. За считанные секунды, вся местность навеки сменила свой облик.

Желая остаться в стороне от облаков извести, чтобы не втянуть их жабрами и не повредить мембраны, Лааквииль всплыла выше. Она зависла над взбаламученными водами.

Минуты тянулись долго. Когда обломки снова оказались на дне, поисковые отряды сахуагинов собрались вместе. В том месте, где был спуск, теперь зияла глубокая дыра. Со всей этой землёй и руинами, концентрически разбросанными вокруг, она напоминала муравейник.

Лааквииль задавалась вопросом, не мог ли Якховас оказаться погребённым под всеми этими обломками. Что, если он не был столь уж неуязвимым, сколь она верила, а возможно, боялась. Она пыталась разобраться в этом спутанном клубке опасений и надежд, но не было похоже на то, что она преуспее.

Через несколько мгновений из огромного зёва в земле появился Якховас. Улыбка на его лице сказала Лааквииль всё.

- Это Крепость Ахагиса, - объявил Маартаугх. Он стоял на носу *Тарханы*, рядом с Якховасом. – Это одна из старейших крепостей, построенных проклятыми морскими эльфами, во время возведения стены.

Лааквииль стояла с другой стороны от своего короля. Ночь окрасила море, перед стеной Акульей Погибели, пурпурным. Всё же её зрение было достаточно острым, чтобы она могла различить группы морских эльфов, патрулирующих стену.

Крепость была построена из кораллов, камня и раковин – тех же материалов, что использованы при строительстве стены. Она была двух этажной и имела два тяжело укрепленных крыла, которые раскидывались вправо и влево над стеной. Большие сети были свалены в кучу и были готовы встретить любого сахуагина, который посмел бы попытаться осуществить прорыв. Эльфы и русалы, из которых состояла стража, носили доспех из серебряной пряжи и были вооружены копьями и трезубцами. Кроме того, конструкцию защищали мощные обереги, наложенные размещёнными в крепости магами.

- Это одна из самых укрепленных цитаделей эльфов, - продолжил Маартаугх. – Мы могли бы выбрать другую, которая хуже оснащена.

- Нет, - без промедления отрезал Якховас. – Всё начнётся здесь. Здесь мы не выбираем.

Маартаугх устремил свои чёрные глаза на Якховаса:

- Ты полагаешь, что Секола недостаточно силён, чтобы сокрушить эту крепость?

Якховас скрестил свой холодный взгляд с принцем:

- Такова природа Акульего Бога, - холодно отрезал он. – Секола даровал нам этот объект, чтобы мы выполнить то, что должно. Но за успех, который нас ждёт, мы заплатим кровью. Только сильные выживут. Такова воля Секолы.

Маартаугх нахмурился, явно недовольный складывающейся обстановкой.

Лааквииль смотрела на этих двоих, зная, что баланс силы изменился. Демонстрация силы, которая произошла в Пределе Вилхона, оставила серосского принца в состоянии благоговения перед её королём, но всё же он ещё не мог до конца принять его философию.

- Не гарантирую, что другие принцы согласятся на это, - сказал Маартаугх. – В последний раз, когда Мы – Те, Кто Кормятся, попытались осуществить прорыв Стены Акульей Погибели, магия морских эльфов обратила нас в бегство и они беспощадно преследовали мой народ в течении десяти дней. Тысячи были убиты. Некуда было бежать.

- Значит мы убедим их, - с уверенностью заявил Якховас. Он держал в руке серпо-образный предмет. – Это их свобода. За это они будут сражаться.

- Только если они действительно в это поверят.

Якховас посмотрел на принца сахуагинов своим единственным глазом:

- Они поверят.

Несмотря на то, что после разрушения Вахакстила прошло немало дней, город всё ещё напоминал собой зону боевых действий. Огромные трещины раскололи поверхность земли, оставив огромные глыбы камня и земли лежать вперемешку. Большие, сделанные из кораллов колонны, лежали опрокинутыми. Стоя рядом с Якховасом, Лааквииль оглядывала булыжники.

Собравшиеся сахуагины – жители города и королевства, сидели на перемешанных обломках зданий. Городской амфитеатр был погребён под лавой, когда Корабль Богов вышел из жерла вулкана. Не осталось ни одного здания, которое хоть как-нибудь подходило бы для собрания, так что его решили устроить прямо среди руин. Предпринимались какие-то попытки разбора завалов, но жрица знала, что общее мнение сводилось к тому, что город навсегда потерян. Эта потеря заставила некоторых сахуагинов поверить, что Секола тем самым закалил их, чтобы сделать достаточно сильными, чтобы пережить грядущие испытания.

Над обломками раздался голос Якховаса и течения разнесли его ещё дальше. Он стоял на импровизированном столе, который выжившие принцы приказали построить после того, как он, прибыв ранее в Серос, убедил их присоединиться. Это также было то самое место, где Якховас убил и съел Тоомаэка – одного из принцев, кто выступил против него.

Якховас серьёзно заявил:

- Пришло время Нам – Тем, Кто Кормится, снова стать свободными.

По рядам собравшихся прокатилось волнение. Лааквииль слушала осторожные по цоканья и присвисты доносящиеся со стороны толпы. Жрица чувствовала, как внизу её живота начало зарождаться грызущее чувство страха. Страх того, что несмотря на все испытания, которые они преодолели, сахуагины Сероса так и не

найдут в себе духа принять данный Якховасом вызов. Мечтать об этом – это одно, но когда дело доходит до конкретных действий, то это совсем другое. В течении тысячелетий серосские сахуагины были вынуждены вести жизни, которые противоречили самой их природе. Мыслимо ли было, чтобы мысль об освобождении не нашла в их душах отклик? Она вознесла Секоле молитву, прося его только воззвать к сущности его народа.

- В битве за взятие стены вы не будете одни, - пообещал Якховас. – Я научу вас снова быть истинными воинами и поведу вас. Больше не будет никаких барьеров. Клянусь вам в этом. Весь Серос затрепещет, когда узнает, что Мы – Те, Кто Кормится, снова свободны, как и завещал нам Секола!

Цоканья и посвистывания прекратились, но Лааквииль знала, что сомнения ещё не окончательно побеждены. Как жрица Акульего Бога, она чувствовала, что должна сказать что-то, чтобы подстегнуть их веру. Но прежде, чем она смогла начать свою речь, Якховас вынул найденный в Корисельмале серп.

Странный металл поймал зеленоватый свет, проникающий к ним с поверхности океана и синие руны вспыхнули, словно молния.

- Я принёс вам силу! – проревел Якховас. – Подарок самого Секолы. Это клык в горле наших врагов. С помощью этого, я разрушу Акулю Погибель.

Он поднял серп над головой.

Неожиданно из концов оружия ударило багрово-красное пламя и взмыло в высь на сотню футов. Багровое пламя разостлалось над останками Вахакстила. Языки извивались и закручивались внутрь и наружу одновременно и, сталкиваясь между собой, разрастались.

Когда Лааквииль различила шесть огромных, стремительных фигур, выплывших из глубин огненного облака, по её спине пробежал холодок. Они выглядели как акулы, но её инстинкты говорили ей, что они были чем-то во много раз большим.

- Взгляните! – крикнул Якховас. – Прочь все сомнения. Секола послал нам знак своего благословения. Узрите его аватары!

Лааквииль наблюдала, как акулы грациозно носились в воде, делая головокружительные и сложные фигуры. Хотя Высшая Жрица Гаатааг и рассказывала ей об аватарах Секолы, но она никогда в жизни не видела их вживую. Акулий Бог использовал своих аватаров чтобы направить своих детей и подстегнуть их боевой дух в событиях, на которые он желал повлиять.

Когда внимание каждого сахуагина было приковано к аватарам, они начали песнь глубин, которая тронула сердце каждого хищника. Захваченная гипнотическим эффектом песни, Лааквииль возвысила свой голос и присоединилась к пению. За какие-то секунды, это безумие, вызванное присутствием аватаров и их песней, охватило всё сообщество. Как и предупреждала её Гаатааг, её охватило смешенное чувство блаженства и настойчивого желания.

Басистый голос Якховаса, пророкотав, слился с тысячами голосов других сахуагинов и океан буквально загудел. Сахуагины вошли в резонанс, объединяя каждого индивида в единый разум.

Неожиданно, аватары описали ещё один круг вокруг разрушенного города и направились на запад. Инстинктивно, Лааквииль знала, что они направляются к

Стене Акульей Погибели. Направляемые силой, которую, Секола имел среди своих подданных и его аватарами, сахуагины, как один, оставили Вахакстил.

-Священнойшай.

Слова Якховаса прожгли сознание Лааквииль. Она недолго сопротивлялась им, покоряясь своей природе, которая призывала её следовать за песней аватаров.

-Ты пойдёшь со мной, - приказал Якховас.

Ресница рядом с её сердцем задрожала, вызывая резкую боль и чувство, что её воздушный пузырь вот-вот взорвётся. Природа сахуагина и связь с Якховасом вошли в острую конфронтацию. Затем её разум словно очистился от гипнотического тумана, насланного аватарами Акульего Бога. Она чувствовала досаду и сердилась из-за того, что ей не было позволено полностью испытать на себе эйфорию от следования за аватарами.

- Сейчас же.

Лааквииль неохотно повернулась и покинула плывущую за аватарами толпу. Она поплыла к окраинам города, следуя за Якховасом, который без усилий плыл перед ней. Перед ними на якоре лежала Тархана. Жрицу беспокоило то, что подчинение Якховасу шло вразрез с её природой. Даже несмотря на то, что она верила, что Якховас был посланником Секолы, в чём бы ни заключался его план, то, что её требовалось так грубо направлять, казалось ей чем- то неправильным.

Защитники яростно обороняли крепость Ахагиса. Они выплыли наружу, чтобы встретить приближающуюся волну сахуагинов и вступили с ними в битву. Даже будучи в меньшинстве, они заставляли нападающих дорого платить за каждый дюйм их продвижения. Кроме того, атакующим мешали обереги наложенные на стену и летящие в них заклинания.

Лааквииль с ужасом смотрела на то, как приблизившихся к Стене Акульей Погибели сахуагинов вдруг охватило желто-зелёное пламя. Это сработали обереги. Почерневшие трупы погрузились на дно или же кружили вокруг тех, кто дрался поблизости. Жрица одной рукой вцепилась в рейлинги магического корабля, который, толкаемый вперёд мощными гребками сахуагинов, прорывался через гущу битвы. Другая её рука стискивала трезубец.

- Спаси их, - взмолилась она, повернувшись к Якховасу, который стоял в нескольких футах.

Он не посмотрел на неё. Его взгляд был нацелен на стену, к которой они стремительно приближались.

- Я не могу, маленькая маленти, - ответил он держа руки на поясе. В одной из них был серп. – Таков путь Секолы – естественная гибель тех, кто слишком слаб, чтобы плыть по течениям, в которые он посылает своих избранных.

Лааквииль крепко держалась за рейлинг, чувствуя, как палуба *Тарханы* наклоняется и извивается под ней, борясь с течением, вызванным битвой в районе стены. Глубины моря озарились молниями, посылаемыми магами морских эльфов.

Но несмотря на это, орда сахуагинов приближалась. Несмотря на потери, их когти, челюсти и трезубцы пронзили эльфийскую плоть. Кровь окрасила воду и

приносила с собой запах соли и страха с каждой порцией воды, которую жрица втягивала через жабры.

В следующее мгновение Тархана оказалась в бушующем смерче жизни и смерти. Вокруг Лааквииль плавали оторванные или вырванные жадными челюстями обезумевших от присутствия аватаров сахуагинов частички плоти. Некоторые из них, наталкивались на неё и были всё ещё тёплыми.

- *Будь наготове, Священнейшая*, - мысленно сказал ей Якховас. – *Следующие несколько мгновений сплетут для Нас – Тех, Кто Кормится, новое будущее.*

Лааквииль отчаянно уцепилась за эти слова, веря, что так и будет.

Словно нож, Тархана прорезала себе путь через мелководье к стене. Небольшой отряд морских эльфов верхом на морских лошадях поспешил к кораблю. Вокруг жрицы зазвучали сиплые предостерегающие крики.

- Никому не покидать постов! – строго приказала жрица. Всё ещё держась одной рукой за рейлинг, она развернулась и сняла с перевязи арбалет из китовой кости. Болт уже был заряжен и взведён. – Лучникам приготовиться! Стрелять по моей команде!

Сахуагины на палубе Тарханы быстро построились в боевую формацию и приготовили оружие.

Наездники на морских лошадях не собирались останавливать свою атаку. Копья, заряженные силой эльфов и скоростью их верховых животных, уже мелькали менее чем в тридцати футах. Коралловые наконечники ударили в деревянный корпус корабля. Вибрация от удара была столь мощной, что отростки на теле Лааквииль её уловили.

- *Задержи их, Священнейшая*, - подбодрил её Якховас. – *Выиграй для меня немного времени*, - его голос мягко звучал в её голове.

Страхи и сомнения роящиеся в сознании жрицы растаяли. Когда передовой отряд наездников сломал строй, чтобы освободить место остатку своей кавалерии, она вскинула арбалет. Эльфы двигались со стремительностью течений, без усилий скользя по воде: вот они тут, а затем, неожиданно, уже нет.

Повинуясь воле своих всадников, вслед за первой волной морских лошадей тут же показалась вторая. Наездники опустили копья и трезубцы, намереваясь перевести битву уже на палубу корабля.

- Спускай! – приказала Лааквииль, сжимая курок арбалета. Снаряд выскочил с ложа арбалета и пролетев около пятнадцати футов, вонзился в грудь морского эльфа, который был прямо перед ней.

Броня из серебряной пряжи была не чета наконечнику из полированного коралла. Поражённый в сердце воин выпустил поводья. Умиравший эльф спазматически вздрагивал, пока течения не унесли его из поля зрения жрицы.

Морская лошадь без всадника продолжала мчаться на Лааквииль. Маленти отскочила в сторону и, выпустив когти на руках, разорвала пронесшемуся мимо животному горло.

Звук плоти натолкнувшейся на другую плоть эхом разнёсся по Тархане, когда морские кони налетели на сахуагинов. От силы удара животные и сахуагины разлетелись в стороны.

Вставив свою эльфийскую ножку в стремя арбалета и натянув тетиву, Лааквииль быстро перезарядила оружие. Закончив, она зацепилась подъёмом стопы за рейлинг, чтобы её не смыло с корабля и как раз вовремя, так как внезапно врезавшийся в неё труп чуть не выбил её из выбранной позиции.

Удар наполнил болью всё её тело, но она всё же подняла арбалет и выстрелила, угодив снарядом прямо в рот орущего морского эльфа, который нёсся на неё.

Не в силах увернуться от несущего мёртвого всадника животного, Лааквииль бросила арбалет и расслабила конечности. Новый удар вышиб из неё дыхание, но она смогла обхватить руками шею морской лошади. Она понесла жрицу к рейлингу и явно намеревалась перемахнуть через него. Тархана неслась с огромной скоростью и Лааквииль знала, что в этом случае ей уже не угнаться за кораблём.

Затем животное и его мёртвого всадника охватило зеленоватое свечение. В следующее мгновение их не стало, мягкая рука обхватила Лааквииль и втянула снова на борт.

- Я бы предпочёл, чтобы ты осталась, Священнейшая.

Силиясь восстановить ритм дыхания и унять дрожь в конечностях, Лааквииль пробралась вдоль рейлинга и схватила трезубец, который оказался там, где она его оставила. Она выставила его перед собой и ткнула очередного морского эльфа, скинув его с ездового животного. Прежде, чем у неё была возможность стряхнуть со своего оружия умирающего, Тархана прошла через линию защитников.

Открылся беспрепятственный обзор на Стену Акульей Погибели, которая находилась не далее чем в сорока футах.

Лааквииль почувствовала как их корабль наполняется магией; до удара оставались секунды. В один момент вокруг неё была глубокая синева моря, а в следующий, когда они вошли в стену, их окутала непроницаемая тьма.

-Начинается, маленькая маленти.

Ожидая снова увидеть морскую лазурь, Лааквииль была совершенно не готова к вспышке рубинового пламени, которая временно ослепила её. Щурясь от боли, вызванной ярким светом, она наблюдала, как Стена Акульей Погибели разваливалась, в то время как они всё ещё были внутри неё.

Время, казалось, тянулось так медленно, что она видела все разломы и паутину трещин, которая расползалась по конструкции. Огромные осколки и блоки Стены сносило прочь, а их место, не допуская пустоты, тут же заполняло море.

Ещё немного и вокруг неё снова было море.

- Идём, Священнейшая.

Немного помедлив, Лааквииль повернулась и последовала за Яхховасом на кормовую надстройку. Она чувствовала, как корабль постепенно замедляет ход. Стоя рядом со своим королём, она смотрела на удаляющиеся обломки стены.

Взрывная сила, освобождённая Яхховасом внутри стены, всё ещё продолжала уничтожение постройки. Огромные глыбы падали на дно, оставляя за собой лишь руины.

- Ах, маленькая маленти, - на лице Яхховаса сияла дикая улыбка. – Ради того, чтобы стать спасителем, мне пришлось, сперва, побыть разрушителем, верно?

Лааквииль не ответила. Она смотрела на разрушения, на бесчисленные тела сахуагинов, морских эльфов и русалов, которые начали медленно погружаться на

дно. Среди выживших всё ещё кипела битва, но сражающиеся уже утратили былой энтузиазм.

Руины Стены Акульей Погибели лежали везде, куда мог проникнуть взгляд жрицы, а даже дальше. Она не знала, насколько стена повреждена в других местах, но она была уверена, что она уже никогда не будет прежней.

- *И она больше никогда не будет сдерживать Нас – Тех, Кто Кормится взаперти, словно скот,* - заявил Якховас. – *Эта мерзкая стена осталась в прошлом. Эти сахуагины снова будут свободными.*

Над обломками Акульей Погибели роились облака пыли. Сначала Лааквииль казалось, что никто не пережил падения стены, но потом во взбаламученной воде показались аватары. Позади них, ведомые непреодолимой силой, которой Секола наделил свои творения, плыли сахуагины, которые в течении многих веков не видели иных вод, кроме Аламбергского моря.

Они вторглись в Море Упавших Звёзд – яростные воины, чьи судьбы будут написаны кровью и воспеты в песнях и которые выкуют иные судьбы для своих потомков. Лааквииль смотрела на них и её сердце наполнилось первобытной гордостью.

- *Свершилось, Священнейшая,* - сказал Якховас. – *Как я и обещал.*

- *Да,* - ответила она. Она не сказала о своих сомнениях, которые всё ещё одолевали её, когда она думала о бесчисленных, принесённых сахуагинами жертвах. Якховас не потерял ничего. Когда к ней пришла эта непрошенная мысль, она сразу почувствовала себя виноватой. Он рисковал жизнью, чтобы спасти её, вытащил из лап самой смерти. Но, несмотря на всё это, её сомнения не исчезли.

- *Стена Акульей Погибели пала,* - сказал Якховас, бросая в море изогнутые и сожжённые остатки серпа. – *Столь любимый морскими эльфами Мит Нантар падёт следующим. Как падёт всё Море Упавших Звёзд.*

Лааквииль тихо помолилась, зная что Якховас сказал именно то, что имел в виду. Ей страшно было думать о всех тех жизнях сахуагинов, которые они ещё потеряют в предстоящих битвах. И она знала, что Якховас собирался победить в этой войне, не считаясь ни с какими жертвами.

При мысли о своей роли в предстоящей войне, по спине жрицы пробежал горький холодок. Она помнила слова, которые услышала на пороге смерти: «Возвращайся. Ты ещё не закончила». Когда она задумалась о том, чей же это был голос, холодок сменился морозом.

Не закончила. Ещё нет. Но возможно скоро. Она обхватила себя руками, чувствуя себя маленькой и одинокой в этих течениях, бурлящих в её жизни.

В Море Упавших Звёзд пришла война, и она находилась в её эпицентре.

КРИСТАЛЬНЫЙ РИФ

Трой Деннинг

8й день Флеймрула, Год Перчатки

Остров лежал на приличном расстоянии к западу от Тарсалта. Он представлял собой небольшой, заросший пальмами песчаный диск, терзаемый обдуваемый субтропическими бризами. Он был настолько невелик, что брошенный с одного его конца гарпун, имел все шансы плюхнуться в воду, а ближайший судоходный тракт находился в двухстах милях от него. Единственный, протекающий по нему ручеек производил всего лишь одну бочку чистой воды в день. Там не было ни фруктовых деревьев, ни животных которых можно было бы съесть или пополнить ими запасы для долгого плавания, не было и защищённых бухт или же потайных лагун, где могли бы укрыться пиратские корабли. В местных устрицах никогда не находили жемчужин. Единственным сокровищем острова было аккуратное кольцо кораллов, известных как Кристальный Риф – каменный сад из сплетённых пальцев и причудливо изогнутых пик, чья ценность состояла исключительно в красоте переливчатых цветов.

Так, что, когда одним утром, рифовый гигант Танетоа проснулся и обнаружил флотию каравов, стоящих на рейде, он не знал, что и думать. Кораблей было восемь. Их носовые надстройки были оборудованы баллистами, на палубах стояли катапульты, а в вороньих гнёздах дежурили лучники. Паруса были свёрнуты и закреплены, палубы заставлены десантными лодками и бочонками с припасами, а борта глубоко сидели в воде. Повсюду стояли воины, облачённые в шлемы и нагрудники. Их широко открытые глаза были устремлены на Кристальный Риф, а рты широко раскрыты.

Танетоа подозвал свою жену к окну хижины и спросил:

- Кани, что здесь делает этот флот?

Кани долго смотрела в окно. Хотя ей было более двух сотен лет, для рифового гиганта она была всё ещё молода. У неё была гибкая фигура, длинные, цвета слоновой кости волосы и кожа цвета меди. Она была столь же прекрасна, сколь Кристальный Риф и спокойна, как Сияющее Море. Как и сам Танетоа, выбирая между звуком собственного голоса и звуком накатывающей волны, она отдавала предпочтение последнему.

Когда она наконец-то ответила, её тон был насмешливым:

- Должно быть это пираты, которые хотят отнять у нас наше сокровище.

Говоря это, она обвела рукой их однокомнатную лачугу, которая вмещала в себя сплетённую из листьев пальмы кровать, гигантскую витую морскую раковину, стол, два колченогих стула и кое-какие мелочи.

- Я боюсь, мой отважный муж, что тебе придётся выйти в море и утопить их корабли.

Танетоа наградил её косым взглядом:

- А ты уверена, что не завлекла их сама, чтобы они увезли тебя прочь?

- От такого-то изобилия? – коротко усмехнулась Кани, перед тем, как с искренней нежностью положить руку на локоть Кани. – Я думаю, что ты в это не веришь. Боюсь, что тебе придётся выйти и напрямую спросить, чего они хотят.

Танетоа бросил опасливый взгляд на установленные на карраках баллисты. Он был из тех гигантов, кто предпочитал мирную изоляцию контактам с людьми, особенно, если эти люди были вооружены до зубов. И всё-таки, всё выглядело так, что они намеревались остаться и рано или поздно ему придётся иметь с ними дело.

Он вздохнул:

- Ну раз надо...

- Возможно мы зря волнуемся, - сказала Кани, похлопывая его по плечу. – Пригласи одного из них взглянуть на остров. Вскоре после этого они уберутся восвояси.

- Хорошая мысль, - согласился Танетоа.

Он вышел под золотистые лучи солнца. У планширов кораблей засуетились воины, выкрикивая и указывая в сторону Танетоа. Около баллист появились люди и начали заряжать орудия огромными гарпунами и натягивать воротами их тетивы.

- Просто чудесно, - Танетоа поднял руку и помахал, надеясь, что человеческие глаза были достаточно острыми, чтобы разглядеть его улыбку. – Всё идёт как нельзя лучше.

- Постарайся не выглядеть напуганным, - посоветовала Кани из дверного проёма. – Действуй как гигант и всё будет в порядке.

- Верно. Если я умру, они до смерти перепугаются.

Танетоа опустил руку и вышел на пляж, а затем пошел вброд через мелкую лагуну лежавшую между берегом и Кристальным Рифом. На кораблях забила тревогу и высокие мачты начали раскачиваться, когда люди забежали по палубам, чтобы занять свои боевые позиции. Танетоа задумался, а было бы более разумно подождать, пока люди вышлют к нему своих парламентёров, киями своих лодок они непременно будут скрести по рифу, уничтожая целые колонии нежных кораллов.

Когда великан был в воде по грудь, он глубоко вдохнул и нырнул. Плоское, песчаное дно лагуны было усыпано оранжевыми устрицами и алыми раковинами. Мимо промелькнул косяк голубых акантуросов, преследуемый щёлкающими челюстями голодной барракуды и лениво, окаймлённая мембраной в крапинку, проплыла медуза. Когда он приблизился к рифу, перед ним возникли растущие из дна розовые кораллы, причудливо извивающиеся, словно олени рога и переливающиеся словно самоцветы. Вода наполнилась волшебным сиянием, исходившими от переплетённых алых ветвей этого сказочного сада и сапфировыми всполохами. Теперь, чтобы не повредить эти нежнейшие организмы, Танетоа плыл

ближе к поверхности. Кораллы были живыми организмами и восстановление даже малейшего скола, могло занять века.

Наконец светящийся сад вырос настолько высоко и переплелся настолько плотно, что стал непроницаемой стеной. В этой стене были дюжины различных цветов: розовые кораллы похожие на олени рога и золотые, похожие на лосиные, прозрачные кораллы, похожие на пальцы и полосатые, словно тигры, веера, искривленные сферы похожих на мозг кораллов, устилающие дно листы королевских подвязок и ещё множество разных кораллов, которые даже Танетоа затруднился бы назвать. Среди этих кораллов прятались анемоны с сотней щупальцев, скрытные рыбы-клоуны, губки различных форм и размеров – одним словом – изобилие различных существ, которые выглядели больше как растения, нежели животные.

Танетоа проплыл в считанных дюймах над кораллами. Наконец он начал чувствовать биение морских волн, переваливающихся через риф. Он проплыл по узкому извивающемуся каналу. Кораллы на его пути уплотнялись, становясь твердой массой, поднимающейся к поверхности и формируя плоскость из мертвых кораллов, служащую лагуне волнорезом. Это была не парадная часть рифа, но она кишела крабами, морскими звёздами и морскими огурами.

Танетоа добрался до конца канала и выбрался в открытое море. Боевые корабли стояли на якоре менее чем в двухстах ярдах. Когда он приблизился, звук колоколов и крики стали ещё громче. Он пытался успокоить себя тем, что они его боялись, но он также понимал, что именно страх и будет направлять снаряды их баллист.

Танетоа подплыл к самому большому из кораблей, остановившись в двадцати ярдах от его правого борта, чтобы моряки не приняли его появление за угрозу.

- Эхей, маленький народец! – он помахал рукой, что вызвало оживлённое перешёптывание среди людей и зарядку нескольких дюжин гарпунов. Танетоа нахмурился при виде оружия. – Вам нет нужды бояться. Я пришёл с миром.

Бородатый мужчина в белом тюрбане вышел вперёд и остановился между двумя гарпунщиками:

- Значит ты назовёшься?

- Назовусь?

- На чьей ты стороне? – мужчина подозрительно сузил глаза и сделал знак людям у баллисты быть наготове. – В войне. Ты ведь наверняка знаешь о войне?

- Я слышал как киты пели о ней, - ответил Танетоа, - но это не моя война.

- Ну разумеется твоя, - парировал мужчина. – Мы все воюем. А теперь скажи, на чьей ты стороне?

Танетоа обдумал услышанное и пожал плечами:

- А какие есть стороны?

Мужчина нахмурился:

- Ты смеешь насмехаться над офицером калефского флота?

Танетоа начал извиняться, затем вспомнил, что он гигант и сжал зубы. Он оттолкнулся ото дна поднимаясь достаточно высоко, чтобы из воды выступили его могучая грудь и плечи.

- Ты говоришь о Калефе Нажрона?

Офицер побледнел и не смог удержаться от того, чтобы сделать шаг назад.

- Именно о нём, одари его Всевышний всеми благословениями.

- И за что же борется ваш калеф?

- За честь и правосудие, разумеется, - ответил офицер.

- За честь и правосудие, значит, - повторил Танетоа, пытаюсь замаскировать своё недоверие. Он слышал, как киты пели об этом Калефе Нажрона и знал его как черного стража Цирика, который ни секунды не колеблясь, сбрасывал в море отходы своего города. – Действительно?

- Без сомнений, - ответил офицер.

Принимая во внимание корабли и баллисты, Танетоа счёл, что дипломатический ответ будет наилучшим выбором:

- Я всегда любил правосудие и честь.

Офицер улыбнулся, демонстрируя большой золотой зуб и дружелюбно распахнул свои руки:

- В таком случае, мы союзники.

- Если ты на стороне правосудия и чести, - осторожно ответил Танетоа, коснувшись рукой своей груди, - то я Танетоа с Рифа.

Толпа у леера расступилась и вперёд выступил ещё один мужчина, уже в золотом тюрбане. Как и первый, он был обладателем большой чёрной бороды, но лицо его было более строгим, с соколиными чертами.

- А я эмир Бахал ин Надир – адмирал флота Калефа. Униженная украшениями рука человека в золотом тюрбане сделала жест и гарпунщики опустили оружие. – Я здесь, чтобы занять твой остров во имя Калефа.

- Занять его? – Танетоа с недоумением посмотрел на восемь карраков, пытаюсь представить, сколько там сотен людей. – Да ведь там мы с женой едва помещаемся.

- Мы привезли припасы, - сказал эмир.

Танетоа посмотрел на перегруженные корабли, пытаюсь представить как люди будут перетаскивать тонны бочек и сундуков через извилистый канал лагуны. Будут несчастные случаи. А даже если и нет, то само их присутствие отравит риф. Танетоа энергично потряс головой.

- Нет, это навредит рифу.

- Рифу? – очевидно сбитый с толку эмир нахмурился. – Да какая разница? Мы на войне!

- Это Кристальный Риф, - объяснил Танетоа. – В Сияющем Море таких больше нет.

Эмир не выглядел убеждённым:

- И что с того?

- Его гибель будет огромной потерей для мира, - строго сказал Танетоа. – Я поклялся защищать его.

Широкая улыбка эмира удивила его.

- В таком случае ты должен быть рад, что мы прибыли. Калеф нас за этим сюда и послал – защитить его остров.

- Защитить от чего?

- От Врага из Глубин, разумеется, - повторил эмир. – Сахуагины и их союзники уже совершили набеги на Глубоководье, Врата Балдура и многие другие места на побережье мечей.

- Но Глубоководье и Врата Балдура – богатые места, - сказал Танетоа, - так мне сказали киты.

Брови эмира поднялись:

-Тебе сказали *киты*?

- Мы поём друг другу, - объяснил Танетоа. – Они говорят, что сахуагины похищают сокровища людей.

- Это киты верно заметили, - эмир и капитан обменялись многозначительными взглядами. – Что ещё они тебе рассказали?

- Только то, что война распространяется, - сказал Танетоа. – Но что сахуагинам может понадобится на моём острове? В других местах есть вещи, которые можно украсть, а мой остров слишком беден даже для того, чтобы ему дали имя. Я могу взять вас на берег и вы сами убедитесь, что там нечего брать.

Казалось, что офицер сдерживает эмира. Тот нервно взглянул на своих офицеров, затем потряс головой.

- Бедность твоего острова нас не касается. Калеф приказал мне защитить его.

- Да, так вы и сказали. Но зачем?

- Не в моих полномочиях ставить под сомнение мудрость калефа, - сказал эмир. – Достаточно того, что он дал приказ. Мы сойдём на берег со следующим приливом. Приготовь нам место.

- А если я не подготовлю? – спросил Танетоа.

- Как у союзника калефа, у тебя нет выбора.

Эмир бросил взгляд на баллисту, всё ещё направленную на гиганта.

- Война заставляет всех нас чем-то пожертвовать.

Танетоа, сделав три могучих гребка, проплыл, вперёд покрывая оставшиеся двадцать ярдов до корабля. Расчёты баллисты чертыхнулись и поспешили привести свои орудия в боевую готовность, однако, Танетоа сделал вид, что не заметил этого. Он схватился за планшир и подтянулся вверх, чтобы взглянуть в лицо эмиру. Корабль сильно накренился в его сторону, заставив горстку моряков повалиться на палубу и роняя несколько тюков в трюме, которые глухо стукнули по обшивке.

Эмир испуганно втянул воздух и отступил, выталкивая перед собой дюжину гарпунщиков.

Танетоа не обратил на воинов внимания:

- Мы ещё потолкуем перед приливом, но предупреждаю: не пересекайте риф без моего согласия. Скалы очень острые, а запах крови привлечёт множество голодных акул.

Лицо эмира перестало быть белым как полотно и он оправил своё одеяние.

- Разумеется. Калеф благодарит тебя за совет.

- Пусть обращается.

Танетоа быстро отпустил палубу, нарочно заставляя корабль сильно качнуться в противоположную сторону, затем исчез под волнами, нырнув ко дну. Он не боялся гарпунщиков; он просто хотел, чтобы эмир знал, что он мог неожиданно возникнуть из глубин и атаковать. Держась на глубине, он доплыл до светящейся скалообразной стены морского рифа, а потом медленно поплыл вверх, к узкому каналу, ведущему в лагуну.

Когда Танетоа достиг поверхности, он был весьма удивлён увидеть длинную вереницу жёлтых фигур, входящих в проход. Сначала он принял их за косяк желтобрюхих люцианов, вторгшихся в лагуну в погоне за сытной трапезой, но уже очень скоро отмёл эту мысль. Фигуры были намного больше, чем среднестатистические люцианы, приближаясь размерами скорее к людям. Более того, у них были перепончатые ноги вместо хвостов, а вместо грудных плавников длинные тонкие руки, в которых они держали разнообразные трезубцы, арбалеты и изогнутые морские мечи.

Когда существа заметили Танетоа, большое их скопление отделилось от главной группы и поплыло ему навстречу. Их физиономии походили на морду трески: у них были большие губы, глубоко посаженные стеклянные глаза и пара тактильных щупалец под подбородком. Это были локатахи – раса кочующих рыбо-людей, которые иногда охотились около рифа, в поисках огромных морских окуней или косяков красных щучек. Однако, прежде, они никогда не приходили в таких количествах.

Танетоа остановился в двадцати футах от поверхности и завис рядом с рифом, напротив красивой губки в виде слоновьего уха. Локатахи окружили его и начали делать жесты руками и ручными плавниками, говоря с ними на общем Подводном – довольно сложном языке символов, который позволял существам разных способностей к произношению общаться, если возникала такая необходимость.

- Приветствуем тебя, Хозяин Рифа, - сказал локатах. – Ты голоден?

Танетоа растопырил свои перепончатые пальцы и жестами показал свой ответ:

- Я кормился, - был его ответ. В мире, большая часть которого делилась на хищников и жертв, такой диалог носил этикетный характер и мог интерпретироваться как «Я пришёл с миром». – Приветствую, вас, Морские Бродяги. Вас много. Боюсь риф столько не прокормит.

- Мы прибыли не для охоты, - ответил локатах. – Эадро послал нас, чтобы защитить твой остров от Врага с Поверхности.

- Я говорил с Врагом с Поверхности, - ответил Танетоа. – Они говорят, что пришли, чтобы защитить остров от Врага из Глубин.

Стеклянные глаза локатаха расширились. Существо посмотрело в сторону кораблей и указало в их сторону:

- Значит, ты охотишься для них?

- Я вообще не охочусь.

- Не может быть, - ответил локатах. – Это война. Мы все должны охотиться.

- Нет, - вздохнул Танетоа, мотая головой. – Большая охота навредит рифу. У людей есть магия и огонь, который горит в воде.

- Я не боюсь, - уверил его локатах. – С нами благословение Эадро и мы здесь, чтобы защитить остров.

- Я не хочу, чтобы вы защищали остров, - возразил Танетоа. – Здесь нечего защищать. Всё, что вы можете – это разрушать.

- Такова воля Эадро, - ответил локатах.

- Но зачем? – Танетоа позволил гнуву отразиться в его жестов. – Что с того, что люди высадутся на моём острове.

- Их много, - жестами показал локатах. – Они отравят риф.

- А битва его уничтожит, - сказал Танетоа. – Если Эадро есть дело до рифа, то вы уйдёте и дадите мне самому разобраться с людьми.

- Я не говорил, что Эадро есть дело до рифа, - сказал локатах. – Я сказал только, что люди его отравят, как они отравляют всю воду, с которой соприкасаются. До чего Эадро есть дело – это до Врага с Поверхности. Если им нужен остров, то Эадро не хочет, чтобы они его получили.

- А если они уйдут? - спросил Танетоа.

- Тогда не будет никакой нужды защищать остров. Ты можешь заставить Врага с Поверхности уйти? – в жестах локатаха читался намёк, что ему этого хотелось также сильно как Танетоа.

- Я попробую.

Танетоа всплыл на поверхность и сделал глубокий вдох. Он немного задержался, чтобы взглянуть на корабли. Они были в каких-то двухстах ярдах – достаточно близко, чтобы дозорные в вороньих гнёздах, будь солнце чуть выше, могли заметить как локатахи просачиваются в канал. Но положение светила было таким, что бросаемый им на воду блик мешал обозревать глубины, и, пожалуй, это было единственной причиной, по которой эмир всё ещё не приказал своим людям грузиться в скифы.

Маленькая фигурка на носу корабля эмира помахала Танетоа. Жест казался нервным, и Танетоа осмелился надеяться, что люди вняли небольшой демонстрации силы, которую он устроил. Гигант помахал в ответ и нырнул, устремляясь в канал вслед за огромным скоплением локатахов, направляющихся в его лагуну.

Кани ждала его на берегу и когда Танетоа подплыл к ней, сердце его kloкотало от страха и злость. До прилива оставалось всего несколько часов и мысль о том, во что грядущая битва может превратить его риф, была невыносима. Неуклюжие лодки будут снова вокруг, ломая верхушки кораллов, а волшебники будут метать молнии и магические лучи в локатахов, что скрываются в глубоко под водой. Шрапнель разнесёт красивейшие сверкающие колонии на тысячи светящихся осколков, а если и нет, то они просто погибнут от шока. Взрывные волны погубят обитающих здесь рыб и они косяками будут всплывать на поверхность. Губки взорвутся, а анемоны увянут и это будет далеко не конец разрушений. Локатахи перевернут лодки, превращая лагуну в бурлящую массу свистящих мечей и разящих трезубцев, уничтожающих целые колонии шипастых кораллов. Вода побагровеет от крови и плавающих в ней внутренностей, привлекая акул, которые, подстёгиваемые вечно-безумным голодом, устремятся напролом, через эти хрупкие подводные сады, что может причинить больше ущерба, чем сама битва.

Риф не будет уничтожен и Танетоа собирался не допустить этого. Он должен был убедить людей уйти, но как?

Когда Танетоа приблизился к берегу, Кани вышла ему навстречу:

- Ты говорил с локатахами?

Танетоа встал и кивнул:

- Они пришли, чтобы защитить остров.

Взгляд Кани тут же стрельнул в сторону кораблей, но она ничего не сказала.

- Люди намерены занять остров для обороны, - мрачно сказал Танетоа.

Кани нахмурилась:

- Они будут сражаться за *этот* остров? – она покачала потрясла головой не в силах скрыть изумления. – Но почему?

Танетоа пожал плечами:

- Так им приказал их калеф.

Кани недолго обдумала это и сказала:

- Здесь должна быть какая-то другая причина. Скажи мне, что они тебе наплели?

Танетоа, не скупясь на детали, передал ей весь разговор, начиная с «выбора стороны» и заканчивая предостережения Танетоа от высадки без его согласия. Кани внимательно слушала, только пару раз задав уточняющие вопросы. Один из них касался реакции эмира на тот факт, что Танетоа мог общаться с китами с помощью пения, а второй того момента, когда человек, не пожелав отправиться на берег в одиночку.

Когда Танетоа закончил, Кани снова задумалась, затем сказала:

- Чего бы не хотел его хозяин, эмир боится, что мы этого не позволим. Вот почему он боится показаться здесь без своих солдат.

Глаза Танетоа расширились:

- Думаешь, он хочет нас атаковать?

- Да, если мы не дадим ему то, что ему нужно.

- Но как же мы можем? – Танетоа был настолько раздосадован, что его голос прозвучал, как раскат грома. – Ведь он не говорит нам, что именно!

Кани лишь беспомощно развела руками:

- Мы узнаем об этом с приливом.

Какое-то время, Танетоа хранил молчание, затем потряс головой:

- Нет не узнаем. Локатахи атакуют лодки до того, как они пристанут к берегу. – Он посмотрел на стоящий на рейде флот. – Я должен не дать людям прийти сюда.

- Но как?

- Не знаю. Может я смогу потопить их корабли.

Кани побледнела:

- Танетоа, может, я и не люблю твой остров, но я люблю тебя. Атаковать их слишком опасно.

- Я могу сделать это из-под воды, - пояснил гигант. – Если я возьму острый валун...

- Допустим, ты потопишь два или три корабля, но думаешь их волшебники будут ждать сложа руки? Если бы уничтожение целого флота было такой простой задачей, думаю Враг из Глубин вообще не дал бы людям даже сунуться в воду.

- Я могу попросить локатахов о помощи.

Кани закатила глаза:

- И как это поможет рифу? Если лишить их кораблей, им будет некуда податься, кроме как на наш остров. – Она замолкла и взяла Танетоа за руку. – Есть другие рифы, Танетоа, на более больших островах, где достаточно древесины, чтобы построить настоящих дом и с полными жемчугом залежами моллюсков.

Танетоа отдернул руку:

- Кристальный Риф единственный в своём роде. Такие кораллы как здесь более нигде не растут. Если это не достаточная роскошь для тебя...

- Более, чем достаточная, пока мы вместе, - сказала Кани, - но без тебя вся эта красота пуста.

Танетоа тут же устыдился своего тона. Все сёстры Кани жили на более больших островах, в огромных особняках, уставленных изысканной мебелью и заваленных бесценными сокровищами. Около двенадцати декад Кани жила с ним на его острове в состоянии близком к нищете. Даже тот простой факт, что она осталась с ним, был уже достаточным доказательством её верности.

Танетоа взял руку своей жены:

- Прости мне эту грубость. Просто не ты давала клятву защитить этот риф. Я иногда и сам не знаю, почему ты всё таки решила остаться со мной.

- Я осталась, потому что люблю тебя и потому, что ты как раз из тех, кто будет защищать остров на котором даже нет жемчуга, - Кани сжала его руку. - Кроме того, этот риф - самый красивый в Сияющем Море. Даже мои сёстры так говорят.

Танетоа в изумлении поднял бровь, ибо ни разу он не слышал, чтобы они считали красивым что-то, кроме их собственных особняков.

- Действительно?

- Думаешь, я стала бы врать своему мужу? - игривый тон Кани сменился серьёзным. - Я не хочу потерять тебя в этой войне. Обещай мне, что если ты не сможешь убедить людей убраться восвояси, то ты не свалиешь дурака и не станешь их атаковать.

- Но я должен защитить риф.

- Если ты умрёшь, то точно не сможешь его защитить, - сказала Кани. - Обещай мне и я скажу тебе, как предотвратить эту битву.

Бровь Танетоа снова изогнулась:

- Скажешь? Ну тогда, что ж, обещаю.

Кани улыбнулась:

- Ты должен отдать им свой китовый горн.

- Мой китовый горн? - Китовый горн был единственным сокровищем, которым мог похвастаться риф. Пропитанная магией раковина, позволявшая ему петь с китами. - Почему ты думаешь, что это их удовлетворит?

- Разве альянс с китами не пойдёт людям на пользу? - спросила Кани. - Ты сам сказал, что эмир и его офицер обменялись взглядами, когда ты упомянул о пении с китами. Может горн - это единственная причина, по которой они пришли.

- Ну разумеется, - ответил Танетоа, почувствовав надежду. - Но если им нужен был горн, почему они так и не сказали?

- Потому, что люди хитрые и жадные, - ответила Кани. - Они боялись, что ты откажешься отдать им его и спрячешь там, куда они не смогут добраться. Возможно, они думают, что более надёжно высадиться и украсть его до того, как ты поймёшь, что им нужно.

Танетоа кивнул:

- Это похоже на эмира. - Он уже направился к хижине, чтобы взять горн, но резко остановился. - А как же локатахи? Если людям нужен горн, локатахи не захотят, чтобы они его получили.

Кани обдумала это и указала Танетоа на лагуну:

- Выплывай в море. Я переброшу горн через риф и ты сможешь доставить его на корабли прежде, чем локатахи до тебя доберутся.

Танетоа посмотрел на риф. Как и все гиганты, рифовые гиганты могли швырять булыжники на огромные расстояния. Дистанция броска могла достигать более трехсот ярдов. До дальней стороны рифа было всего двести и, для Кани, такой бросок не должен был стать проблемой.

- Подожди, пока я не помашу, - сказал он. – Если бросишь его до того, как я буду готов, мне придётся за ним нырять и тогда локатахи могут меня догнать.

- Я подожду, - Кани поцеловала его и повернулась, чтобы выйти на берег. – Помни своё обещание.

- Я буду помнить.

Танетоа вошёл в лагуну и снова заплыл в канал, куда из открытого моря продолжали прибывать локатахи. Когда он выплыл из прохода, несколько существ под ним остановились и одно приветственно ему помахало.

- Приветствую, Хозяин Рифа. Ты идёшь к людям?

Танетоа нырнул глубже, чтобы скрыть беседу от глаз людей.

- Да, - ответил он. Он не мог сказать, были ли это те локатахи, с которыми он говорил прежде, ибо для него они выглядели одинаково. – Я иду, чтобы заставить их уйти.

- Как тебе это удастся? Люди – тупые существа, которые никогда не слушают доводов.

- Точнее не сказать, - согласился Танетоа, - но я – гигант.

- Ты запугаешь их?

- Если придётся, - сказал Танетоа со вздохом.

- Даже гиганту не устоять против такого количества, - сказал локатах. – Мы поплывём за тобой.

Танетоа покачал головой:

- Нет. Если люди не уплывут, вы сможете убить больше, если атакуете неожиданно.

Локатах обдумал сказанное, затем шлёпнул губами, что можно было приравнять к жесту согласия:

- Да прибудет с тобой мудрость Эадро. Мы приготовимся к охоте. Так кормись же до сыта и не будь съеден.

Эта фраза локатаха была традиционным пожеланием кому-то, кто затеял рискованное предприятие. Танетоа ответил менее помпезным пожеланием:

- Попутных вам течений.

Оставив локатахов болтаться в воде, Танетоа вернулся к поверхности и проплыл пятьдесят ярдов, отделявшие его от кораблей. Когда он снова повернулся к своему острову, то увидел, что Кани стояла глубоко в лагуне, держа на плече гигантскую раковину. На поверхности этого красивого предмета были пурпурные полосы и он был настолько велик, что Кани не могла его обхватить даже двумя руками.

Танетоа махнул рукой. Кани размахнулась и бросила раковину. Пролетев над рифом десять ярдов она описала дугу в воздухе и шлёпнулась в воду в нескольких метрах от Танетоа. Великан подплыл к раковине, подхватив её как раз тогда,

когда из неё почти вышел последний воздух. Схватив предмет, он погрузил голову в воду, посмотрел назад, в сторону канала.

Локатахи всё прибывали, хотя небольшая группа всё ещё оставалась у входа. Их стеклянные глаза были устремлены на него, но не казалось, что вид раковины в его руках вызывал у них какое-то беспокойство. Танетоа не знал, воспринять ли это как хороший знак или как повод для ещё большего беспокойства. Остаток пути до кораблей он проплыл по поверхности.

Люди уже начинали подготовку к высадке: на волнах покачивалось несколько лодок, которые они уже начали загружать. Как и прежде, корабельные баллисты были направлены на приближающегося великана, но в этот раз эмир показался сразу, как только Танетоа достиг самого крупного каррака.

- Приветствую, Танетоа! – сказал эмир. – Не ожидал, что ты вернёшься так скоро.

- Я пришёл с подарком для калефа, - сказав это, Танетоа продемонстрировал раковину.

- В самом деле? – эмир мельком взглянул на подношение, изобразил безразличие и снова посмотрел на великана. – Значит, ты решил внимательно отнестись к своим обязанностям союзника?

- Отказываясь от сотрудничества я ничего не добьюсь, - Танетоа аккуратно схватился за планшир в середине корабля, немного подтянулся кверху и положил раковину на палубу. – Это китовый горн.

Эмир и другие люди не казались очень уж впечатлёнными:

- Китовый горн?

Так ты можешь петь с китами, - объяснил Танетоа.

Эта фраза спровоцировала взрыв хохота среди экипажа, да и сам эмир не смог полностью удержать свои губы от растягивания в ехидную ухмылку:

- Я убеждён, что благодарность калефа не будет знать границ. Он часто говорил мне, что ему страсть как хочется услышать китовый хор.

- Теперь вам незачем оставаться, - всё ещё держась за планшир, Танетоа поднял голову, чтобы видеть лицо эмира. – Я покажу тебе, как в него дуть и ты можешь отправляться.

Эмир нахмурился:

- Отправляться? Я думал, я ясно выразился. Единственное место, куда мы собираемся отправиться – это на твой остров.

Танетоа в свою очередь тоже нахмурился:

- Зачем это? У тебя теперь китовый горн. У нас больше нет ничего ценного.

- Может и нет. Хотя, ты сказал нам то же самое прежде, чем принести нам этот... эм... чудесный горн.

- Я сказал так только потому, что не осознавал, что вам нужно, - объяснил Танетоа. – Больше у нас ничего нет.

- Ну раз ты так говоришь, - ответил эмир, елеяно улыбнувшись.

- Это правда! – пророкотал Танетоа. – Вы получили то, зачем пришли, теперь вы должны уйти!

Вид разгневанного великана заставил команду отпрянуть.

Эмир нервно глянул на ближайшую баллисту и сузив глаза поднял руку:

- Кроме соблюдения приказов калефа, нет ничего, что я должен *делать*. Калеф благодарит тебя за подарок, но я всё же должен защитить твой остров.

Сердце Танетоа ёкнуло:

- Значит, он послал тебя не за горном?

- Причины, по которым калеф принимает то или иное решение – не твоего ума дело, - сказал эмир. – Тебе достаточно того, что ты знаешь его волю.

Танетоа потряс головой:

- Но с помощью китового горна вы можете петь с китами. Вы можете попросить их сражаться с вами против Врага из Глубин.

- Даже если так, это ничего не меняет. С приливом мы высадимся и ты нам поможешь.

Танетоа почувствовал дурноту. Он плавно отпустил планшир, позволяя кораблю снова выровняться, и погрузился в воду. Что-бы ни являлось истинной целью этого флота, это точно был не китовый горн. Значит быть битве.

Танетоа сделал два гребка к лагуне, затем обернулся и посмотрел на эмира:

- Нет, вы не высадитесь. Если вы попробуете, то ввяжетесь в ужасную битву с локатахами.

- Локатахами? – задохнулся эмир. Экипаж бросился глядеть в воду и вдоль бортов снова появились гарпунщики. – Локатахи уже здесь?

- Они уже в лагуне, - ответил Танетоа, несколько ободрённый тревогой эмира. Может быть если он решит, что они в меньшинстве, то люди уберутся восвояси. – Их там тысячи и они хотят защитить остров от тебя.

- И ты допустил это? – на лицо эмира набежала туча. – Ты с ними в сговоре!

- Нет, но я...

- Предатель!

Эмир резко отпустил руку и над водой пронеслись несколько гудящих снарядов. Танетоа нырнул под воду и увидел, как гигантские гарпуны чертят полосы в море вокруг. Он нырнул на дно, но одна нога у него онемела. Когда он попытался ей грести, то обнаружил, что за ним что-то тянется. Он опустошил свои лёгкие, чтобы полная грудь воздуха не увлекала его на поверхность, расправил свои перепончатые пальцы и устремился на дно.

Гигант почувствовал режущую боль в ноге, за которой последовала резкая остановка. Оглянувшись, он увидел зазубренный крюк, который оттянул кожу у него на бедре. За ним тянулась тёмная полоса натянутой гарпунной верёвки. Он почувствовал, как люди, на другом конце шнура, тянут его к поверхности.

Танетоа сделал один гребок в сторону поверхности, схватился за толстую верёвку и с силой дёрнул. Верёвка ослабла, а затем в воду рухнуло что-то тяжёлое. Когда круги на воде немного разошлись, гигант различил крестообразный силуэт деревянной баллисты, дрейфующей у другого конца гарпуна.

Волшебники людей начали бросать свои заклинания и море забурило от трещащих вспышек и оглушительных взрывов. Сознание Танетоа потонуло в урагане этих ослепляющих огней, его контузило. Мышцы его расслабились и он почувствовал, что всплывает к поверхности. Он потряс головой и начал отчаянно грести руками, медленно погружаясь в глубины – подальше от кораблей.

Через дюжину гребков он достиг конца гарпунной верёвки и почувствовал, как тащит за собой баллисту. Он достал из ножен на лодыжке нож и повернулся, чтобы перерезать её. Ряд ручных гарпунов устремился ко дну и великан увидел продолговатые силуэты четырёх лодок, следующих за тяжёлой баллистой. Так и не перерезав верёвку, Танетоа развернулся и поплыл к своему рифу. Люди были ещё не настолько близко чтобы их маленькие гарпуны могли его достать, но если он замешкается, чтобы перерезать эту толстую верёвку, то у них получится.

С лодок больше не бросали заклинаний, но Танетоа начинал уставать и у него кончился воздух. Он всплыл, чтобы сделать вдох и был вознаграждён уколом гарпуна, погрузившегося в его плечо. Он набрал полные лёгкие воздуха и снова нырнул, но новый гарпун не пустил его дальше, чем на тридцать футов. Риф уже был не далеко. Надеясь выиграть какое-то время в узком проходе канала, он повернулся к его входу, но потом вспомнил про локатахов и осознал что случится, если он заведёт людей в их гущу. Надеясь, что Кани увидит, поймёт, что происходит и начнёт швырять камни, он поплыл вдоль рифа, прочь от канала.

Ещё один гарпун угодил Танетоа в спину, добавляя ещё одну лодку к нему в упряжь и его скорость замедлилась до чуть ли не черепашей. Он слышал, что киты пели о «смерти в упряжке» и знал, что его ждёт, если он не перережет верёвки. Лодки приближались и, сменив направление, Танетоа нырнул вниз. Ещё один залп гарпунов прорезал море и он почувствовал, что из его спины торчат ещё два древка. Он видел вспышку заклинания, но его уши всё ещё звенели от предыдущего, так что он едва почувствовал контузию от него.

Наконец все верёвки, тянущиеся из спины к лодкам наверху Танетоа, выпрямились. Он вставил свой кинжал в ножны, схватился за них руками и поплыл на поверхность, скручивая их по мере продвижения вместе. Лодки повернулись одна к другой и поплыли нос к носу, формируя над головой гиганта маленькую тугую звезду. Заряд молнии и залп гарпунов пробил толщу воды, но из-за лодок, которые теперь прикрывали его словно зонт, все они были далеки от цели. Моряки похватили вёсла и попытались грести, но между судами было слишком мало места. Люди в панике начали перерубать верёвки.

Было слишком поздно. Танетоа подплыл к лодкам и начал топить их, утягивая какие-то из них под воду, и разбивая кулаком другие. Люди в панике прыгали за борт. Они погружались, выбрасывая свои тяжёлые мечи и отстёгивая нагрудники, которые тащили их ко дну. Танетоа не стал их преследовать, удовлетворившись тем, что достал нож и освободил себя от верёвок.

Локатахи же были настроены менее гуманно. Слово поток серебряных чешуй промелькнули они мимо гиганта, нападая на людей снизу и вскрывая их от паха до шей. Вода помутилась от крови и до ушей Танетоа слабо донеслись захлёбывающиеся предсмертные крики. Он отрезал верёвку, тянущуюся к тяжёлой баллисте, затем попытался вынуть гарпун, но преуспел лишь в том, что вонзил зазубренный снаряд глубже.

Перед ним показался локатах:

- Хозяину Рифа нужна помощь?

Когда Танетоа кивнул, локатах вынул кинжал, разрезал плоть над зазубринами, вынул гарпун и бросил его, предоставив снаряду погрузиться на дно.

- Спасибо, - выдохнул Танетоа.

- Не время для благодарностей.

Локатах показал в сторону флота людей, от которого отделилось ещё двадцать лодок. На палубе каждой было по волшебнику; на их пальцах уже потрескивали заклинания. Позади каждого волшебника стояла дюжина матросов, вооружённая разно образными трезубцами, арбалетами и гарпунами.

- Нужно вернуться в лагуну, - сказал локатах.

Танетоа чуть ли не впал в отчаяние, когда над его головой пролетел булыжник и врезался в борт первого корабля. Он оглянулся и увидел как Кани, стоя на коленях, подбирала ещё один булыжник с линии прилива. Великан осознал, что его жена сделала ставку на единственный способ, отстоять риф. Если людям и локатахам так уж нужно было схлестнуться, они могли это сделать в открытом море.

Танетоа повернулся обратно к локатаху:

- Вы не можете вернуться в лагуну. Это как раз то, чего хотят от вас люди.

- Почему?

- Потому, что тогда вы будете в западне, - нашёлся с ответом Танетоа. Боль от ран мешала ему быстро соображать, так, что он надеялся, что это прозвучало убедительно. – Мы убьём больше на открытой воде.

Не дождавшись ответа локатах, Танетоа поплыл к надвигающимся лодкам. Ещё один булыжник пролетел над его головой. Этот упал в воду между двух лодок, не причинив им вреда, но поднявшаяся от этого волна выбила одного из волшебников за борт. Лодка остановилась, чтобы выловить его из моря.

Танетоа соединился с главной группировкой локатахов. Несмотря на то, что вода была красной от человеческой крови, многие рыбо-люди разворачивались, чтобы плыть в сторону канала. Он поднял руки, призывая их остановиться.

- Гиганты потопят человеческие лодки, - он показал на себя, затем на Кани. – Локатахи будут охотиться на людей.

Ещё один булыжник описал в воздухе дугу, начисто отломив нос очередной лодки. Пара людей выпала за борт и звала на помощь.

Локатахи какое-то время обдумывали увиденное, затем один из них прожестикнул:

- Кормись же до сыта и не будь съеден.

- Да наполнится твой желудок множество раз, - ответил Танетоа.

Он повернулся и, игнорируя боль, глубоко нырнул, плывя к лодкам. Локатахи следовали за ним и число их прирастало. Прошло не так уж много времени, прежде, чем они увидели над собой их рассекающие воду кили. Дно одного из судёнышек исчезло, разбитое в щепки очередным булыжником. С полдюжины людей внезапно оказались в воде, отчаянно торопясь отстегнуть свою, тянущую их ко дну, броню.

Когда локатахи устремились наверх, чтобы прикончить людей, их приветствовала какофония взрывов. Дюжина рыбо-людей побросали оружие и схватились за уши, настигнутые контузией от ударной волны. Такое же число просто обмякло и их недвижимые тела начали подниматься к поверхности. Те, кто выжил, облепили моряков, которых ещё не успели выудить, наполняя море кровью. Сверху посыпались гарпуны и арбалетные болты, пробивая туловища и головы локатахов. Через несколько мгновений, вода превратилась в непроницаемый красный туман.

Танетоа заплыл под лодку и кулаком пробил дюжину отверстий в её дне, затем сделал рывок наверх и утянул в воду ещё одну. Когда локатахи ринулись в атаку на упавших в море, вода тут же стала гуще красной пены. Один из людей схватился за маленький гарпун, всё ещё торчащий из спины Танетоа и стал мечом рубить его ключицу. Гигант нырнул под воду, где локатахи выручили его, в момент перерезав ему глотку. Серебряная лента молнии прорвалась через водную толщу и прожгла прожгла в груди его спасителя дыру, размером с его голову.

Танетоа резко всплыл и опрокинул лодку с атаковавшим его волшебником. Лодка ушла под воду так быстро, что люди не успели сделать и вдох и забултыхались в море, словно игра из нерестящегося окуня. Кани продолжала безостановочно поливать недруга булыжниками. Её снаряды проламывали борта и сшибали планширы, а время между её бросками постепенно сокращалось. Танетоа, к своему неудовольствию, отметил, что всё батальное полотно медленно смещается к приграничным рифам, но людская флотилия быстро шла ко дну и их атака ощутимо захлёбывалась.

А потом пришли акулы.

Поначалу их было несколько. Они сновали в побагровевшей воде, хватая зубами и разрывая всё, до чего могли дотянуться. Битва продолжалась до тех пор, пока на плаву не осталось лишь три лодки, чьи команды бросились отчаянно грести в сторону приграничного рифа. Танетоа поймал одну из них, начисто вырвав ей транец. Большая тигровая акула настигла тонущее судёнышко и погнала её обитателей прямо в руки поджидавших локатахов. Броском специально подобранного для этой цели булыжника, Кани разбила пополам ещё одно.

Число акул быстро превысило число участников сражения. Они всплывали снизу, чтобы откусить руку или ногу тонущим морякам, либо незаметно подбирались сзади, чтобы перекусить ничего не подозревающего локатаха пополам. Огромная акула мако атаквала Танетоа, вырвав из его бедра большой кусок плоти прежде, чем он успел выхватить кинжал. Те немногочисленные локатахи, что ещё были способны двигаться, нырнули на глубину и спасали свои жизни. Люди же просто-напросто умирали прежде, чем успевали расстегнуть нагрудники, а иногда даже раньше, чем выпустить из рук оружие. Потрёпанная уцелевшая лодка торопилась к рифу, демонстрируя всю прыть, на которую только были способны двенадцать мужчин с двумя вёслами.

Судёнышко было всё ещё в двадцати ярдах от берега, когда Кани проломила булыжником её правый борт. Лодка начала набирать воду и замедлилась до скорости улитки. Воины избавились от своих нагрудников и попрыгали в воду, отчаянно перебирая руками и ногами в надежде избежать акульих пастей. Даже самый быстрый из них не успел сделать более трёх гребков, когда большая акула-молот схватила его за ногу и утянула в пучину.

Но их волшебник не был столь глуп. Он остался стоять на носу, с ненавистью глядя на Кани, крича что-то на каком-то магическом языке и сплетая пальцами заклинание.

- Нет! – крикнул Танетоа и устремился к тонущей лодке, но ему помешала обезумевшая черноносая акула, вцепившаяся ему в стопу. – Кани, пригнись!

Глаза Кани расширились и она кинулась навзничь. Из пальцев волшебника вырвалась дюжина магических стрел. Залп угодил ей в затылок и сбросил в воды лагуны.

Танетоа, пинаясь, освободился от акулы и набросился на тонущую лодку. Он схватил волшебника сзади, стащил с носа и проревел:

- Зачем?

- Это война, - прошипел волшебник. Его глаза горели ненавистью, а пальцы сплетали очередное заклинание. – На войнах люди умирают... гиганты тоже.

- Как и волшебники.

Танетоа бросил волшебника акулам и проплыл оставшиеся несколько ярдов до рифа. Когда он вскарабкался на отмель, в его ноздри ударил запах солёной воды и крови, а вокруг рокотали волны, гремящие обломками разбитых лодок.

- Кани!

- Тан... Тане...

Её исполненный боли голос был слишком слаб, чтобы даже до конца произнести его имя. Танетоа бросился через отмель и увидел свою жену, безвольно плавающую в водах лагуны, окружённую клубящимся облаком алой крови. Её глаза были открыты, а остекленевший, без эмоциональный взгляд был устремлён в небо.

- Кани, я здесь!

Танетоа нырнул в воду и подхватил её. Она едва дышала, кожа была холодной, а то место, где снаряды волшебника раздробили её затылок, было мягким.

Она схватила его запястье:

- Твоё обещание, Танетоа. Ты не сдержал его.

- Я... я пытался..., - он понёс жену к берегу. – Но когда ты начала метать булыжники, я понял, что ты нашла способ спасти риф.

- Не риф, Танетоа, - рука Кани разжалась. – Тебя.

Её глаза закрылись, тело обмякло, а дыхание стало слишком слабым, чтобы его ощутить.

- Кани?

Она не ответила ему. Танетоа отнёс её к их хижине и уложил на их ложе из пальмовых листьев. Целый день и до наступления темноты он сидел подле неё, даже не удосужившись посмотреть в окно, чтобы узнать что стало с флотом эмира и ни разу не подумав о рифе, который она спасла. Но в морях Торила кипела великая война и боги были глухи к его мольбам. В середине ночи Кани окончательно притихла и Танетоа сидел, рыдая в темноте.

На рассвете он вынес её тело наружу. Флота уже не было и Сияющее Море лежало спокойно, словно гладь зеркала, но на границе сознания Танетоа война оставалась, чем-то нависающим и тёмным, словно маячащий на горизонте ураган. Великан зашёл в лагуну и положил Кани в тёплую воду.

Локатахи выплывали из канала в открытое море, их спины, поймав первые лучи солнца, вспыхивали серебряно-зелёным под водой. Один из них развернулся и отбившись он группы высунул голову из воды, чтобы говорить языком жителей суши.

- Приветствую тебя, Хозяин Рифа, - голос локатаха каким-то образом был одновременно тонким и булькающим. – Твою жену съедят?

- Кани умерла, - сказал Танетоа. Ему было слишком грустно и он был измотан, чтобы обидеться на это предположение локатаха. В конце концов, то, что он сказал, было вполне очевидным последствием смерти для подводных жителей. – Но её не съедят. Я построю для неё гробницу, достойную королев моего народа.

Стеклянные глаза локатаха на какое-то мгновение выразили недоумение, затем он сказал:

- Да благославит Эадру её отвагу. Люди сбежали и это во многом её заслуга.

Танетоа кивнул, услышав похвалу лишь наполовину, а потом посмотрел на чистый горизонт:

- Но зачем они явились? Что им было нужно?

- А что им обычно нужно? – ответил локатах, открыв свои жаберы, словно пожимая плечами. – Никто не знает.

ПАТРУЛЬ Ларри Хоббс

10 й день Флеймрула, Год Рукавицы

Небо было безоблачным и летнее солнце заливало Симбар. Воздух дрожал от жара его лучей, падающих на лицо Риордана. В доках стоял тяжёлый запах гниющей рабы. Пот щипал ему глаза, но он не мог найти время смахнуть его. Мелькнувший перед ним суренарский клинок зацепил его руку и плечо, заставив отшатнуться назад.

Крики, вопли и лязг оружия разносились далеко от того места, где Драконий Дозор сражался с остатками суренарского наступательного отряда. Патруль дозора наткнулся на налётчиков, когда те карабкались вниз по швартовым канатам неряшливого торгового корабля, пришвартованного почти в конце верфи. Часовые оказались в меньшинстве и перебиты, однако им удалось поднять тревогу. Баррак Драконьего Дозора был поблизости и они всем составом устремились на звук колокола. Теперь суренарцы были в меньшинстве и отчаянно сражались, цепляясь за жизнь. А корабль, на котором они прибыли, бросил их и уже шёл в сторону открытого моря, торопясь оказаться в недостижимости симбарских моряков.

По руке Риордана, смешиваясь с потом, стекала кровь, делая рукоятку меча скользкой. Он преследовал врага, загнав его в тупик из коробов и ящиков и теперь каждый из них знал, что нет иного пути к спасению, кроме как через остывающее тело оппонента. Двое других дозорных последовали за ними, но они стояли сзади, не торопясь оказывать ему помощь. Риордан осознал, что они просто ждали, пока он

упадёт замертво, прежде чем войти и прикончить налётчика. Он впервые осознал, что ему было не место среди них.

Мускулы заиграли на татуированной груди суренарца, когда тот взмахнул перед ним своим тяжёлым мечом. Оперённые змеи вившиеся по его рукам и плечам, сказали Риордану о том, что носитель этих изображений был рабом, которого тренировали на бойцовских рингах. Маленькие серебряные черепа, подвешенные к кольцу в ухе суренарца, сообщали Риордану, что он имел дело с ветераном многих сражений. Ему сильно повезёт, если ему удастся остаться в живых.

К его удивлению, суренарец остановился и отступил на шаг, глядя одну руку на бедро и опуская острие своего меча. Он взглянул на дозорного, затем улыбнулся и салютовал Риордану клинком.

- Кажется странным, что товарищи воина не помогают ему, однако поэтому ему следует умереть с честью. Защищайся или я убью тебя на месте.

Один из дозорных рассмеялся и сплюнул:

- Ага, валяйте, ваше бродие. Покажите ему, чему вас научили те холёные мастера фехтования.

«Ваше бродие», - он ненавидел, когда его так называли, однако с тех пор, как другие солдаты прознали о том, что он был сыном дворянина, оно к нему прицепилось. Хвала Богам, они не знали какого именно.

Риордан был взбешён и испуган одновременно. После того, что произошло во время последнего патруля, его собственные товарищи не станут ему помогать. Даже нечего было и надеяться. Глубоко вздохнув, Риордан встал в защитную стойку. Он начал свою атаку в довольно традиционной манере, надеясь, что довольно рутинная стартовая серия сойдёт здоровяка с толку. Суренарец отбил второй удар и они, осыпая друг друга ударами, начали из конца в конец мерить шагами тесную улочку. Ни один из них не мог получить преимущество. Блестящие песчинки, потревоженные шарканьем их ног, взмывали вверх и снова опадали на камни мостовой.

Риордан не был привычен к жаре. После нескольких стремительных серий, его грудь начала высоко вздыматься. Ему не хватало воздуха. Суренарец же выглядел совершенно свежим. Риордан едва ли слышал смешки двух своих зрителей. Его мир сузился, полностью сфокусировавшись на шарканье ног и лязге стали. Суренарец сделал выпад и Риордан увернулся, делая оборонительный укол, зацепив бок противника. Суренарец был вынужден отступить на шаг.

Мужчина приложил руку к ране и в изумлении уставился на кровь между пальцами, затем поднял взгляд, ухмыльнулся и сделал шаг для атаки.

Риордан замедлился, как бы приглашая атакующего взять инициативу. После нескольких, довольно вялых защитных манёвров, он решил, что время пришло. Стиснув рукоять он сделал выпад, целясь вниз, под клинок суренарца, отбивая его оружие в сторону. Его соперник усмехнулся и продолжил движение по заданной Риорданом инерции, пока его меч не вернулся на предыдущую позицию. Риордан отпрянул в последний момент, чтобы избежать контратаки, которая выпотрошила бы его как рыбу.

- Хорошее движение, мальчишка.

Клинок здоровяка мелькая, танцевал перед ним. Подобно змее, он проскользнул под его защиту и вгрызся в его грудную клетку, прочертив кровавую борозду на его рёбрах. Дыхание Риордана перехватило от внезапной жгучей боли. Суринарец пнул его в живот и задохнувшись он рухнул на колени.

Риордан выплюнул песок и откатился в сторону от рубящего удара, который высек искры из камня и чуть не достал до ступней. Один из стражников засмеялся и Риордан бросил взгляд в его сторону. В край его обзора попало движение суренарца и он проклял свою невнимательность. Он поставил блок, поймав клинок соперника и отведя его в сторону и, не думая, нанёс удар, который рассёк бедро оппонента.

Суринарец зарычал и обрушил на Риордана серию молниеносных ударов, которые он едва ли мог отбить. Оружие налётчика поймало его клинок и концы их сцепившихся мечей описывали высоко в воздухе узкие круги. Прежде, чем Риордан мог отскочить на безопасное расстояние, суренарец сделал рывок и врезался плечом в его грудную клетку, заставив его пошатнуться назад. Риордан инстинктивно выпрямился и здоровяк впечатал гарду своего меча ему в лицо. Меч выпал из рук Риордана. Он рухнул на землю, отчаянно пытаясь не потерять сознание. Нога суренарца придавила его висок к земле, заставив его распластаться.

Периферией своего зрения, юноша видел, как его противник заносит меч.

Но удара так и не последовало. Над ним разнёсся лязг стали и стон. А затем, рядом с ним рухнуло тело суренарца.

Отекший от удара глаз не открывался и ему было сложно что-то различить, но он узнал голос Морка Кодолана – Мастера Меча Драконьего Дозора, который распекал двух других дозорных:

- Вы можете ненавидеть его, но, во имя Тчазара, он член Драконьего Дозора и мы должны держаться вместе. За то, что вы сделали, я задам вам такой урок, какой вы не скоро забудете.

Риордан перевернулся и попытался встать. Он начал благодарить Морка, но его лицо было красным от ярости. На его лбу, словно корабельные канаты, выступили вены, а его широкий нос раскраснелся. Морка был невысоким, крепко сбитым и очень мускулистым. Вся его голова, если не брать в расчёт единственной длинной косы на затылке, была побрита наголо. Слухи в бараке говорили, что только южная секта специально тренированных воинов носила такие причёски.

Все они боялись Морка и не без причины. Когда он кипятился, он становился настоящим берсерком. А сейчас он был очень зол. Он припёр Риордана к ящикам припечатал его лицо кулаком размером с тарелку.

- Заткнись, новобранец! От тебя проблем больше чем толку. Жрецы говорят, что пройдёт ещё не меньше десяти дней, прежде, чем Кендерик снова сможет управляться со своей рукой. В последние десять дней твоя придурь стоила мне выходом из строя хорошего парня и вполне могла его угробить. Теперь вот это...

Морка кивнул кому-то позади Риордана и приказал:

- Уберите его с глаз долой и приведите в порядок.

Сказав так, командир с грохотом вложил меч в ножны и направился прочь.

Грубые руки подняли Риордана на ноги и потащили в сторону барачков. Голова его моталась из стороны в сторону и он ничего не мог разглядеть своим заплывшим правым глазом.

Внутри барака было темно и прохладно. Когда он рухнул на лавку, кто-то пихнул ему в руки мокрую тряпку. Ответственный за врачевание раненных срезал с него рубашку и начал прочищать раны у него на груди и руке. Риордан сдержал вырывающийся крик. Он чувствовал, что что-то застряло в его руку и попытался разглядеть, что именно.

- Опухоль пройдет быстрее, если ты приложишь это к лицу.

Риордан не мог различить лица говорившего. Тряпка в его руках была липкая и воняла, как гнилой мусор. Он скорчил лицо в гримасу и уронил её на пол.

- Полегче, ваше бродие..., - занимающийся им человек наклонился и подобрал клочок ткани. – Это особенная мазь.

Риордан попытался увернуться, но мужчина положил тряпку ему на глаза. Он сначала сопротивлялся, но лоскуток был прохладным и когда боль начала ослабевать, он расслабился.

- Спасибо.

- Не за что, ваше... Риордан.

- Я вас не вижу...

- Я Башар.

Риордан был удивлён. Башар был капралом Морка. Башар – барачный пьяница. Воин от которого осталось одно название и годящийся разве что на то, чтобы плестись хвостиком за Морка во время тренировок и проверок. Однако, теперь, это был человек, который решил помочь ему.

- Спасибо, Башар.

На какое-то время в помещении установилась тишина. Затем, капрал снова заговорил:

- Слухи болтают, что ты сын Эверна Марша.

Риордан хмыкнул. Он гадал, как кому бы то ни было удалось это выяснить, но для себя он решил, что лучше всего попросту ничего не говорить.

Башар подождал, потом, наконец, кивнул, словно молчание Риордана было тоже, своего рода, ответом.

- Я знал твоего отца.

«Восхитительно, ещё один пьянчужка, ищущий подачки от сына героя» - подумал Риордан и вздохнул.

- Третий сын. Не слишком далеко я ушёл от последнего. Отец хотел, чтобы я стал клириком.

- Но ты решил поступить по-своему, - Башар мягко усмехнулся и вручил ему очередную тряпочку с мазью.

Риордан ошетинился:

- Все знают, что близится война с Суренаром. Я нужен здесь.

Однако слова старого капрала сигнализировали о том, что он не услышал его:

- Я тебя помню, хотя и давно было дело. Твой отец сделал тебе игрушечный меч и бывало гонял тебя часами. Хотел, чтобы ты был солдатом, видишь ли. Должно быть, он передумал.

Воспоминания нахлынули. Осколки событий, которые были погребены под толстым слоем налёта времени. Поёрзав, Риордан сел немного повыше и посмотрел на расплывающийся силуэт старика.

- Я уже успел позабыть об этом. Ты действительно знал моего отца?

Вереница образов тянулась через его внутренний взор. Меча он не помнил, но помнил учёбу. Безликая череда воспитателей, которые приходили и уходили, всё время находясь под строгим взглядом искалеченного отца. Все эти бесконечные книги, однако отец никогда не был им доволен ... да и кто ему поверит? Эверн Марш, не единожды, а даже дважды герой, заставляет своего сына стать священником, пока Риордан наконец не убегает прочь, чтобы присоединиться к Драконьему Дозору.

- Почему ты мне помогаешь? – Риордан убрал от лица тряпку и попытался рассмотреть лицо Башара. – Кендерик чуть не погиб из-за моего промаха.

- Знаю. Ты бросился в ту аллею, а суренарцам только того и надо было. Они поджидали тебя. Они вырубili тебя, а Кердерик, придя к тебе на помощь чуть не погиб. Потом они убежали. Если бы ты подождал...

Увлечённый пылом битвы, Риордан забыл подать сигнал тревоги. Это было идиотской ошибкой, едва не стоившей жизни его напарнику. Он попытался объяснить:

- Я видел, как они убегают, я был прямо у них на хвосте. Я мог одолеть их всех.

- Ага, всех, кроме тех, кого они оставили за углом засады, - Башар покачал головой, - это самая затёртая страница в книге трюков, парень.

Он немного помедлил, а затем продолжил:

- Слышал, что сегодня ты клюнул на ту же приманку. Тот, кого ты преследовал, был тёртым калачом. Морка сказал мне, что он носил татуировку с шестью черепами.

- Со мной были ещё двое, но они просто стояли в стороне, пока я сражался в одиночку.

- Это я тоже слышал.

Башар снова взял тряпку, окунул её в чашу с зелёной мазью и вручил её Риордану. Вонь была ужасная.

- Ты спросил, почему я это делаю. Так вот, твой отец однажды спас меня. Я ему кое чем обязан.

Риордан убрал тряпочку с мазью от глаза. Его зрение достаточно прояснилось, чтобы он мог рассмотреть капрала. Риордан смотрел на него так, словно действительно видел впервые.

Лицо Башара было прорезано глубокими морщинами и напоминало чернослив, хотя двигался он как человек, который был значительно моложе. Риордан осознал, что Башар мог выглядеть старше своего возраста, как если бы воины выжгли из него весь излишек плоти. Его мускулы были тонкие и похожи на верёвки - словно корни дерева. Два медных браслета со странными рунами украшали его плечи. Верхушка его головы была абсолютно лысой, а волосы по бокам он заплёл в длинные косички.

Бродящая по баракам молва говорила, что когда-то, Башар был превосходным мечником, но вино сгубило его и теперь он был пьяницей, которого Морка Кодлан едва мог терпеть возле себя.

Риордан посмотрел на Башара:

- Каким ты помнишь моего отца?

- Эх, парень, он был великолепным бойцом и очень гордым человеком. Никогда не видел никого, кто мог сравниться с ним во владении мечом. Знаешь, иногда я вижу в тебе что-то от него. Когда ему было столько же, он выглядел точно также.

Риордан помотал головой. То, что он услышал плохо сочеталось с прикованным к стулу высохим и горестным человеком из его воспоминаний. Последние свои дни Эверн Марш провёл бесконечно смотря в окно своей спальни на далёкие горы.

- Нет, парень, ты не можешь этого отрицать. Вы оба тощие и поджарые. Ты выше чем он, насколько я помню, но у тебя те же черты. Тёмные глаза, тёмные волосы и такой же крутой нрав. Эверн был таким же жилистым, однако он был суровым. Когда он был молод, никто не мог принять его за...

- За тупоголового рекрута вроде меня, - вмешался Риордан. Он потёр плечо и изучил повязки на руках и рёбрах.

- Нет, парень, это не так. Возьмём например бой сегодня утром. Тот налётчик был закалённым воином. Шесть побед на арене. Мало кто мог хотя бы просто продержаться столько, сколько ты.

- Мне это принесло мало пользы.

- Ты слишком строг к себе. Ты высокий и это даёт тебе преимущество в дальность атаки над многими, но самое важное – ты быстр и у тебя хорошие движения.

- Тот суренарец прикончил бы меня. Он делал движения, каких я раньше никогда не видел.

- Уловки бойца с арены, парень. – Он помедлил. – Я мог бы показать их тебе. Там ничего сложного.

Риордан пристально посмотрел на него. Ему был нужен друг. Даже если этот друг старый пьяница.

Башар был верен своему слову. Следующие десять дней они провели в тренировках, которые оказались изнурительными для Риордана. Несмотря на это, его навыки становились лучше быстрее, чем он мог надеяться. Несколько раз он замечал, как Морка Кодолал нахмурившись наблюдает за ними. Позже он заметил, как мечник догнал Башара по дороге в Сову – так назывался трактир, где старик любил выпивать.

Он был слишком далеко, чтобы расслышать о чём именно они говорили, но он знал, что они спорили. В конце концов их командир вскинул руки и ушёл. Башар долго смотрел ему в спину. Когда он заметил, что Риордан наблюдает за ним, он тоже развернулся и направился прочь. Риордан поспешил вслед за ним и нашёл Башара сидящим за столом в скудно освещённом углу Совы. Он пил в одиночестве. Морка сидел неподалёку, беседуя с седовласым ветераном и поглощая жаркое из глубокой миски.

К командиру подошли два здоровяка, одетые в форму Дозора Виверны. Один из них поставил свою ногу на лавку рядом с мечником и сказал:

- Эй, Морка. Я слышал с десятков дней назад парочка твоих рекрутов забежала в аллею за одним из суренарцев, подпаливших корабль. «Пусть уходят», говорили они. Наверное они решили, что суренарцы были им не по зубам.

Ткнув локтем своего товарища и разлив на пол эль, говоривший залился смехом.

Морка напрягся. Его пальцы сомкнулись на рукояти ножа и он тяжело посмотрел на шутника. Здоровяк побледнел, но улыбнувшись заявил:

- Эй, не я это придумал. Все так говорят.

Двое попятились, когда Морка столкнул ногу насмешника со скамейки и встал. При этом движении мощные мышцы напряглись, подчёркивая бледные шрамы расчертившие его грудь и лицо. Переглянувшись, двое дозорных схватились за рукояти мечей, но Морка проигнорировал их.

Он прошёл мимо стола, где сидели Риордан и Башар.

- Я собираюсь выпить в Грифоне. Здесь слишком воняет рекрутами.

Сказав так, Морка посмотрел прямо на Риордана, затем, помотав головой обратился к старику:

- Башар, я хочу поговорить с тобой.

- Встретимся там.

Ещё какое-то время Морка буравил Риордана взглядом, после чего удалился.

Риордан начал подниматься, чтобы последовать за мастером меча, но Башар положил руку ему на предплечье:

- Не сейчас, парень. В Грифоне не наливают рекрутам.

- Но всё было совсем не так. Не так, как они сказали.

- Сейчас это не важно. Морка не в настроении слушать. Разве последние десять дней тебя ничему не научили?

Риордан помотал головой:

- Он должен меня выслушать.

- Нет, не должен. Он не должен тебя слушать или верить тебе. Он вообще ничего тебе не должен. Ты так и не понял?

Башар махнул стаканом в сторону двери, через которую вышел Морка. От этого движения эль выплеснулся ему на рубашку, но он, казалось, не заметил этого.

- Он мастер меча, сынок. Он видит вещи такими, какими ему хочется. Ты рекрут. В этом мире нет ничего ниже рекрута. Смирись.

- Он ненавидит меня. Он думает, что я сын какого-то бесполезного дворянина. Я слышал истории о учителях фехтования, которых он нанимал. Но на самом деле, я сам оплачивал свои тренировки. К тому же для этого мне каждую ночь приходилось улепётывать из дома.

- Он тебя не ненавидит, дружок, но и халтурить на тренировках не даст до тех пор, пока не почувствует, что ты готов.

- Я сам ему докажу. Он должен выслушать меня.

Башар помотал головой:

- Ты уже пробовал. Кому ты на самом деле пытаешься доказать чего ты стоишь?

Риордан глядел на него непонимающе:

- О чём это ты?

- Да всё же очевидно. Во всяком случае для того, у кого два глаза. Третий сын знаменитого воина выпрыгивает из штанов, чтобы доказать, что он не хуже отца...

- Не приплетай сюда моего отца. Да что ты вообще об этом знаешь?

- Больше, чем ты думаешь, - ответил Башар и отхлебнул эль. – Под его началом я прошёл через три кампании. Да уж, вспыльчивый он был малый. Ты прям как он.

Башар поставил свою кружку на стол и сделал разносчице напитков знак, что хочет ещё одну.

- Вот это-то и в первую очередь и втягивает тебя в неприятности, парень.

Он улыбнулся подошедшей девушке и взял кружку с её подноса. Риордан обратил внимание, что после кружки эля, руки Башара были всё ещё тверды, когда тот строго посмотрел на него через шапку пены.

- Похоже на то, что ты так ничему и не научился. Может ты и не такой, как твой отец.

- Снова ты о нем, - бросил Риордан и начал было вставать.

- Подожди, Риордан. Есть кое-что, что ты должен знать о своём отце. Морка и я служили с ним в последнем восстании Пламенеющего Шипа. Мы были с ним в Бреши Рета.

- В бреши Рета? – переспросил Риордан остановившись. Это была последняя кампания отца, после которой он вернулся сломленным, искалеченным человеком. Риордан слышал разные истории, но сам отец об этом никогда не говорил.

- Ну да, за Эверном был арьергард. Он сдерживал Пламенеющий Шип до тех пор, пока армия Сефанара не прошла через эту брешь. Те купцы были столь благодарны, что Мурциг Гекатаин лично вручил твоему старику медаль героя.

- Он никогда не говорил мне, что произошло.

Башар кивнул:

- Это и не удивительно.

Его голос упал, а его глаза выглядели так, словно его взор их был направлен на дальний горизонт воспоминаний.

- Там мы потеряли слишком много компаньонов. Половина арьергарда полегла на тех склонах. Твой отец получил ужасные раны. Клирики старались как могли, но спасти его ноги так и не удалось.

Риордан кивнул, припоминая.

- Маму убили во время одного из самых первых набегов. Без неё... когда он вернулся, он стал другим человеком... он сказал мне, что хочет, чтобы я стал клириком.

Башар отхлебнул эль и положил руку на плечо Риордана.

- Мы все изменились. Это была ужасная резня. Может быть твой отец слишком близко заглянул в глаза войны. Может быть он хотел, чтобы ты спасал жизни, а не отнимал их.

Башар отпихнул свою кружку эля.

- А что до меня... я стал пьяницей.

Какое-то время Риордан просто вглядывался в собеседника.

- Мой отец... раны, которые ты описал. Как он вообще выбрался?

Башар встал и посмотрел на Риордана. Его глаза смягчились и он улыбнулся:

- Мы с Моркой вынесли его.

Сказав это, он развернулся и направился к двери.

Риордан допил свой эль и заказал ещё один. Он сидел за столом, обдумывая всё что узнал.

На следующее утро, когда за окнами барака забили тревогу, у Риордана болела голова. Рекруты суетились вокруг барака, стремясь поскорее найти оружие и броню. Выбежав в дверь, едва переводя дыхание, Риордан встал в строй.

Морка был уже там. Уперев руки в бока, он оценивающе глядел на строй рекрутов. Башар стоял рядом с ним. Отполированная броня этих двоих слабо мерцала в рассветном сиянии. Как только они начали свой проход вдоль строя, брови Морка сдвинулись.

- Это что ещё такое, - мастер меча помотал головой. - Никогда ещё не видел столь жалкого зрелища.

Он схватился за копьё солдата перед ним. Оружие упало на землю. Рекрут побледнел и попытался избежать встречи своего взгляда с взглядом мастера меча.

- Выпускай оружие из рук только когда оно у меня в руке, а не до этого. Сегодня вечером тебя ждут внеочередные двадцать кругов в колизее.

Он двинулся дальше и остановился перед Риорданом, изучая его броню и перевязь.

- Неплохо. Кто-то научил тебя вешать меч впереди, как я погляжу.

Краешком зрения Риордан заметил, что Морка глянул на Башара и двинулся к следующему рекруту.

Раздалось цоканье копыт и на площадке перед бараком появилась колонна всадников.

- Равняйся! Смирно!

Две шеренги рекрутов вытянулись по команде мастера меча.

Кедра – капитан Драконьего Дозора - и один из его лейтенантов поравнялись с Морка и Башаром. Их полированная броня ослепительно сияла в свете солнца. С ними были ещё двое. Риордан узнал Стилмуса – главу Общества Меча и одного из магистров третьей секции.

- Третья секция Драконьего Дозора готова и построена, сир! – рапортовал Морка.

- Вольно.

Кедра помедлил, оглядывая строй солдат. Риордан не мог определить, нравится ли ему то, что он видит. Его покрытое бронзовым загаром лицо выглядело помятым и уставшим, но казалось, что ничто не могло укрыться от взгляда его холодных глаз.

- В обычных условиях, твоих рекрутов пришлось бы ещё месяц муштровать, но ситуация изменилась. Сообщают о налётах по всему западному побережью Моря Упавших Звёзд. Вчера две триремы были срезаны со своих якорей и брошены на скалы Воздушной Шпоры. А днём ранее подожгли ещё две.

В строю раздался удивлённый ропот.

- Ладно, парни, успокойтесь, - сказал Кедра, выдержав паузу и пристально посмотрел на рекрутов.

- Мы знаем, что суренарцы снова заваривают какую-то кашу, и мы должны быть готовы. Те налётчики, которых вы обезвредили десять дней назад были лишь одними из многих. На торговых кораблях было несколько случаев необъяснимых возгораний и даже ходят слухи, что где-то бродит убийца. Мы уверены, что они собираются предпринять попытку ослабить флот. Я хочу, чтобы этих налётчиков остановили.

- Каждый из вас, рекрутов, будет назначен на патруль с опытным дозорным. Как только вы увидите налётчиков, вы должны поднять тревогу. Это понятно?

- Так точно, сир! – закричали рекруты в унисон.

- Кстати, Стилмус ищет одного или нескольких выдающихся солдат из нашего дозора, для Общества Меча. В течении нескольких последующих дней он будет наблюдать за вами.

Строй оживлённо загудел.

- Хорошо, - Кедр оглядел шеренги и лицо его выглядело довольным. – Мастер меча, капрал, вы знаете, что делать.

Кедр развернул коня и ускакал.

- Вы слышали капитана. Разойдись и разделитесь для патруля.

Риордан присоединился было к остальным, когда Морка преградил ему путь рукой:

- Все, кроме тебя, Риордан. Ты останешься в бараке.

Риордан напряжился. Его голос дрожал от гнева, но он ничего не мог с этим поделать:

- Мне нужно идти патрулировать, сир.

- Да, нужно, но ты не пойдёшь, - сказал Морка, помотав головой. – Ты не готов. Твоя безалаберность может стоить жизни твоему товарищу. Так что ответ – нет.

- Но это не честно!

- Прок... Последний раз, когда ты был на дежурстве, двое дозорных хотели дать убить тебя. С кем я должен ставить тебя в пару? – спросил Мастер меча глянув в упор на рекрута и уже было отвернулся чтобы уйти.

- Сир, возможно он сможет отправиться в патруль со мной.

- С тобой, Башар?

- Так точно, сир. Вы же знаете, что у нас каждый меч на счету. Мы слишком растянуты.

Морка зажмурился:

- Я...

Башар сделал шаг вперёд:

- Я бы воспринял это как оказанную мне услугу.

В этот момент в капрале что-то было не так. Он уже не казался отупевшим пьяницей, который чистил оружие за серебряные монеты и каждый вечер заходил в барак держась за стенку.

Морка нахмурился. Он выглядел так, словно собирается что-то сказать, но, поразмыслив, просто пожал плечами:

- Будь по-твоему. Теперь это твоя проблема, Башар.

Большую часть дня Башар потратил прохаживаясь с Риорданом по маршруту будущего патруля. Он указывал на здания, за которыми нужно было следить особенно тщательно и улицы, которые придётся патрулировать. Башар предупредил его, что им особенно нужно опасаться поджогов. Жаркое солнце иссушало Симбар более месяца и, до сих пор, не было и намёка на дождь. К вечеру, Риордан чувствовал, что он готов.

Доки Старого Города были безлюдны. Продираясь сквозь нависающие здания, на узкие улочки просачивался лунный свет. В отдалении был виден пик пирамиды

Унтери. Тут и там свет отражался от мелких лужиц между камнями мостовой. В неподвижном горячем воздухе сильно пахло морем и гниющей рыбой.

Магазины были закрыты и загорожены ставнями. Риордан и Башар проверили замки и пошатали решётки, чтобы убедиться, что здания надёжно заперты на ночь.

Башар остановился у аптекарской лавки:

- Ты это слышал?

- Это была всего лишь кошка.

- В таком случае это была кошка со стальными когтями. Я слышал звук металла. Давай за мной.

Риордан последовал за Башаром, пытаясь двигаться также тихо как и его старший товарищ. Капрал быстро двигался вниз по улице, затем внезапно остановился. Он поднял вверх руку и указал на узкий переулок.

Риордан вынул меч и, вслед за Башаром, шагнул во мрак. Он старался держаться ближе к стене, ведя рукой по мокрому, покрытому мхом кирпичу.

- Я здесь, - шепнул Башар. Он был прямо перед ним. Рядом с ним Риордан увидел зияющий мрак двери. - Следуй за мной и по моей команде открой светильник.

Риордан перехватил светильник и, вслед за капралом вошёл в комнату. Откуда-то спереди доносился скрежет металла о стекло.

- Давай!

Риордан потянул дверцу светильника и невольно моргнул, когда комнату залил жёлтый свет. В дальнем углу комнаты кто-то склонился над шкафом. Вокруг ближайшего стола валялись разбросанные бумаги.

Башар бросился на незваного гостя, но тот развернулся и с удивительной скоростью выхватил меч. Раздался звенящий лязг стали о стали и по полу рассыпались искры.

По комнате замелькали две фигуры, одна из них закричала и отлетела в другой конец комнаты. Это был Башар. Риордан кинулся на вора, однако ощущение было такое, что он наткнулся на стену. Кто-то выбил светильник из его руки, а сам он повалился на пол.

Чёрная фигура заслонила льющийся из открытой двери лунный свет и исчезла во мраке переулка. Спотыкаясь друг о друга, Риордан и Башар кинулись вслед за ним к двери. Башар дунул в свисток, чтобы оповестить другие патрули.

- Ну же, он уходит!

Риордан пытался угнаться за своим партнёром. Пробежав по головокружительному лабиринту изгибов и поворотов Доковой Улицы, они попали в район торговцев. Вор направлялся в сторону университета и Площади Скептанара.

Наконец Башар остановился. Он согнулся и упёр руки в колени, дыша глубоко. Он задышался.

- Кажется я становлюсь староват для такого.

- Почему мы остановились?

- Потому, что аллея, куда он забежал – тупик. Я хочу, чтобы ты остался здесь и дал сигнал остальному гарнизону.

- А ты?

- А я пойду за ним. Ты останешься здесь, пока не услышишь остальных, а затем зайдёшь и прикроешь меня.

- Ты сейчас действуешь точь в точь как я!

- Нет, Риордан, это другое. Это не обычный воришка. Я успел его разглядеть перед тем, как он улизнул в дверь. Мы преследуем не суренарца, а маленти.

- Маленти? – Риордан не мог понять что к чему. Он пытался припомнить истории, которые слышал об этих существах. – И что убийце сахуагинов понадобилось на суше?

- Вот именно. С чего бы маленти сотрудничать с Суренаром? – Башар посмотрел в темноту аллеи и тихо сказал: - Это важно, парень. Один из нас должен подать сигнал. Ты слышал приказ, так что делай, как я говорю!

Башар жёг Риордана взглядом, пока тот не кивнул. Старик улыбнулся и похлопал его по плечу:

- Ты учишься. Отец бы тобой гордился.

Риордан смотрел, как спина Башара исчезает во мраке и потом дунул в свисток. Если истории, которые слышал Риордан, имели хоть какое-то отношение к реальности, Башар только что подписал себе смертный приговор. У него не было никаких шансов одолеть маленти и он это знал. Шанс на победу был призрачным, даже если бы они действовали вдвоём.

Он снова дунул в свисток и ещё и ещё, пока не услышал ответный сигнал вдалеке. В аллее позади раздался короткий звук сталкивающихся друг с другом мечей и внезапный вопль. Он дунул ещё раз и услышал крики и приближающиеся свистки. Уже почти ни о чём не думая, он установил свой светильник на бочку, откуда его точно будет видно, вынул меч и побежал в аллею.

Башар, свернувшись, лежал на мостовой. Риордан присел и нащупал у него на шее слабый пульс – старик был всё ещё жив. В нескольких ярдах от него в проулке стоял маленти. Риордан встал и начал приближаться к нему. Он вынул меч и, услышав этот звук, существо повернулось к нему.

- Бросай оружие, - скомандовал Риордан, - дозор уже на подходе.

Существо усмехнулось. Это был резкий, лающий звук:

- И что, мне следует отдаться на волю вашего человеческого милосердия? Для меня что-то изменится?

Риордан заметил движение в другом конце аллеи. Из темноты выступили две фигуры, а затем ещё. Лунный свет отбрасывал блики на тёмные чешуи и полированную чёрную перевязь. Сердце рекрута упало: это была группа сахуагинов-налётчиков, пришедших на подмогу маленти.

В окне здания, позади сахуагинов мелькнул свет и Риордан уже было хотел окликнуть людей внутри, чтобы предупредить об опасности. Затем он увидел клубы дыма, вырывающиеся из сломанного окна и услышал потрескивание пламени. Сахуагины собирались сжечь доки дотла.

В аллее появилось ещё больше существ и Риордан осознал, что у них были факелы и другие инструменты для затопления судов. Он вспомнил рассказы Кедры о загубленных кораблях.

Башар застонал и один из сахуагинов глянул на капрала. Уши существа дрогнули и оно посмотрело на своего лидера. Лидер налётчиков хрюкнул что-то, поднял чёрно-зелёную руку и указал на Башара и Риордана. Меньший по размеру

сахуагин стиснул трезубец и направился к Башару. Риордан преградил ему путь. Нет, им не скрыться, но, возможно, он сможет продержаться до прибытия подкрепления.

Лидер морских дьяволов прорычал что-то, но маленти помотал головой. Риордан не мог понять сказанного, но смысл был предельно прост. Сахуагин хотел чего-то, чего маленти не собирался исполнять.

Луна вышла из-за облаков, чтобы осветить происходящее в аллее. Существо повернулось к Риордану. Маленти был во всём похож на человека, за исключением разве что зелёно-серебряной кожи. Волосы, которые Риордан принял за чёрные, оказались на самом деле тёмно-синими. Тёмные глаза изучали его и жабры, на боках его шеи задрожали, когда он заговорил:

- Кажется, в конце концов тебе не взять меня в плен, человек. Эти отбросы... - он кивнул в сторону сахуагинов, - решили, что у них на тебя больше прав.

Риордан улыбнулся и перехватил меч двумя руками.

- Ясно, значит среди маленти и сахуагинов честь – пустой звук.

Маленти встрепнулся и прошипел:

- Я не один из них. Я морской эльф.

Риордан помотал головой. «Да что, Семь Кругов, здесь творится?»

- Плевать. Им придётся подождать. Прежде всего ты мой пленник.

Эльф поднял бровь и засмеялся.

- Ты либо идиот, либо лучший мечник в Чессенте. Как бы там ни было, я полагаю, что бы это определить, нам сначала придётся прикончить их.

Лидер сахуагинов сделал знак трезубцем и вступил в освещённое пространство. Остальная часть его группы двинулась за ним. Лунный свет переливался на из чешуях, которые представляли собой оттенки чёрного и зелёного, а их когти скребли по камню. Тесная аллея наполнилась запахом их мускуса и моря.

Риордан сделал шаг и встал рядом с эльфом, который смотрел на него с весьма странным выражением на лице. Но это выражение держалось всего момент. Он кивнул, словно бы в ответ на заданный вопрос, а затем, повернувшись к сахуагинам опустил копьё.

Сахуагины обходили их, пока они не оказались полностью окружены. Спинай к спине, Риордан и эльф стояли над Башаром, ожидая нападения. Раздался крик и двое сахуагинов кинулись на Риордана. Он отступил, блокируя удар копья плоской стороной меча маневрируя так, чтобы существо оказалось перед своим партнёром. Рыча, существо старалось найти брешь в защите Риордана. Наконец Риордан увидел шанс. Лезвием меча он поймал древко первого и почувствовал, как его рука загудела от вибрации. Поворотом кисти он перенаправил оружие в сторону, прямо перед вторым нападающим. Прежде, чем монстр мог среагировать, он сбил его с ног и пронзил его горло. Раздался булькающий вопль и по его руке разлилась тёплая кровь.

Второй сахуагир зарычал и перескочил через тело первого. Риордан поднырнул под его удар и сделал укол вверх, вгрызаясь мечом в мягкое подбрюшье существа. Сахуагин закричал, отступая и держась за живот. Морской эльф вонзил копьё в его сердце.

Эльф отвернулся от существа как раз во время, чтобы заблокировать удар ещё одного сахуагина, выпрыгнувшего из тени. Морской дьявол врезался в эльфа из-за

чего тот натолкнулся на Риордана. Ещё двое сахуагинов попытались напасть на Риордана, когда тот упал, но он прокатился под ударом одного и рубанул по ноге второго. Из раны хлынула тёмная кровь, а существо, крича и хватаясь за бедро, опёрлось о стену.

Используя движение, которому его научил Башар, Риордан впечатал гарду своего меча в колено второго сахуагина. Он услышал как сломалась кость и существо со стоном шлёпнулось в водосток.

Остальные сахуагины, пытаясь до них добраться, уже были осторожнее. Каменные стены зданий звенели от эха ударов стали о сталь.

Риордан слышал отдалённые рога приближающейся стражи. Сахуагины начали действовать отчаянно. Монстр перед Риорданом пошёл в атаку, но поскользнулся на крови. Риордан отпрыгнул от отчаянного удара, который сахуагин сделал при падении. Когда Риордан приготовился добить существо, оно бросило в него факел. Послышался звук разбиваемого стекла и факел залетел внутрь дома. Риордан почувствовал, как воздух позади него внезапно нагрелся – здание охватило огонь.

Пламя моментально ослепило сахуагина и мигнув он отвернулся от огня. Риордан рубанул существо по запястью и, вскрикнув, оно выронило копьё. Риордан продолжил удар и клинок погрузился в живот существа.

Эльф сражался с лидером сахуагинов. Сахуагин был быстр, но как-бы там ни было, эльф был быстрее. Сахуагин махнул своим трезубцем, но там, куда он целился, морского эльфа больше не было. Всё, что Риордан заметил, был размытый момент, когда на груди сахуагина появилась кровавая полоса. Существо зарычало и снова сделало укол и в этот раз Риордан услышал чавкающий звук погружающегося в плоть оружия.

Эльф глухо застонал и отшатнулся назад. С рыком, сахуагин набросился на врага, держа свой трезубец низко. Следующее, что видел Риордан, было то, как зубья трезубца врезались в стену, а эльф, словно по волшебству, возник позади сахуагина. Древко его копья захватило шею удивлённого морского дьявола. Дергая копьё туда и сюда, эльф всё глубже вдавливал древко в грудь сахуагина. Стоная, существо пыталось схватиться за то, что не давало ему дышать, но эльф рывком повернул оружие и сахуагин рухнул замертво.

Не успев подумать о том, что делает, Риордан развернулся и сбил эльфа с ног. Эльф попытался поднять копьё, но Риордан упёр кончик своего меча ему в горло, заставляя его встать и отойти от оружия. Он заметил на боку у морского жителя глубокую рану.

- Наше перемирие окончено.

Эльф буравил его взглядом, не обращая внимания на меч у горла:

- Так вот чего стоило для тебя наше сотрудничество?

- Оно ничего не стоило. Ты и не собирался нам помогать.

Эльф помотал головой и прорычал:

- Ты же знаешь, они вас всех убьют.

Эльф начал уходить, но Риордан надавил на меч и из под его острия, по шее эльфа потекла тоненькая струйка крови.

- Ты прав, человек. Ты и подобные тебе ничего для нас не значат. Месяцами я шпионил за сахуагинами, притворяясь их приспешником. Они пробили брешь в

Стене Акульей Погибели и уже заполонили Внутреннее Море. Мой народ готов, но война будет долгой и опустошительной.

- Мне это без разницы. Ты мой пленник, - настаивал Риордан, пытаясь звучать убедительно хотя бы для себя, но то, что сказал ему эльф, внушало тревогу. Морка должен был это услышать.

- Глупые слова. Разве ты не понимаешь, что ты и все жители Симбара следующие?

Неподалёку раздался крик и Риордан ответил. Прежде, чем он понял, что произошло, эльф отвлёк его меч в сторону и со всей прытью побежал по аллее. Не замедляясь, он запрыгнул на связку из нескольких ящиков и с них на вершину низкой крыши одного из домов. Языки пламени, вырывавшиеся из дома напротив чётко очертили его силуэт.

Морской эльф помедлил и Риордан услышал, как он сказал:

- Скажи им о том, что ты здесь видел, человек. Это сахуагины сжигают ваш флот. Эльф повернулся и Риордан видел, как его силуэт скрылся за коньком крыши.

Он услышал стон и нагнулся, чтобы проверить, как там Башар.

- Ты в порядке?

- Если не считать пореза и шишки на голове. Мне повезло, что я остался жив. Забавно, но мне показалось, что маленти сдерживался.

- Это был не маленти, Башар, - сказал Риордан и рассказал то, что произошло.

Капрал кивнул, затем скорчился от боли. Риордан понял, что раны Башара были серьёзнее, чем он пытался показать.

- Ладно, надо вытащить тебя отсюда.

- Нет, погоди, - прокричал Башар, хватая его за руку. – Когда дозор доберётся сюда... - Башар кашлянул, - не говори Кедре ни слова о морском эльфе. Он тебе не поверит. Скажи Морка.

- Но...

- Это приказ, Риордан. Скажи Морка.

Риордан кивнул и капрал повалился навзничь.

Раздалось цоканье копыт и на площади, в сопровождении дюжины дозорных, появились Кедр и Стилмус.

Кедра тут же скомандовал:

- Перекрыть оба конца аллеи. Живо! Никто не должен входить. Немедленно пожарные бригады сюда.

- Слушаюсь, милорд.

Кедра спешил и переступая через тела подошел к Риордану.

- Это же сахуагины!

- Так точно, сир. У них были факелы и к моменту, когда сюда подоспели Башар и я, они уже успели поджечь одно здание. У них также были режущие инструменты. Кажется следующим делом они хотели приняться за корабли.

Кедра остановился и строго поглядел на него:

- Дозорный, так это твоих рук дело?

- Да, сир. Башар и я... - как много мог он им сказать? – Сир, вы должны знать: за последними атаками на наш флот стоят сахуагины, а не суренарцы.

- Хмм... по меньшей мере за этой атакой. Это важные новости, - сказал Кедр. Он улыбнулся и убрал меч. – Хорошо сработано, дозорный.

Морка Кодолан уже прибыл и склонившись над Башаром о чём-то с ним беседовал. Время от времени он поглядывал на Риордана, но Риордан не мог понять выражения его лица. Он направился к двум дозорным, кладущим Башара на носилки.

Мастер меча подошел и похлопал Риордана по плечу.

- Ты хорошо себя зарекомендовал, Риордан.

Кедр внимательно взгляделся в Риордана:

- Риордан... а ты не один из...

Морка выступил вперед:

- Небольшая ошибка в оценке, сир. Риордан – один из моих лучших рекрутов. Башар также очень высоко о нём отзывается.

Кедр взглядел на Морка и перевёл взгляд на Риордана:

- Наверняка так и есть. Возможно Риордан захочет позже присоединиться к нам?

- Верно, - Морка ещё раз хлопнул Риордана по плечу. – Дракониий Дозор сегодня ночью собирается в Грифоне. Это что-то вроде традиции после боя.

Риордан почувствовал, как к горлу подступил ком:

- Я... это большая честь...

Кедр кивнул:

- Отлично, вот и решено!

Морка показал на удаляющиеся носилки с Башаром:

- Лучше поторопиться. Никакой удар по голове не сможет надолго отвадить Башара от вечеринки.

По пути из аллеи, Риордана остановил Стилмус.

- Мне нужны толковые ребята, сынок. Я мог бы найти для тебя место в Обществе Мечей. Что скажешь?

Риордан посмотрел на Морка, потом на исчезающие во мраке аллеи носилки с Башаром:

- Спасибо, сир, но я думаю, что моё место здесь.

ЗВЕЗДА ТЕТИРА

Томас М Рейд

День 3-ий месяца Элеасис, Год Перчатки

Меррик раздражённо выдохнул, вновь проведя промокшим рукавом по бровям, чтобы смахнуть капли пота. Неважно, сколько раз он утирал лоб рукой – влага по-прежнему стекала в глаза и по переносице, щекоча при этом кожу. Резкий запах смолы из ведра перед ним также не улучшал его настроения, поэтому он, наконец, с отвращением отпихнул посудину подальше и сел прямо, щурясь от света палящего солнца, отражающегося от вод бухты острова Тордентор. Те немногие порывы лёгкого бриза, что залетали сюда, никак не тревожили переливающуюся поверхность, равно как и не приносили особого облегчения от удушающей полуденной жары.

- А, море, - язвительно пробормотал он себе под нос. – Жизнь в рядах флота королевы, полная приключений, всё для меня, – продолжал он, не сильно переживая о том, что кто-нибудь услышит. Парень рассеянно вытер руки об штаны, безуспешно пытаясь отскрести липкие комки полусохшей смолы. Даже не заглядывая в зеркало, он знал, что смола осталась и на его лице, и в волосах и тем более на одежде.

Меррик вновь посмотрел на воду – на «Звезду». С вожделием разглядывая великолепное судно, пришвартованное через несколько пирсов от него, он мечтал о том, как однажды отправится на ней в плавание. «Звезда Тетира», названная в честь только что коронованного монарха, едва только выбралась из сухого дока, и даже ещё ни разу не выходила в море. Длиной почти в пятьдесят шагов и шириной в добрых пятнадцать, этот корабль стал самым большим из когда-либо построенных королевским флотом. Четыре её мачты горделиво возвышались над палубой, но вот свежим белым парусам ещё только предстояло развернуться во всю мощь. На верхушке самой высокой мачты вяло трепыхался тетирский штандарт – два зелёных морских льва, держащих золотую звезду. Несколько плотников суетились вокруг, нанося последние штрихи и подготавливая судно к выходу в открытое море. Из этой малютки выйдет отличный флагманский корабль королевского флота.

- Меррик! – заревел кто-то позади юноши, заставив того подпрыгнуть. – Благословенная наша королева платит тебе серебром не за то, чтобы ты сидел и паялся на воду весь день, малец!

- Н-нет, капитан, - виновато отозвался Меррик и подхватил ведро со смолой и кисть, не поворачиваясь лицом к капитану Хоку.

- Заканчивай с этим яликом, затем доложишь Гулле. Там груз ждёт выгрузки.

- Так точно, капитан, - хмуро подтвердил приказ юнга, весь дрожа, несмотря на жару. Гулле – старпому на «Копьеносце» – Меррик не понравился при первой же их встрече, и за два прошедших месяца отношение к нему пучеглазого мужчины с носом-клювом ни капли не улучшилось.

Меррик бросил на «Звезду» прощальный взгляд, представляя, каково это – стоять на самом носу, пригибаясь от сильного ветра, пока великолепное судно разрезает барханы морских просторов. Но размышления о порывах ветра на лице лишь напомнили о том, как ему сейчас жарко и душно.

«Королева может оставить своё серебро себе, - подумал парень, - лишь бы только не пришлось иметь дело с очередным ведром смолы».

Внезапно сзади раздался крик, за ним сразу же последовал ещё один; Меррик услышал «Бей тревогу!» и «В атаку!», когда суматоху набрала обороты. Парень поднял взгляд, увидел, что некоторые матросы показывают в сторону бухты, но с того места, где он стоял, обзор загораживал «Копьеносец». Дюжина или около того людей отчаянно бегали по палубам или возились с оснасткой, поднимая паруса и натягивая фалы.

Вся набережная пришла в движение. Меррик слышал гомон мужчин и женщин, иногда раздавались крики. Везде бегали люди – матросы, рабочие, солдаты – все куда-то торопились или, словно обезумев, проносились мимо него.

«Что, во имя всего сущего, происходит?» – думал он, всё ещё наблюдая за карабканьем матросов над головой.

- Не подпускайте их к треклятому такелажу! – орал капитан Хок, когда Меррик наконец увидел *кого-то*. Тощее существо в зелёной чешуе, стоявшее подобно человеку, но явно сложенное для жизни в море, перевалилось через фальшборт «Копьеносца» и с влажным шлепком приземлилось у ног парня; из груди и спины его торчало копьё. На лице растянулась широкая гримаса смерти, жуткая улыбка со множеством бритвенно-острых зубов. Само оно было усыпано небольшими плавниками с острыми иглами, а всё ещё сжимавшие деревянное древко лапы оказались перепончатыми. От создания исходил холодный солёный запах, словно от морской пучины, но от чего у Меррика действительно перехватило дыхание, так это от вида немигающих бездушных глаз, полностью серебристых и без зрачков – от этих пустых, мёртвых, ничего больше не видящих шаров по спине побежали мурашки.

- Проклятье, Меррик! – взревел Хок где-то над головой. – Хватит стоять как шлюха на своём любимом углу, шевелись уже, парень! Отдай швартовы и забирайся сюда!

Меррик моргнул, заставив себя освободиться от хватки мёртвого взгляда, и бросился раскручивать обернутый вокруг швартовой тумбы канат. Когда дело было сделано, юноша увидел, что пара матросов уже убирает сходни. Фрегат начал медленно отползать от причала, как только весла коснулись воды.

Ещё две зверюги неожиданно возникли на пирсе, едва ли в десяти шагах от Меррика. Они выскочили из моря точно пущенные из арбалета болты, мягко приземлившись на лапы; вода потоками стекала с их поблескивающей чешуйчатой кожи. Каждый из них размахивал угрожающего вида трезубцем, присев и

высматривая очередную жертву. Заметив Меррика, они развернулись и бросились к нему, влажно шлёпая перепончатыми лапами по камням.

Меррик издал отчаянный крик о помощи, одновременно с этим подобрал свободный конец швартовочного каната, затем прыгнул, пролетев над водой и подобравшись перед ударом о корпус корабля. Врезавшись, он со стоном соскользнул на несколько футов, чувствуя, как грубая пенька раздирает ладони до мяса. Из всех сил перебирая руками, юнга начал карабкаться, вытягивая себя вверх – и подальше от ужасных тварей. Двое других матросов, собиравших канаты, заметили грозившую ему опасность и метнули по дротику. Существа легко увернулись от снарядов, но этой задержки оказалось достаточно. Схватив Меррика за руки, товарищи подняли его к себе. Парень перевалился через фальшборт и с бешено колотящимся сердцем и пропитанной потом на спине рубахой плюхнулся на доски.

«Проклятые морские дьяволы! – подумал он. – Напали прямо посреди дня!»

На палубе «Копьеносца» царил хаос. Ещё больше морских дьяволов – сахуагинов, как они сами себя называли – пробиралось на корабль, и моряки отчаянно сражались с ними. Одно из чудищ прорвало оборону, вскрыв защитнику живот своим продольным плавником и, оставив кричащего беднягу позади, подскочило к такелажу и с лёгкостью забралось наверх, обрезая по пути верёвки и нарезая паруса на ленты.

- Проклятье! – прогрохотал Хок. – Не подпускайте их к оснастке, мать её! Если будем не на ходу, то ночевать придётся с рыбами!

Кто-то выстрелил в сахуагина из арбалета, попав прямо в грудь. Содрогнувшись разок, монстр обмяк, пролетев полпути вниз, пока не повис на верёвках, повредив их ещё сильнее. Хок уже отвернулся, успев пронзить очередного раненого дьявола копьём ещё до того, как первый перестал шевелиться.

Меррик потрясённо таращился на яростную битву, разворачивавшуюся вокруг него, пока суровая, облачённая в кожу воительница, пробежавшая мимо, не остановилась и не схватила его за воротник.

- Шевелись, малец! – заорала женщина юноше в лицо, обдав того запахом рыбы. – А не то проклятые драконовы черепахи доберутся до нас!

И она скрылась из виду.

Меррика аж передёрнуло, когда он вспомнил истории, которые рассказывали моряки, собираясь по вечерам в единственной таверне на острове – мрачные легенды о потопленных судах, чьи палубы кишмя кишели морскими дьяволами, а корпуса были полны дыр, проделанных свирепыми драконовыми черепахами. Их отличительными чертами были мощные массивные челюсти, которые легко могли перекусить человека пополам, и обжигающее дыхание, от которого дерево становилось словно желе, а кожа и мясо отходили от костей. Если «Копьеносец» не сможет выбраться из дока в залив, где появится возможность обогнать этих чудищ, то им точно будет суждено пойти ко дну. Парень помотал головой и перевёл взгляд за борт, на прибрежную часть бухты.

А там всё было охвачено смятением. Клубки мужчин, женщин и сахуагинов сражались, пока корабли пытались выбраться из ловушки – некоторые уже накренились и наполовину затонули, другие же бесцельно дрейфовали с

хлопающими на ветру лохмотьями вместо парусов и с мешаниной канатов вместо оснастки. Атака была молниеносной и беспощадной. Немногие корабли покинут сегодня гавань.

В том числе и «Копьеносец», решительно напомнил себе Меррик – если только не доберётся до открытого моря.

Юноша бросился к корме судна, где четыре баллисты – огромных арбалета, метавших зазубренные деревянные дротики толщиной почти с ногу парня – теснились на полуюте. Он не успел сделать и трёх шагов, прежде чем его едва не сбил с ног матрос, крепко сжимающий фал. Мужчина ругнулся, но не остановился, и Меррику пришлось пригнуться, чтобы не запутаться. Он снова помчался вперёд, на этот раз осторожно огибая попадавшихся на пути членов экипажа.

Основное сражение было позади. На палубе оставались ещё один-два сахуагина, а большая часть парусов уже была поднята. Меррик чувствовал, что корабль начал набирать скорость, когда паруса окончательно наполнились попутным ветром.

Юнга позволил себе небольшой вздох облегчения, добравшись до орудий. «Копьеносец» справится! Он вопреки своей воле ухмыльнулся, возбуждённый свежим солёным бризом, толкавшим фрегат вперёд и холодившим кожу. Мы точно справимся!

«Копьеносец» был добротным судном, быстроходным фрегатом, созданным для войны, но сейчас он вышел в море впервые с того момента, когда Меррик взошёл на борт, два месяца назад. Он и остальная команда работали долгие дни напролёт, строя новые верфи на Торденторе. Взгляд парня миновал палубу корабля и гладь вод залива, и упёрся в унылые трущобы, сколоченные неподалёку от пляжа. Пока все их старания не особенно бросались в глаза.

«Слишком много времени за постройкой новых кораблей, чтобы думать о нормальных домах», - подумал Меррик с презрением. Но эти хотя бы были лучше того, где до этого жили солдаты. Он перевёл взгляд ещё дальше, к старой и рассыпающейся дозорной башне, угасающему напоминанию о какой-то древней цивилизации. Ему даже представлять не хотелось, каково там жилось отряду тетирских стражей, прежде чем возникли верфи. Абсолютно нечего делать, только ждать следующий корабль с припасами с материка; абсолютно не на что смотреть, лишь на белый песок и низенькие, общипанные кусты всюду, куда только глаз мог дотянуться.

«Да и сейчас, - размышлял парень, - наслаждаться тут особо нечем».

- Меррик! Иди сюда и готовься перезаряжать, - это Ретни, старший оружейного расчёта. Он стоял позади баллисты у правого борта, проводя корректировку и выискивая цели глубоко под водой.

- Так точно, сэр! – отозвался юнга, заняв место около груды больших, шипастых гарпунов, специально предназначенных для этих гигантских орудий. – Во что сегодня стреляем, сэр? – уточнил он, ухмыляясь. Парень подхватил валявшийся рядом арбалет, расположив его на сгибе локтя – в его обязанности также входило прикрытие спин отряда во время перезарядки.

- Ни во что, если удача улыбнётся нам хотя бы наполовину, - пробурчал Ретни. – Если же придётся стрелять в черепах, значит, мы уже подпустили их слишк...

Его слова оказались резко прерваны странным, придушенным хрипом, затем командир дёрнулся назад - из груди его торчало тонкое древко. Артиллерист качнулся на юношу, сшибив его на палубу, и упал, затихнув на ногах Меррика. Тот с ужасом смотрел, как свисавший с борта сахуагин отбросил арбалет, из которого только что выстрелил, в воду, и начал перелезать через перила. В одной перепончатой лапе он сжимал кинжал с зазубренным лезвием. Меррик заметил ещё двоих подтягивающихся существ, когда первое угрожающе шагнуло к нему.

- Берегись! – пискнул Меррик, горло которого перехватил испуг, хотя один из канониров уже, схватив один из снарядов, размахнулся им точно большим мечом.

Удар в полную силу пришёлся в грудь чешуйчатого нападающего и отбросил того на фальшборт. Меррик выстрелил из собственного оружия, попав точнёхонько под нижнюю челюсть. Монстр потерял равновесие и исчез из виду. Остальные матросы уже наседали, пытаясь скинуть обратно за борт оставшуюся двоицу.

Меррик выкарабкался из-под Ретни – до сих пор придавливавшего собой ноги юного матроса, пропитывая доски палубы своей кровью – и отпрыгнул назад с застывшим в глазах ужасом. Лицо раненого скривилось в жутком беззвучном крике, а его пальцы беспомощно сжимали и разжимали древко в груди. Он повернулся и посмотрел на парня, пытаясь что-то сказать, но не мог издать ни звука, и, наконец, с последней судорогой, голова Ретни откинулась набок, а глаза опустели, ничего больше не видя.

Меррика затошнило. Если бы он только уделил больше внимания, был бы чуточку быстрее, он мог бы увидеть тварь прежде чем та выстрелила – но он не успел спасти командира.

Двоих оставшихся морских дьяволов оттеснили прочь с палубы, но другие возобновили атаки на фрегат. Снова моряки мрачно бились с ненавистными чудищами, снова в конце концов отразили их натиск – но не раньше, чем пало ещё несколько бойцов.

Меррик застонал. Без Ретни баллиста была практически бесполезна. Взвод и зарядание оружия при недостатке рук и так не отличались простотой, но Ретни был единственным, кто вообще имел хоть какой-то опыт стрельбы из него.

- Смена курса, пёсьи дети! – взревел капитан Хок. – «Кентавр» и «Таран» уже вырвались и движутся в сторону открытого моря! – Экипажем эти слова были встречены негромкими криками радости. – Мы объединимся с ними и отправим этих рыбодьяволов обратно в преисподнюю! Шевелитесь, лентяи!

Свет солнца изменился, когда корабль сделал разворот. Меррик глянул поверх плеча в сторону бухты и увидел два других фрегата, оторвавшихся от разрушенных доков и нёсшихся теперь на полных парусах. Позади них, остальные суда либо горели, либо частично погрузились под воду. Атака оказалась успешной – маленький флот Тордентора был почти полностью уничтожен. Меррик с трудом сглотнул и начал высматривать «Звезду Тетира», пытаясь определить её судьбу. Заметив её, он удивлённо разинул рот.

Корабль каким-то образом смог покинуть верфи, но в пылу схватки сбился с курса, дрейфуя в сторону опасного мелководья вдоль одного из берегов бухты. Паруса его были подняты лишь наполовину, и он не мог нормально

лавировать. С такого расстояния сложно было сказать наверняка, но Меррику казалось, что на палубе кипит отчаянное сражение.

- Кэп! – позвал юноша, заметив, как звонко прозвучал его собственный голос. Сейчас большая часть команды работала в гнетущей тишине, готовясь отправиться туда, куда прикажет капитан – даже если это приведёт их обратно к морским дьяволам.

- Капитан, это «Звезда» - указал Меррик.

Хок негромко выругался под нос и вытащил подзорную трубу, долгие секунды наблюдая за трепыхающимся судном.

- Во имя всех адов, - прорычал он затем. – Гулла поставил её на ход, но народу там не хватает ни на то, чтобы плыть, ни на то, чтобы сражаться.

- Кэп! – донеслось из вороньего гнезда. Меррик посмотрел наверх, на одинокого матроса, изучающего «Звезду» через собственную подзорную трубу. – Три драконовы черепахи, приближаются к «Звезде»!

Хок снова выругался, на этот раз громче.

- Проклятье! У них не получится. Там и орудий-то нет. Баллист нет до сих пор.

От команды донеслись крики злости и досады. Меррик знал, что без баллист нет даже намека на возможность отогнать черепах. Пока Хок рассматривал «Звезду» ещё несколько бесконечных секунд, все матросы, казалось, задержали дыхание, ожидая дальнейших приказаний.

Наконец Хок со стуком сложил трубу, сунув в мешок на пояс.

- К дьяволу! – рявкнул он. – Я не позволю им забрать её без боя!

Команда радостно загудела, и Меррик ликовал не тише остальных.

- Подайте сигнал «Кентавру» и «Тарану» следовать за нами! – приказал капитан. – Меняем курс! Хельмсман, двигай к «Звезде Тетира»!

Дрожь предвкушения пробежала по телу Меррика, когда «Копьеносец» начал разворот, хлопая раздувшимися парусами, которые команда расторопно приводила в новое положение. Теперь он ловил ещё больше ветра, и как будто бы рванулся вперёд, норовя поскорее вступить в схватку с врагом. За кормой, «Таран» и «Кентавр» прорубались через кильватерный след, пытаясь не отстать.

- Уши сюда! – воззвал капитан Хок. – Когда достигнем «Звезды», то нашьпигуем трижды проклятых черепах нашей артиллерией, включая ту, что есть у «Кентавра» с «Тараном». Остальным – убедиться, дьявол побери, что никто и ничто не проникнет на борт! Не заставляйте меня пожалеть о том, что мы вернулись. Превратите этих зверюг в морских ежей!

Меррик про себя застонал. Без Ретни его отряд был небоеспособен. Он в отчаянии оглянулся на три других баллисты на корме. Расчёт при каждой из них всё ещё состоял из полного числа людей, готовых стрелять по приказу. Юноша подошёл к артиллеристу из команды баллисты с противоположного борта, и сказал:

- Мы потеряли нашего стрелка, сэр. У нас недостаточно рук, и никто не умеет стрелять.

Мужчина некоторое время мерил его взглядом, затем мотнул на арбалет в руках Меррика:

- Умеешь стрелять из него?

- Да, сэр, - кивнул тот. – Тренировался с отцом в детстве, он был дружинником.

Канонир кивнул.

- Значит теперь ты – новый стрелок, - он повернулся к собственной команде. – Турин, мы справимся без одного. Прикрывай парня.

Турин с сомнением осмотрел Меррика, но с коротким кивком подошёл к противоположной баллисте и потянулся к оружию в руках юнги, подразумевая передачу ответственности.

Меррик же стоял, ошарашенно пялясь на только что повысившего его в должности артиллериста. Он открыл рот, чтобы сказать что-нибудь, но снова закрыл, не сказав ни слова. Трясаясь, он развернулся к баллисте.

«Я? – подумал он. – Я же в жизни не стрелял из такой штуки!»

Внезапно Меррик со всей ясностью вспомнил день, когда записался во флот. Там был Гулла – в той прибрежной таверне, за грубым деревянным столом с разложенным на нём потёртым свитком; он кисло посмотрел на парня, когда тот подошёл в надежде присоединиться к рядам королевского флота.

- Ты всего лишь сын фермера, - плюнул Гулла. – Довольнодохлый к тому же. Возвращайся к своим коровам, и оставь море мужчинам.

Но Меррика нельзя было так просто запугать. Он спорил с хмурым матросом, настаивая, что будет полезен – пока другой мужчина, услышав спор, не подошёл к ним и не встал перед юношей. Он возвышался над Мерриком, осматривая критическим взглядом. Парень устоял в пол, чувствуя, что новый оценщик обладал властью и привык отдавать приказы.

Мужчина стоял расслабленно, на его слегка потёртом пальто всё ещё ярко сияли пуговицы. На ногах были высокие мягкие сапоги, а на талии – пояс с мешочком, из которого торчала подзорная труба. От него слегка пахло пряной рыбой и морским бризом.

- Как тебя зовут, парнишка? – спросил моряк.

- М-Меррик, сэр.

- И почему же ты хочешь присоединиться к флоту нашей славной королевы, Меррик?

- Плавать на кораблях и повидать мир, - ответил тот. – А ещё потому что хочу приносить пользу королеве, долгих лет ей правления. Я так думаю, она очень многое дала нашему королевству, и это меньшее из того, что я могу отдать взамен.

Нависший матрос расхохотался, душевным раскатистым смехом.

- Что ж, приятель, свет ты увидишь. Самые грязные, мерзкие, смердящие его части, конечно, но увидишь. – Он повернулся к кислому. – Запиши его, Гулла. У меня есть подозрение, что его настрой сослужит «Копьеносцу» хорошую службу.

- Так точно, капитан Хок, - отозвался Гулла, выглядя при этом ещё более нахмурившимся, если это было возможно; капитан утопал обратно к своему столу.

- Что ж, коротышка, теперь ты – матрос, - прорычал он. – Лично я сомневаюсь, что из тебя что-то выйдет, несмотря на то, что говорит капитан. Не попадайся мне на глаза, малец.

Вот так Меррик вступил в ряды тетирского флота.

И теперь слова Гуллы эхом звучали в его голове, как будто издеваясь над ним. Турин и остальные терпеливо смотрели на юношу, ожидая, что он возьмёт на себя командование баллистой. Всё ещё качая головой, парень взглянул на тело Ретни,

которому кто-то, из уважения к погибшему, натянул плащ поверх лица. Ему было стыдно за то, что он не смог защитить стрелка, но он лишь упрямо выпятил челюсть.

«Я отомщу, - поклялся про себя Меррик. – Я докажу, что Гулла ошибся».

Парень встал за орудие и начал настраивать его так, как делал это Ретни во время тренировок – пытаюсь прочувствовать его. Оно оказалось на удивление хорошо закреплено и ощущалось как обычный арбалет намного больше, чем он того ожидал. Новоявленный стрелок покрутил его и попробовал прицелиться пару раз, надеясь, что он всё правильно усвоил.

Меррик понял, что впервые с начала нападения больше не обливается потом. Солнце высоко над головой всё ещё палило, но солёный ветер и ужас приближающейся битвы, похоже, заставляли его чувствовать холод, а не жару и духоту. Рот словно был полон шерсти, и он с вожделением посмотрел на ближайшую бочку с водой. Но негоже было бы покидать пост, поэтому парень старался не обращать внимания на жажду. Он повернулся к той воде, что струилась за бортом, выискивая цели и возможность выстрела.

- Драконовы черепахи быстро приближаются к «Звезде», капитан, - крикнул вперёдсмотрящий из гнезда. – Скоро тоже догоним.

Хок кивнул, снова взглянув на осаждённый корабль через подзорную трубу.

- Приготовьте снаряды, с таким ходом мы быстро там окажемся.

«Копьеносец» был в пределах досягаемости черепах, когда нахлынула первая волна морских дьяволов. Группы сахуагинов выскакивали из воды, приземляясь на палубе и орудия кинжалами и трезубцами. Меррик нервно наблюдал за ними, но не двигался с места, не сводя глаз с воды и ожидая, пока появятся цели. Это всё, что стрелок мог сделать, чтобы не отпрянуть, когда сахуагин появился на корме, но Турин ранил монстра выстрелом из арбалета, а остальные сообщая спихнули его за борт. Экипаж «Копьеносца» сражался отчаянно, отражая волну за волной обратно в воду. Потери были с обеих сторон, но морским дьяволам ни разу не удалось как следует закрепиться.

- Готовься! – наконец подал команду Хок. – Артиллерия, приготовиться стрелять. – Меррик попытался сглотнуть и сильнее схватился за рукоять. – Хелмсман, поворот на семь градусов. Пройдём прямо между тварями!

Меррик разглядел одну из черепах, и у него от ужаса едва не подогнулись колени. Зверь был громадным, шагов десять в длину один только тёмно-зелёный панцирь с острыми серебристыми гранями, способными легко раздробить доски любого корпуса. Более светлая голова возвышалась над водой, покачиваясь вперёд-назад в унисон с неторопливым движением, непохожим на движения любых из когда-либо виденных Мерриком черепах. Целиком чудище выглядело словно беспощадный морской змей, словно одна из тех жутких иллюстраций на некоторых из карт капитана Хока. Разинув рот, парень уставился на огромный клюв морского монстра, на его золотистые, бритвенно-острые плавники по всей длине шеи – с содроганием вспоминая истории других матросов.

Зверь угрожающе заревел – глубокий рокот, показавшийся Меррику странными словами какого-то языка – и хищно проводил «Копьеносца» ненавидящим взглядом, когда фрегат пронёсся мимо. Меррик с трудом сглотнул, подумывая, а не предназначался ли холодный блеск глаза существа лично ему одному.

Баллиста по правому борту тут же открыла огонь, и юноша удивлённо моргнул, увидев, что гарпуны безобидно отскакивают от брони создания.

«Я должен попасть в голову», - подумал он, наводя баллисту выше. Он прицелился, задержав дыхание, и выстрелил. Тетива коротко звякнула, и Меррик почувствовал, как дёрнулось орудие; однако снаряд прорезал воду в пяти шагах от того места, куда он целился. Парень застонал – он не учёл скорость корабля. Монстр начал погружаться, ненадолго скрываясь от неожиданной атаки.

- Заряд! – крикнул юный артиллерист, отчаянно надеясь на другую попытку, прежде, чем зверь скроется из виду.

Команда сразу же зашевелилась, взводя и перезаряжая баллисту на удивление расторопно, но в то же время мучительно медленно. Всё без толку. К моменту готовности второго снаряда, только верхушка панциря скользила над поверхностью, а угол атаки стал неудобным. «Копьеносец» пролетел мимо слишком быстро.

- Вторая цель прямо по курсу, - обратил внимание стрелок второй баллисты. – Ту оставь другим кораблям.

Меррик повернулся и, действительно, увидел вторую дракочерепаху, деловито следовавшую к «Звезде Тетира».

Юноша смутно осознавал, что вокруг него ещё больше сахуагинов забрались на фрегат, и теперь здесь кипело яростное сражение за контроль над кораблём. Он слышал, как капитан Хок выкрикивает команды мужчинам и женщинам, но не обращал на это внимания, сосредоточившись на поиске верного прицела. В какой-то момент Турин выстрелил куда-то за спину Меррику, но стрелок проигнорировал и это, ожидая и выравнивая орудие.

На этот раз, когда он решил, что угол подходящий, парень не колебался, желая оставить возможность для второго выстрела. Он нацелился немного дальше чудовища, компенсируя скорость судна. Выстрелив, юноша был вознаграждён прямым попаданием – в маленький кусок затылка, торчавший над верхушкой панцирной брони. Гарпун застрял там, торча словно обломанная мачта, но черепаха, похоже, рана никак не тревожила. Баллиста-близнец с другого борта выстрелила тоже, оцарапав существу шею – оно замотало головой и грозно заревело.

- Заряд! – заорал Меррик, но орудийный расчёт уже был занят делом.

Как только тетиву снова натянули, а новый снаряд лёг в паз, черепаха сместилась ближе к кораблю. Приподнявшись, она холодно оглядела людей, возившихся со второй баллистой, затем раскрыла огромную пасть.

- Берегись! Сейчас выдохнет! – вскричал один из матросов, но было уже слишком поздно. Огромный клуб пара вырвался из звериного зева, и Меррик невольно отшатнулся от обжигающего жара, в то время как другие приняли удар полностью, и теперь кричали, отползая в мучениях. Юноша свернулся, когда облако перегретой воды пронеслось по палубе, сразу почувствовав, как одежда пропитывается тёплой, дурно пахнущей влагой.

Когда пар немного рассеялся, Меррик побледнел. Люди лежали без движения, с ошпаренной покрасневшей кожей, с лицами, застывшими в масках боли и ужаса. Он отвернулся и увидел, что его команда избежала урона, а баллиста уже взведена и готова к очередному выстрелу. Юнга бросился к ней, молясь о том, чтобы жуткая зверюга всё ещё была в пределах видимости. Он глянул за фальшборт и увидел её,

так и плывущую рядом с «Копьеносцем», но потихоньку отстающую от более быстроходного соперника.

Меррик быстро развернул баллисту и прицелился, хотя его руки тряслись от страха и отвращения. Он посмотрел вдоль гарпуна, намечая место чуть позади головы монстра, затем глубоко вдохнул. И выстрелил. Его глаза оставались прикованы к выбранной точке – огромный болт летел точно в цель. Как только он сблизился, в то место всплыла голова твари, и зазубренный наконечник глубоко погрузился в плоть, немного в сторону от глаза. Оно заревело от боли и ярости и тут же нырнуло, плывя под странным углом и оставляя за собой потоки тёмной крови. Сердце парня подпрыгнуло к самому горлу.

«Я попал! – ликовал он внутри. – Я сделал это!» Он обернулся и увидел, что Турин улыбается ему, как и остальные члены орудийного расчёта.

- Заряд! – снова приказал он, с широкой улыбкой на лице.

Матросы подчинились. Он отдал приказ, и умудрённые морские волки выполнили его. Юноша бросил взгляд на ведро со смолой, стоявшее на палубе и ждавшее, когда парнишка, оставивший его там, вернётся к своей рутине. Меррик знал, что когда битва закончится, ему, возможно, тоже придётся вернуться к своему собственному ведру, но он вернётся к нему уже настоящим матросом. Мужчиной.

Он был готов стрелять, но «Копьеносец» уже умчался прочь от сражения. Когда корабль развернулся, Меррик начал всматриваться в воду, ожидая шанса выстрелить ещё раз, но возможности так и не представилось.

Отовсюду доносились радостные крики, и парень обернулся посмотреть, почему. Так же быстро, как она началась, битва уже закончилась. Сахуагины прекратили осаждать «Звезду Тетира» и отступали группками, прыгая за борт, чтобы избежать смертоносной завесы снарядов с «Кентавра» и «Тарана». Две из черепашек были убиты, остальные две ранены и спешно покидали поле битвы. Сама «Звезда» представляла собой печальное зрелище – её когда-то крепкие паруса уничтожены, а оснастка превратилась в спутанный, оборванный клубок – но в остальном всё же осталась невредимой. Остатки экипажа, возглавляемые старпомом Гуллой, радостно приветствовали три меньших судна, в очередной раз изменивших курс.

Меррик улыбнулся и осел на палубу – облегчение забрало последние силы из его коленей.

«Мы смогли, - думал он. – Мы спасли «Звезду Тетира». Хотя цена была высока, знал он, видя бесчисленные тела на палубах и «Копьеносца», и «Звезды» - но тем не менее они спасли гордость флота королевы.

Турин хлопнул юношу по спине, улыбаясь от уха до уха. Хок покрикивал на команду, заставляя встать борт к борту со «Звездой» и приготовиться переходить на неё, заодно пиная под зад тех, кто, на его взгляд, двигался недостаточно проворно, но юноша заметил искорки в его глазах. Капитан гордился своим экипажем – экипажем, настоящей частью которого теперь стал и Меррик.

- Да здравствует королева! – отсалютовал один из матросов на такелаже.

- Да здравствует королева! – вторили ему остальные моряки, затянув затем шанти о победе. Меррик подпевал, улыбаясь себе под нос.

«Да здравствует королева, - подумал он. - Да здравствует «Звезда Тетира»!

КЛИНОК ПЕРСАНЫ

Стивен Шенд

День 10-ый месяца Элеасис, Год Перчатки

Перед ним лежала жизнь, на которую он надеялся – восхитительная жизнь за пределами стен Башни Нумоса, посреди волнений войны и магии. Здесь ожидала битва, его, великого жреца тритонов Нумоса и их боевого товарища Баласа, против Первосвятого Ксинакта из Арканума Моркотов. Он видел всё – множество смертей от рук бесчинствующих моркотов, свирепость их союзников кракенов, а также решительную веру тритонов в то, что смерть и боль закончатся здесь, сегодня.

Он видел всё, за исключением резных коралловых голов тритонов и гиппокампусов в рядах армии. Маленькие фигурки часто становились размытыми, покрываясь детритом и «морским снегом», опускающимися в помещение из верхних слоёв моря. Керос тщательно протёр фреску куском акульей кожи, возвращая «Битве Основателей» былую чистоту и чёткость. Здесь его окружали и другие фрески, запечатлевшие акты отваги и веры – и неприятная обязанность Кероса заключалась в том, чтобы полировать их до начала вечерних молебнов.

- Если не будешь усердно учиться, Керос, ты никогда ничего не достигнешь, - пробормотал Керос вслух, язвительно передразнивая тон своего отца и важно потрясая пальцем против течения.

Он быстро огляделся, опасаясь, не услышал ли его кто. Никого не обнаружив, он быстро спустился вниз по спирали, вытряхивая из головы тяжёлые мысли. Молодой тритон всё ещё придумывал умные ответы в продолжение спора с отцом, случившегося несколькими часами ранее. Кероса отчитывали за то, что он покинул утренние молитвы, чтобы поглазеть на сбор армий, отправляющихся наверх исследовать скорбные песни китов и другие звуки надвигающегося конфликта. Его поймали, когда он направлялся обратно в комнату. Его отец сидел там, где должен был находиться Керос, читая то, что молодой тритон должен был выучить до следующего дня. В качестве наказания Первосвященник Морас отправил своего младшего сына полировать мозаики в коридоре Великой Сокровищницы – практически бесконечное занятие из-за того, что они украшали стены высотой почти в тринадцать фатомов от пола до потолка по обеим сторонам прохода в помещение.

Возвращаясь к заданию, Керос с лёгкостью проплыл через весь зал к мозаике на самом верху, на секунду уловив своё отражение в кристаллических дверях Сокровищницы. Он почти достиг полного роста, а плечи и торс состояли из сильных мышц. Кожа его потеряла светло-голубой подростковый оттенок, теперь более

тёмный цвет знаменовал его переход во взрослую жизнь. И хоть это разительно отличалось от нормы, Керос давно прекратил задаваться вопросом, почему его волосы были подобны зелёным ламинариям, а не привычной синей копне, и принял это. Когда он сбривал всё подчистую – больше чем единожды – они отрастали обратно до состояния пышной гривы, свисающей сейчас чуть ниже плеч. Он выглядел как взрослый – так почему же с ним не обращались, как с таковым?

Керос знал – многие ждали, что он станет жрецом, как его мать и отец; хотя чем неотвратимее он приближался к посвящению из аколитов в ряды духовенства, тем более молчаливым и угрюмым становился.

«Они никогда не спрашивали, чего я хочу – в тысячный раз начал он спор в своей голове, – потому что всё ещё злятся на Налоса за то, что он отверг церковь и присоединился к армии. Я не хочу делать того же – во имя волос Персаны, я вообще не знаю, чего хочу – но они даже не предоставили мне выбора. Они просто считают, что я стану жрецом, как они, и даже знать не хотят, когда я говорю им, что не слышу голоса Персаны».

Керос начал надраивать фреску, изображающую взятие Арсенала Ксинакта, и заковычивание нечестивых артефактов в лёд, но его злость вложила слишком много сил в его руки – и он услышал, как под куском кожи что-то треснуло.

Паника мгновенно выдернула его из мечтаний, и сын жреца убрал тряпицу от святыни. Хлопья тысячелетнего коралла блестели на ней, и ещё больше сейчас осыпалось со стены. Он спустился вниз с той же скоростью, с какой упало его сердце, сгребая осколки до того, как их разнесёт течением слишком далеко. В ушах зашумело, когда он начал представлять, какие наказания его ждут за подобное святотатство. Но куда хуже будет разочарование в глазах матери, которая страстно любила эти творения. За какой-то миг Керос уничтожил бесценное сокровище. Собрав вроде бы все фрагменты, Керос вновь подплыл к стене, оценить ущерб – хотя маленькая горстка коралловой крошки в сложенных чашечкой руках выглядела куда более ужасающе, чем целая орда коалинтов, спускающаяся из мглы.

Добравшись до росписи, Керос судорожно вздохнул. Он начисто уничтожил мозаику с Нумосом, замораживающим забранные у моркотов реликвии. Фигура Нумоса осталась на стене, но теперь между ним и раненым Баласом зияло пустое место с неровными краями. Керос взвесил осколки в правой руке, затем коснулся очищенной области левой. Каменная стена после потери кораллового украшения казалась грубой, но даже она начала крошиться после его касания. Ещё одна волна ужаса заставила его отшатнуться от стены – Керос не дыша смотрел, как от этого места начали расходиться трещины. И с каждым стуком сердца они становились всё шире. Позабутые осколки дрейфовали прочь от его правой руки, опускаясь сквозь воду на пол, пока молодой тритон наблюдал, как целая секция стены трескается и раскалывается в месте соприкосновения.

Поглощённый паникой и шумом в ушах, Керос не обращал внимания на окружающие звуки – до сего момента. Страшась самых худших кар, мысленно уже находясь в подземной тюрьме под Вууваксом, городом Гневных, он представлял, что оглушительный грохот – это стук закрывающихся за ним дверей камеры. Но он, наконец, понял, что эти звуки реальны, когда трещины разошлись, и вся стена провалилась внутрь. Откинутый силой удара, Керос едва успел заметить летящий

ему прямо в голову кусок коралла с вырезанным на нём Ксинактом Первосвятым, когда всё поглотила тьма.

Керос судорожно плыл сквозь толщу моря, казалось, уже несколько дней. Неважно, насколько быстро он плыл, в воде поблизости всегда держались акулы. С бешено бьющимся от испуга сердцем Керос размышлял, почему же они не приближаются для финального удара. Он был вымотан и ранен, кровь облаком расходилась в воде, и они явно легко могли его догнать. Одна из рыбин бросилась на него, и Керос отчаянно нырнул, оставив хищницу лишь с клоком зелёных волос в пасти, а самого тритона – с острой болью в голове. Затем приблизилась ещё одна, но сын жреца слишком устал, чтобы уклоняться от очередной атаки. Он моргнул, но потом разомкнул глаза, встречая смерть так, как хотел того его отец. В пасти твари было бесконечно много зазубренных зубов – но она изогнулась, уходя наверх, и хлестнула его хвостом в грудь.

Керос снова моргнул, от удивления – и очнулся от того, что его маленькая сестрёнка Чаран в панике колотила его по груди.

- Проснись-проснись-проснись-проснись! Керос! Вставай-вставай! – верещала она.

От отчаяния её глаза были плотно закрыты, пока она цеплялась за то единственное, что сейчас было ей нужно больше всего – чтобы её брат проснулся и всё исправил. Она выглядела почти смешно, сгорбившись над ним и молотя тонкими ручонками четырёхлетней девочки по его груди изо всех сил – но он слышал страх в её стенаниях.

- Хорошо, хорошо, Чар, я пришёл в себя. Что?..

Керос схватил её за руки, удерживая, пока он окончательно не очнулся, и его чувства не вернулись в полной мере. Вокруг него валялись обломки, витали медный запах крови и острый запах ужаса. Голова гудела, но никаких ран вроде бы не было. Тритон почти поверил, что всё ещё галлюцинирует, но тут «Битва Основателей» взорвалась ещё раз. Там, где раньше располагалась повреждённая мозаика, теперь обнаружилась огромная пробоина в стене, заодно задевшая откос и арку дверей Великой Сокровищницы. Сами же двери в виде больших кусков были размётаны по полу. Керос и Чаран съёжились между ними под своеобразным каменным навесом. Хотя светящиеся коралловые сферы всё ещё напityвали помещение светом, гораздо больше света лилось из самой Сокровищницы – вместе с тенями сражающихся фигур, становившимися ещё больше на разрушенной стене.

Кругом лежали обломки дверей и изломанные тела тритонов-жрецов, погибших, защищая дом и честь. Каждый раз, когда она видела очередное мёртвое тело – зачастую, друга семьи, которого знали они оба – у девочки расширялись глаза, и она замолкала, своей хваткой едва не протыкая насквозь перепонки между пальцами Кероса. Молодой тритон усадил её на руку и посмотрел туда, где раньше был выход.

- Давай выбираться отсюда, Чар, - сказал он.

Она молча кивнула; одной рукой сестрёнка обхватила его за шею, а большой палец другой сунула в рот. Её жабры и ноздри раздувались, и сын жреца знал, что она очень сильно напугана. Керос начал напевать любимую колыбельную Чаран, которую она могла воспринимать, касаясь его горла. Когда она немного успокоилась,

он поплыл к дальнему концу зала, используя груды каменного мусора как укрытие. Он не знал, что привело сюда моркотов, но точно знал, что не сможет справиться с ними с сестрой на руках.

Чаран начала хныкать, её всхлипывания далеко разносились в воде. Керос услышал, что кто-то плывёт за ним, преследуя, но выдохнул с облегчением, когда Второй Священник Наран промелькнула в водах высоко над ними, вытянув вперёд светящийся трезубец. Она казалась напряжённой и готовой к сражению, но затем услышала своих детей и подплыла навстречу.

- Хвала Персане, ты жива, мама, - с облегчением воскликнул Керос, подплыв к ней. Но когда она повернулась, он увидел взгляд, которого раньше никогда не видел – взгляд, полный отчаяния.

- Керос, слушай меня внимательно и не спорь, - Наран откинула копну сапфировых волос назад, взглянув на Сокровищницу. – Архонт Аксар Ксирль и его моркоты вторглись в Абидос. Хотя их первый удар пришёлся на башню, твой отец правильно предположил, что им нужен Арсенал Ксинакта.

Во время разговора она расстегнула странный пояс на талии и вручила Керосу таинственный предмет. Яркий золотой обруч сиял наверху длинных, плоских, обитых кожей ножен, которые крепились золотыми петлями к поясу.

- Моркоты завладели несколькими артефактами, когда-то принадлежавшими Ксинакту, и нам нужно не допустить того, что они оставили их себе навсегда. Возьми вот это – и свою сестру – и выбирайтесь отсюда. Направляйтесь к освещённой солнцем воде и найдите вашего брата. И пока не услышите обратное, считайте, что здесь небезопасно.

Чаран обняла мать с отчаянностью ребёнка, нуждающегося в защите, а Наран обхватила её с не меньшей силой. Затем Жрица освободилась из объятий и вручила дочь Керосу, услышав крики погибающих тритонов позади неё, в Великой Сокровищнице, вскрытой и доступной внешним течениям. Сложив руки чашечкой, Наран подхватила Чаран за подбородок и поцеловала в лоб.

Сжав предплечье сына, показав тем самым уважение и принятие его как взрослого тритона, Наран сосредоточенно кивнула и произнесла:

- Ступай, мой сын, оберегай и себя, и меч от лап наших врагов. Да приведёт тебя милость Персаны к спокойным водам, - с поблескивающими глазами она поцеловала в лоб и его, затем резко отвернулась: - Мы увидимся снова, когда будет возможность.

Повернувшись, она уплыла наверх, на перехват воина-моркота, спускавшегося к ним. И хотя он страстно желал помочь, Керосу нужно было доставить Чаран в безопасное место.

Плывя так быстро, как он только мог, молодой тритон пробирался зигзагами по туннелям Башни Нумоса, не обращая внимания на крики сестры. Девочка отчаянно хотела увидеть маму, поняв, что та не последовала за ними. Крепко сжимая её одной рукой, Керос вплыл в коридор, соединявший башню с конюшнями. Если только получится до них добраться, они смогут быстро спастись и уберечь этот «меч» – или что там это было – от опасных обитателей Оллета.

После очередного поворота надежды Кероса разбились в прах, когда чёрная тень загрозила дороге далеко впереди. Щупальца трепыхались под ней, а серебристо-чёрная шкура блестела в магическом сиреновом свете жезла в её лапах.

- Отдать это Дуупаксу ты должен, позволит жить Дуупакс тебе. Противиться Дуупаксу не можешь, молодой тритон, - моркот щёлкнул клювом и безжалостно рассмеялся в лицо своей жертве.

Керос понял, что улыбается, а вся его злость, страх и смятение улеглись. Через свою рукоять меч передавал слепящую энергию, натолкнувшую его на план. Почти неосознанно он начал двигаться в длинном коридоре вдвое быстрее вместо того, чтобы замедлиться и остановиться. Он вытянул светящийся клинок вперёд, держа у самого верха ножен, но не касаясь металлической гарды. Прежде чем Дуупакс успел закончить заклинание, которое он готовил для беглецов, Керос преодолел разделявшее их расстояние и всем весом навалился на врага, ткнув рукоятью. Тритон был готов к удару, и легко мог удержать Чаран, но оказался не готов к тому, что произошло следом.

Намереваясь сбить моркота и прорваться мимо, Керос вскрикнул, когда рукоять клинка ослепительно ярко засветилась, и запах горелой плоти наполнил воду вокруг головы Дуупакса. Тот издал пронзительно-режущий визг, заглушивший крик самого Кероса и бульканье воды около точки соприкосновения. Изогнувшаяся рукоять с навершием выжигала лицо моркота, огибая правый глаз и часть щеки. Свет лился прямо в сиреневые буркала Дуупакса, причиняя ещё больше боли.

Керос опустил руку, чтобы свет не мешал, но не замедлился и не ослабил хватку. Дуупакс, которого отнесло уже на несколько метров от места столкновения, свалился с оружия и плюхнулся на землю, хватаясь за лицо. Сын жреца на секунду задумался, не вернуться ли и не удостовериться, что моркот больше не причинит им вреда, но конюшни и безопасность были слишком близко.

«Ты не можешь воевать, пока не уберёшь Чаран из-под удара, дурак! - отчитывал он себя. - Спрячь её и эту штуку подальше от уродов, и тогда сможешь доказать, что достаточно взрослый, чтобы вернуться к сражению».

Заплыв в конюшни, Керос наконец остановился у ближайшего стойла с горящими от перенапряжения ногами. Это место принадлежало Волнозвёзду, морскому коню его отца, заржавшему и попятившемуся от неожиданного вторжения молодого тритона с сестрой. Керос подплыл к горделивому животному, выставив руки ладонями вперёд, чтобы успокоить зверя, и сказал:

- Волнозвёзд, я вынужден просить об одолжении. На нас напали мор...

Морской конь бесцеремонно хлестнул могучим хвостом по земле, и остальные обитатели конюшен, во всем следовавшие лидеру, вторили ему – знак того, что они желали присоединиться к защите родного города.

- Нет! – загремел Керос, а сестра и конь даже слегка опешили от силы его голоса. Взяв себя в руки, тритон посадил Чаран на спину скакуну, игнорируя немалое сопротивление с её стороны, потом привязал её верёвкой из водорослей.

- Мать хочет, чтобы мы убрались подальше отсюда вместе с этим, - он показал Волнозвёзду золотое оружие на поясе, прежде чем закрепить ремень на шее животного. – Чтобы треклятые моркоты не смогли использовать это против нас или другого высоководного народа. Найди нашего брата Налоса, старшего сына Мораса. Он где-то выше, и там сейчас единственное безопасное место для нас. Сможешь доставить нас туда? Сможешь уберечь Чаран, пока отец не придёт за нами?

Гиппокампус склонил голову набок, будто переваривая сказанное тритоном, затем, пощекотав головными плавниками свою маленькую наездницу, мотнул головой и потрусил к выходу из конюшен.

Всхрапнув и тихо заржав, Волнозвёзд подозвал ещё двух морских коней на помощь в защите Чаран, в то время как третий – собственный конь и компаньон Кероса, Прилив – подошёл к молодому тритону. Керос снял со стены небольшой трезубец и сеть, которую обмотал вокруг плеча. Конечно, ему хотелось, чтобы на нём были его жилет или пояс, но, увы, сейчас он мог взять только то, что мог закрепить на теле или унести в руках. Пока он размышлял над тем, не взять ли ещё оружия и какой-то еды в дорогу, его внимание привлёк дрожащий жалобный голос:

- Керос! Не бросай меня! Мне страшно! – плакала Чаран, пытаясь выпутаться из узлов, надёжно крепивших её к спине Волнозвёзда.

Конь негромко заржал и посмотрел на тритона. Забравшись в седло, Керос мягко успокоил сестрёнку, не сводя при этом с дверей, ведущих в башню, внимательных глаз:

- Не бойся, Чаран, с Волнозвёздом тебе будет безопаснее, чем жемчужине в раковине. Помнишь, сколько раз он уберегал отца? – он подплыл к ней на Приливе и затянул потуже крепления, которые она смогла ослабить. – Почему бы тебе не попробовать научить его одной из твоих песен? Уверен, ему понравится. Просто наклонись поближе и шепчи на ушко. – Керос поймал неодобрительный взгляд могучего скакуна и услышал, как тот фыркнул, но они оба понимали, что Чаран нужно было отвлечь, чтобы отбыть без приключений. – Теперь приготовься и держись крепче. По твоему сигналу, Волнозвёзд.

Четвёрка морских лошадей с двумя всадниками стремительно выплыла из конюшен и понеслась на север. Но как только они преодолели двор Башни Нумоса, Керос услышал, как его мать выкрикнула имя её друга – и сразу же развернул Прилива обратно к покинутому строению.

- Отвези Чаран наверх, Волнозвёзд, и защити её и меч. Мы последуем, как только сможем – я должен помочь, и вдобавок задержать всех, кто попытается вас преследовать, – крикнул Керос вдогонку оставшейся троице, продолжившей путь несмотря на протесты маленькой всадницы. – Попутных течений, друг.

Хоть пойти на такое и было невыразимо мучительно, он должен был оставить Чаран, чтобы проверить родителей. Сестра находилась в безопасности – он это знал – но Керосу нужно было убедиться, что и их матери с отцом тоже ничего не угрожает, хоть ярость в голосе жрицы и заставляла усомниться в подобном раскладе дел. Молодой тритон стряхнул страха и направился к огромному пролому в стене Башни Нумоса. Ему доставило мрачное удовлетворение наблюдать за создавшим дыру кракеном, сейчас умиравшим от града боевых трезубцев. Оставалось лишь надеяться, что сражение внутри проходило так же успешно, как и сражение снаружи.

Ещё даже не достигнув центра Великой Сокровищницы, он услышал крики раненых и стоны умирающих. Несмотря на запахи ужаса и смерти, Прилив всё же неохотно вплыл в здание, благодаря преданности и доверию к Керосу. Они следовали пути, проломанному сквозь многочисленные стены и защитные механизмы к самому сердцу Сокровищницы. Молодой тритон никогда не был внутри – так уж вышло, что его первое посещение принесло ему и его первую войну.

Комната оказалась высотой больше двадцати метров и круглой почти по всему периметру, за исключением стены, где раньше находились двери. Поблескивающий белый коралл усыпал все поверхности, а саму стену испещрили многочисленные дыры, сквозь которые виднелись различные сундуки с предметами, книгами и прочими ценностями, проворно обираемые захватчиками.

Знаменитый Арсенал Ксинакта должен был висеть на потоках воды в сердце камеры, запертый внутри никогда не тающего магического льда. Керос знал, что арсенал уже был вскрыт, раз Наран отдала ему один из артефактов – то странное оружие обитателей поверхности, «солнечный меч» - теперь висевший на шее Волнозвезда, мчавшегося к безопасности верхних вод.

Облако крови, осколков льда и прочих обломков теперь держалось там, где раньше был арсенал. Остался нетронутым только самый большой кусок, хранивший самое ужасное приобретение из всех, отрезанный Коготь Ксинакта – вернее было бы сказать, всё левое щупальце Ксинакта, с большим драгоценным камнем в ладони. Оно всё ещё было покрыто льдом, но от большого моркота, зависшего под потолком, тянулось и обвивалось вокруг ледяного саркофага ярко-красное щупальце. За то короткое время, что Керос смотрел на эту сцену, лёд покрылся трещинами.

Керос перевёл взгляд вниз и увидел сотни ледяных осколков, плававших вперемешку с изуродованными телами священников, погибших, защищая свою веру и свою твердыню. Их кровь смешалась с водой, заставляя Прилива паниковать.

И всё же две фигуры двинулись вперёд; Керос окликнул:

- Мать! Отец! Я пришёл на помощь!

Мгновенно среагировав на голос тритона, на его пути возник моркот, щёлкая клювом и угрожающе размахивая когтями – только лишь затем, чтобы получить ужасающий удар головой от Прилива. Керос вдогонку ткнул своим трезубцем, пронзив сердце врага, но это стоило ему оружия, оставшегося торчать в груди жертвы.

Керос выпустил требузец, когда высмотрел обоих родителей внизу комнаты. Он узнал Наран по её чистому сильному голосу, когда она читала заклинание, которое должно было обездвижить противостоящих ей врагов – хотя её сын заметил и другую троицу моркотов, сновавших неподалёку. Но несмотря на грозившую ей самой опасность, жрицу, похоже, куда большее тревожило происходящее в другой части помещения. Проследив за её взглядом, молодой тритон рассмотрел отца, пригвождённого к середине стены трезубцем, пронзившим ногу и торс; плотное облако крови окутало его обмякшую фигуру.

- Нет! – вскричал Керос, пришпорив своего морского жеребца. – Помоги матери, Прилив! Я должен спасти отца.

Керос спрыгнул со спины коня, резко нырнув вниз и уворачиваясь от ледяных обломков, теперь больше служивших препятствиями, а не защитой. Молодой тритон плавал в поисках оружия, так заметно отсутствующего в руках отца впервые за многие годы. Тут он услышал позади и над собой громкий треск льда и крик матери:

- Керос! Плыви оттуда сейчас же!

Голос Наран переплёлся с высоким ржанием Прилива, использовавшего копыта и плавники в схватке с моркотами. Керос хотел объяснить, зачем он здесь, но не мог

этого сделать даже самому себе. Отец, похоже, погиб, но его наследие не достанется этим грабителям.

Керос внимательно слушал, следя за возможными атаками, но, к его удивлению, никто не нападал, пока он пробирался по полу среди груд мусора. Блеск тёмного металла выдал то, что он искал – старинный тапал, находившийся во владении семьи вот уже семнадцать поколений. Он служил Морасу оружием на протяжении всей жизни его сына, и его смертоносная красота была очевидна поднявшему его молодому тритону. С острейшей внешней гранью, металлическая дуга шла параллельно предплечью, огибала костяшки и продолжалась другим остриём чуть дальше локтя. Закрепив оружие в правой руке и вытянув её вперёд, вместе с тапалом, Керос двинулся было к отцу, но голос в его голове, несомненно, его заклятье, заставил его резко остановиться. Морас говорил быстро, но куда более эмоционально и напористо, нежели Керос слышал вживую все эти годы.

- Керос, сын мой. Я знаю, что ты хотел, как лучше, но ты должен оставить нас. Наши судьбы в руках Персаны. Наран и я знаем, за что сражаемся – за то, чтобы не дать Аксару Ксирлю захватить магические реликвии этого места. Торопись, он почти завладел тем, за чем явился. Помешай ему, и тогда мы сможем озаботиться своим выживанием.

Чары не позволяли Керосу отвечать мысленно, а произносить слова вслух – значило привлечь к себе излишнее внимание. Беззвучно, он поплыл прочь, скользя промеж больших фрагментов льда у пола. Керос вскоре понял, что мало кто из моркотов удосужился посмотреть на него в момент их триумфа. Громкий треск, словно похоронный звон, прозвучал в Великой Сокровищнице, когда ледяной кокон разлетелся под давлением магического щупальца.

Молодой тритон увидел, как лицо его матери исказилось от ужаса, хотя она и Прилив и до этого были окружены многочисленными моркотами. Керос развернулся к дальней стене, следя за лидером моркотов с серебряным клювом. Огромный моркот двинулся вперёд, скрываясь из поля зрения Кероса на вершине дрожащего айсберга. За несколько секунд свет в помещении приобрёл зеленоватый оттенок. Остатки льда разлетелись в зелёной вспышке. Тритон услышал звук, который сегодня уже научился ненавидеть – скрипучие щелчки смеха моркотов.

Снова взглянув наверх, он высмотрел лидера нападавших – кого отец назвал Аксаром Ксирлем – размахивавшего окоченелым щупальцем давно умершего генерала моркотов; зелёный камень в ладони слабо светился. Керос ухмыльнулся, услышав, что его мать закончила заклинание и увидев, что магическая энергия сразу же начала скапливаться. Наран превратила свой трезубец в чистую энергию, следом запустив его в Ксирля – только чтобы увидеть, как магия безобидно осыпается.

Пока все были сосредоточены на Наран и Ксирле, Керос рванул вверх с места, находящегося почти точно под Когтем, ещё больше готовый следовать словам отца и вырвать тёмный артефакт из лап врага.

«Они могут завладеть им на пару минут, - думал он, - но сохранить его у них не получится, если Персана поможет мне».

«Целые жизни могут уместиться между двумя ударами сердца» - этому церковному учению Керос никогда не верил, до этого момента. За те короткие секунды, что понадобились ему для сокращения расстояния между ним и Аксаром

Ксирлем, он в ужасе увидел, что моркот обратил внимание на Наран и навёл на неё Коготь. И хотя руки тритона были в каких-то сантиметрах от щупалец уroda, Керос не смог сдержать крик, когда Коготь вспыхнул зелёным светом, объявившим затем жрицу. В ужасе он наблюдал, как сначала её плоть испарилась с тела, оставив скелет, затем и кости рассыпались пеплом. Всё это время Ксирль продолжал смеяться, хотя казалось, что этот смех тянулся бесконечно.

- Мама!

Поражённый горем и злой сверх всякой меры, Керос продолжал плыть вверх, не прекращая кричать. Так как он появился сразу же после атаки, даже Аксар Ксирль не мог защититься от такого неожиданного натиска. Тритон держал руку прямо, проплывая мимо моркота. Лезвие тапала безо всяких усилий прорезало длинную рану на груди предводителя и его вытянутой лапе, удерживавшей Коготь Ксинакта. Несмотря на то, что оружие нанесло урон архонту, Керос использовал эффект неожиданности и приданную гневом силу, чтобы левой рукой ещё и вырвать мумифицированное щупальце из хватки Аксара Ксирля. Затем он продолжил движение вверх, к потолку и к зияющему проходу, уворачиваясь от одиночных заклинаний и используя различные обломки, чтобы избегать атак моркотов. Керос достиг потолка в тот момент, когда Аксар Ксирль полностью осознал нападение, вереща от боли – и от негодования, когда он понял, что так быстро утратил Коготь Ксинакта.

В эти моменты тритон мог выбраться из Великой Сокровищницы и направиться к открытой воде, прочь от тех, кто желал отобрать принадлежавший ему теперь артефакт. Но забота о родителях и друзьях замедлила его – он думал, как добраться до них. Керос свистнул Приливу, но услышал в ответ полное страха ржание, давшее ему понять, что верный конь всё ещё в ловушке. А потом он услышал скрипучий, шипящий голос Ксирля, обращавшегося к нему.

- От Аксара не сбежишь ты. Вернуть Коготь ты должен, или смотреть как другие умирают будешь. Высокий жрец-отец умереть, если Коготь Ксинакта Аксару не возвращён.

Словно подчёркивая угрозу, моркот бросил заклятье, и Керос услышал треск пронзившего воду электрического разряда, который смешался с криком боли его отца.

Керос больше ничего не видел, не думал, и даже плыл сквозь тёмные глубины, не осознавая этого. Он стал плавучей яростью, готовой поделиться своей болью с существом, убившим его мать и теперь угрожавшей и отцу. Развернувшись посреди течения, плывя обратно к сердцу разрушенной Сокровищницы, тритон чувствовал лишь злость – на моркотов и на самого себя, за то, что не нашёл в себе сил подчиниться приказам родителей. Он не замечал сияния сжатого в левой руке Когтя, как и схожего свечения на правой руке с тапалом. Он не чувствовал ничего, кроме потока омывающей тело воды, но магические чешуйки зашевелились под его кожей, заползали, будто ведомые чье-то разумной волей. Сын жреца не обращал внимания на то, что плывёт быстрее, чем когда-либо в жизни, и больше не чувствовал усталости, досаждавшей ему ранее. Он теперь был ещё и злее, чем когда-либо, и вся эта ярость была направлена на архонта Аксара Ксирля.

Керос возвращался с единственной целью – добавить голову предводителя моркотов к коллекции артефактов в Башне. Ярость не давала ему избегать магических атак, как и беспокоится об их наличии. Моркоты пытались уничтожить его, сгустки чар летели со всех сторон – но молодой тритон игнорировал их. Каждое попадание усиливало зеленоватое свечение вокруг Кероса, загоравшееся всё ярче, в то время как сам вернувшийся беглец ощущал лишь нарастающее тепло в руках, и собственную ярость. Он хотел использовать силу Когтя, чтобы освободить отца и заставить моркотов отступить, но какая-то часть его жаждала уничтожить их всех до единого. Замедлившись, он взглянул на отца. И остановился вовсе, когда заметил светящиеся зелёные чешуйки на вытянутых перед собой руках. И в это мгновение колебаний Кероса оплело огромное щупальце, магическая субстанция которого тянулась от Аксара Ксирля.

- Отдать Аксару Коготь ты должен, и раздавить быстро, как морского слизня, Аксар тебя сможет, - прощёлкал залитый кровью архонт, - иначе заставить смерть длиться вечно Аксар сможет.

Серебристо-чёрный моркот с серебряным клювом спустился со своей наблюдательной позиции наверху к пригвождённому к стене Морасу. Поддерживая угрозы, он запустил два нижних щупальца в гриву длинных волос верховного жреца.

- Близок к смерти отец, юный тритон. Окончить его жизнь Аксар не желает, но убить Аксар будет, чтобы силу Когтя вернуть.

Остальные моркоты окружили Кероса, пока Ксирль говорил, и их лидер переместил кольца магических теней, позволяя своим миньонам высвободить реликт. Керос отчаянно пытался удержать Коготь, но двое моркотов тянули его, ещё один душил самого тритона, и тот почувствовал, как артефакт, наконец, вырвали из его хватки.

Сын жреца чувствовал себя побеждённым, но его ярость продолжала нарастать. Он смотрел, как моркоты протягивают Коготь своему предводителю, державшему чёрное поблескивающее щупальце над сердцем Мораса, но теперь убравшему, чтобы забрать реликвию. Керос смотрел, как архонт вертит засушенное щупальце снова и снова, будто что-то выискивая. Он не понимал – как, очевидно, и сам Ксирль – почему Коготь больше не светится зелёным, затем вспомнил о непонятных зелёных чешуйках на руках. Только после того, как моркот исступлённо заорал и уставился на него, тритон понял суть происходящего. Сила Когтя перешла к нему.

Хоть голова его и шла кругом от водоворота событий, Керос всё ещё собирался спасти отца – и теперь мог это сделать. Тритон воззвал ко всем своим эмоциям и взревел, напрягая мускулы, пытаясь прорубить опутавшие его кольца многожды благословенным тапалом. Мир покраснел в его глазах, и чары лопнули, не выдержав натиска его злости, а отдача лишила трёх из моркотов голов и конечностей. Аксар Ксирль съёжился перед лицом такой непредвиденной мощи, когда Керос высвободился из рассыпающегося заклятья и направился к нему. Тапал в правой руке теперь испускал изумрудного цвета энергию; тритон навёл его на злодея с серебряным клювом – и в глазах его не было ничего кроме ярости.

Трясаясь от ненависти, вызванной поражением, Аксар Ксирль сказал спокойным, и от того ещё более жутким голосом:

- Забрал мой трофей, маленький тритон? Или забрал тебя он? Знает силу Когтя Аксар Ксирль, знает, но не скажет, нет. Принесёт маленькому тритону лишь горе и вечную месть победа его.

За спинами моркотов, готовясь атаковать, встал на дыбы Прилив, а Керос бросился вперёд, но Аксар завершил заклинание парой быстрых жестов и исчез в водовороте.

Керос негодуя закричал, раздражение от того, что он так быстро потерял врага вырывалось из него вместе со всей злостью, душившей его во время битвы. Плотнo закрыв глаза и заходясь в яростном рёве, Керос не видел, что тапал разгорелся зелёным сильнее прежнего – но он заметил, когда ощущение веса в руке пропало. Открыв глаза, молодой тритон увидел, что клинок замерцал и растворился в пустоте. Хотя и поражённый этим, тритон всё же обратил свой взгляд не на себя, а дальше – на израненное тело отца, всё ещё пришпиленное к стене. Морас встретился с ним взглядом – и в нём не было ожидаемого сыном разочарования.

Керос подплыл к верховному жрецу, неожиданно испытав за то, что тот ещё жив, огромную благодарность судьбе. Сын не заметил, что Прилив отплыл от них на расстояние. Водяной конь какое-то время был тих, будто бы пытаясь понять, что за человек взрастил его из жеребёнка. Хотя тело болело от полученных ран и прошлых шрамов, Морас не обращал на боль внимания, посмотрев на сына по-новому.

- Из всех течений, что были открыты для тебя, Керос, - сказал он, - я не ожидал, что ты выберешь такое. Я ждал появления Клинка Персаны много приливов, но не предполагал, что им окажешься ты, мой сын.

- Что это значит, отец? – не понимал Керос. – Я сделал, как ты просил, и не дал моркотам завладеть Когтем. Теперь только надеюсь, что у тебя найдутся какие-нибудь заклинания, чтобы вытащить эту штуку из меня и вернуть обратно в лёд.

Молодой тритон позволил отцу повиснуть на его плечах. Они оба застонали, когда Керос выдернул трезубец из стены. Сын отнёс отца вниз, на один из обломков с ровной поверхностью на полу комнаты, но оружие всё ещё оставалось в теле, до тех пор, пока они не найдут другого целителя.

- Должно быть он потерял сознание от боли, - сказал Керос самому себе. – Поэтому не отвечает.

Уложив отца настолько удобно, насколько он смог, молодой тритон посмотрел ему в лицо, обнаружив, что тот в сознании и с любовью смотрит на сына.

Когда Морас взял Кероса за правую руку и повернул ладонью вверх, тот охнул – большой зелёный изумруд теперь поблескивал в самом центре.

- Тапал придёт на зов, когда он тебе понадобится; отрадно знать, что оружие остаётся на службе нашей семьи, - сказал Морас. – Единственное волшебство, которое сможет разделить тебя с ним и Когтем – то, которое ждёт всех нас в конце всех течений. Тебе придётся нести эту ношу до конца своих дней, но тебе хватит для этого сил. По крайней мере я так увидел, - Морас резко вдохнул, и удушающий кашель сотряс его тело, а вода около рта и жабр помутнела от крови.

- Отец! – вскричал Керос, его смущение сменилось тревогой, ведь теперь, после пыла сражения, раны старого тритона казались ещё серьезнее. – Отец...

Морас прекратил кашлять и открыл глаза.

- Ты мой сын. Холодное течение ждёт тебя, но не избегай его. Тебе известен твой долг перед Пуманатом, перед Серосом, перед Персаной. Защищай и храни эту силу от любого, кто захочет её заполучить и использовать во зло. Сделай это, и знай, что мы гордимся... - жрец снова закашлялся, и ещё больше крови просочилось из жаберных щелей.

Керос был слишком сосредоточен на последних словах отца, поэтому не услышал появления военного отряда тритонов. Резкое ржание Прилива предупредило его о нападении со спины, и тритон поднял правую руку, отражая зубцы трезубца, удивлённо вздохнув, когда оружие отскочило, высекая искры там, где металл коснулся чешуек – оба тритона вздохнули, но напавший лишь удвоил усилия.

Отвернувшись от поверженного отца, Керос увидел ещё восьмерых тритонов, наседающих на него со всех сторон, даже сверху. Всех он знал целую жизнь – и все они теперь смотрели на него так, будто не узнавали его, будто он был их злейшим врагом.

- Что происходит? – непонимающе спрашивал он. – Почему вы нападаете?

Ответом ему был лишь вихрь набрасываемых сетей. Прилив пришёл на помощь, сбив в сторону двоих тритонов, подбиравшихся снизу, и оттянул своего друга, как и сражение, подальше от раненого жреца. Внутри Кероса всё кипело – из-за потери матери, близкой смерти отца, необъяснимого нападения на него и непонятной новоприобретённой силы. Ему хотелось наброситься на тритонов, и словно в ответ на это желание, правая рука засветилась и в ней появился сияющий зелёным тапал. Разрубив спутавшие его сети, молодой тритон увидел, что ещё больше тритонов появилось в Башне Нумоса – и все они смотрели на него с отвращением и страхом. Поднявшись к потолку на спине Прилива, он воззвал к ним, но все его надежды объясниться были разбиты потоком трезубцев и ругательств. Несмотря на ярость, неконтролируемо вздымавшуюся внутри, Керос совсем не хотел биться с собственным народом, независимо от причин, по которым они атаквали. Устроившись на спине коня поудобнее, тритон-изгой повернулся к преследователям спиной и скрылся в глубинах моря.

С пола стражей-тритонов слабо окликнул Морас:

- Оставьте его. Сегодня и так хватило страданий, не нужно убивать одного из нас, и неважно какая им овладела магия.

Два центуриона спустились вниз, с трудом веря полученному приказу. Когда они выдернули трезубец, освободив ногу и туловище, два жреца рангом поменьше применили очень нужные сейчас целительные чары – и верховный жрец пришёл в себя.

- Керос? – пробормотал Морас. – Центурион Барис, мой мальчик смог сбежать?

Барис казался совершенно сбитым с толку, но всё же ответил:

- Да, ваше святейшество. Что здесь случилось? Что произошло с ним? Мы решили, что это был один из этих *татаков*.

Морас удивлённо посмотрел на центуриона. Это грязное словечко часто применялось к моркотам, но ни разу ещё оно не звучало на священной земле. Верховный жрец не без помощи уселся, и громко заговорил, а его голос резонировал в воде так, что слышали все находящиеся здесь:

- Многие из вас видели сейчас врага, покидающего это место верхом на одном из наших морских коней. Что бы вы там не думали – знайте, что вы стали свидетелями пришествия Клинка Персаны. Мой сын Керос – больше не тритон, но я буду молиться за то, чтобы он всегда избегал опасности, и чтобы он нашёл свою судьбу в водах Сероса.

На полное восстановление у Мораса ушло больше десяти дней, и всё это время он размышлял, как же Коготь мог слиться с Керосом воедино в том бою. И он нашёл ответы в книгах, посвящённых Арсеналу.

Из всех могущественных артефактов Сероса, Коготь Ксинакта давал наибольшее могущество, но требовал и наибольшую цену – саму душу. Его привлекали эмоции – но пусть они и питали его, придавая большую силу, прикосновение этого талисмана в конечном итоге приносило лишь разложение. Стремясь обнаружить хоть какую-то надежду на искупление для сына, Морас отправился в Библиотеку Комана в восточном Пуманате. И там, наконец, нашёл древнюю коралловую табличку с Пророчеством о Клинке Персаны.

Читая выбитый на ней текст, верховный жрец испытал и сочувствие к тому, какими течениями теперь должен был плыть его сын, и горе от его потери. Табличка лежала перед ним, и он ещё раз прочитал её, закрепляя в памяти. Морас поклялся наблюдать, слушать и ждать. Он станет летописцем деяний, свершённых Клинком Персаны, если будет на то воля богов. Верховный жрец прочёл слова вслух, давая клятву Персане во имя его сына Кероса и во имя его же чести:

«Помеченный Тьмой, Клинок Персаны явится к стражам от врага.

Выкованный Гневом, Клинок Персаны станет светом во тьме.

Закалённый Горем, Клинок Персаны защитит всех, кроме одного.

Ведомый Страхом, Клинок Персаны даст отпор тьме внутри и вовне.

Хранимый Долгом, Клинок Персаны вовеки пребудет на страже, но никогда не будет стражем сам»

ПОДНИМАЕТСЯ ТЁМНЫЙ ПРИЛИВ

Кейт Фрэнсис Стром

7 элейнта, Год Перчатки

Последние лучи заходящего солнца протянулись над водами Внутреннего моря, превращая в мерцающее золото его беспокойную поверхность. Моряки звали это Огнём Амберли и считали добрым знамением, знаком того, что Морская Королева благословляет их труд. Морган Кевлинсон стоял на носу издававшей виды рыбацкой плоскодонки, не одно поколение прослужившей его семье, и даже не замечал этот потрясающий вид. С отсутствующим видом он откинул с лица прядь угольно-чёрных волос, которую сдули туда вихрящиеся, пахнувшие солью пальцы ветра, и позволил мыслям уйти далеко-далеко от пламенной шкуры моря.

Дикие порывы глубин коконом окружает тьма; в обласканных солнцем морских залах видны сине-зелёные силуэты.

Там покоились тайны. Он знал это, как знал своё собственное имя. Море хранило древнюю мудрость — дикую и необузданную; несло зловещие обещания на своей широкой спине. И иногда, когда он в молчании плыл по волнам, эти обещания зывали к нему. Сегодня был именно такой день.

Морган закрыл глаза, поглощённый танцем ветра, волн и пены. Он чувствовал знакомое опустошение, как будто во время какого-то внутреннего отлива; его сердце билось в такт морским волнам, медленно и настойчиво, как бьющиеся о борт белые гребни пены, пока вообще всё — сердце, лодка, небо — не превратилось в единый ритм, и мир застыл в единственном текучем мгновении.

Тогда-то Морган и увидел её: глаза цвета густой сурьмы, зелёная, как отборный хризоберил, кожа, и сине-зелёные волосы, струившиеся свободнее самой воды. Да, ещё в этом существе была печаль, уязвимость, вызывающая у Моргана такую боль, какой он не знал никогда прежде. Он как раз собирался спросить, что может сделать, чтобы вернуть улыбку на её лицо, когда она открыла рот и...

- Эй, парень! Хватит грезить, лучше подсоби-ка! - голос был глубоким, резонирующим и жёстким, как коралл, сглаженный лишь дружелюбным говором рыбаков аламберского побережья.

Морган открыл глаза и быстро повернулся к голосу, едва удержавшись на ногах, когда лодка покачнулась от его резкого движения. Ангус, его дед, сидел с правого борта у планширя, с лёгкостью многолетнего опыта сматывая в бухту канат. Кожа на его лице и руках напоминала потрескавшуюся шкуру. Опушенную голову старого рыбака венчала густая копна серебряных волос, а его одежда из грубого сукна изнасилась и была покрыта коркой соли. Несмотря на следы прожитых лет, Ангус не

подавал никаких признаков старческой немощи. Его рассудок и его хватка оставались по-прежнему крепкими — обычное дело для тех, кто проводил всю жизнь, рыбака у скалистых берегов и островов Аламберского моря. При мысли, что его деду могла действительно потребоваться помощь, Морган невольно улыбнулся.

- Деда, да я просто...

- Уж-я то знаю, чем ты занимался, парень, - прервал его старик. - Грезил над водой. Это не к добру. Море запросто может тебя проглотить. Даже не сомневайся, мальчик. Море — как ветреная девица; не стоит даже надеяться его понять.

Морган вздохнул, подошёл к небольшой деревянной мачте в центре лодки и осторожно свернул кусок грубого полотна, представлявший собой единственный парус лодки. Он слышал эту лекцию уже по меньшей мере раз триста. Дед никогда не уставал её повторять. Голос старика продолжал зудеть, пока юный рыбак сворачивал парус в толстый свёрток. Моргану сложно было скрыть раздражение. Немного резко швырнув полотно на привычное место у носа, он был уверен, что старик неодобрительно покосился на внука.

А сам старый рыбак всё продолжал и продолжал свои наравоучения. На самом деле Морган этого не заслужил. Он жил на свете уже восемнадцать лет — и большую часть из них ходил в море. Он не был каким-то сухопутным бездельником, неспособным к работе на рыбацкой лодке, не был он и изнеженным купеческим сыном, посещавшим аламберские берега по праздникам. Он был рыбаком, рождённым в одной старейших рыболовецких семей Внутреннего моря. Но его интерес к морским глубинам, казалось, пугал деда — и как и других жителей Мурктара, сплочённых и замкнутых.

И Морган понимал, почему. Суеверные крестьяне никогда не принимали его по-настоящему. Его мать погибла при родах, а отец так сильно горевал, что одной зимней ночью вышел во Внутреннее море и уже не вернулся. Морган рос диким, целыми вечерами бегал по возвышающимся над водой скалам и утёсам, слушая песни волн и вдыхая солёный морской ветер. «Тронутый морем», его называли. Подменыш. Показывали пальцами на его бледную кожу и чёрные волосы, так отличавшиеся от солнечно-золотых лиц и рыжеватых волос коренных мурктарцев, как на подтверждение того, о чём шептались друг с другом глубокими ночами, когда с моря дул сильный ветер. Даже сейчас Морган знал, что у него за спиной многие делают знак Хатора, когда он слишком долго смотрит на море или в глубокой задумчивости сидит на издававшем виды мурктарском причале.

Он искал в себе следы ожесточения, негодования по поводу своей репутации, но ничего не обнаружил. Он рос с простым осознанием того, что никто его не понимает. У него были друзья, сообщники, которые рады были провести время между детством и взрослой мужской жизнью, украв пару кружек пенистого эля из таверны старого Боррика или играя в волну среди поросших кустарником дюн. Немало вечеров занимали и поцелуи украдкой под причалом. Но никто на самом деле не знал, что происходит у него внутри, в той безмолвной частичке души, что внимала ровному стуку сердца океана, ощущая его неутраченное притяжение подобно скрытому подводному течению. Никто об этом не знал — кроме, быть может, его отца.

Морган вздрогнул и вынырнул из задумчивости. Раздражение и негодование вытекли из него, оставляя лишь пустоту и опустошающий холод. Солнце почти зашло за горизонт, и юноша поднял взгляд, увидев в фиолетовой дымке сумерек, что дед выжидательно смотрит на него, очевидно, закончив свои рассуждения.

- Говорю, ночью поднимется свирепая буря, нам лучше закончить на сегодня.

Старик покачал головой и прошептал себе под нос что-то ещё, прежде чем развернуть брезент, которым они закрывали лодку.

Морган виновато хмыкнул и подошёл, чтобы помочь деду, протянув тонкую бечёвку сквозь небольшие отверстия по краям полотна и продев её в железные кольца, прикреплённые к бортам лодки. По правде говоря, в сумрачном небе поблизости не было ни единого облачка, но прибрежный ветер набирал силу, принося с собой жаливший холод. Он давным-давно прекратил сомневаться в способности деда предсказывать погоду.

Как только юноша закончил натягивать брезент, старик сплюнул и двинулся по набережной к Мурктару.

- Пойдём, парень, нам нужно притащить весь этот улов домой, а тут уже ночной прилив начинается. Кроме того, я сейчас не откажусь отведать немного стряпни твоей бабули.

Морган наклонился и забросил на плечо узел со свежепойманной рыбой, поблагодарив богов, что остальную часть улова они уже продали торговцам. Когда он повернулся, чтобы бросить последний взгляд на плоскодонку, поднимавшуюся и опадавшую под натиском волн, он заметил рядом с лодкой какое-то движение украдкой. Морган только собирался окликнуть деда, опасаясь, что озорной морской лев решил поиграть с лодкой и может её повредить, но тут заметил торчащую прямо над водой голову. Морган не сумел разглядеть очертания этого странного существа, но это было неважно. Глядя на него в гаснущем свете дня, он увидел лицо из своих грёз.

Она исчезла в одно мгновение, а юноша повернулся обратно к деду. Хотя они возвращались в деревню в молчании, разум Моргана был охвачен смятением.

Ночью бушевал шторм, колотивший по грубой крыше их простого дома. Морган без сна ворочался под толстым одеялом, пока на улочках и тропинках Мурктара по-волчьи завывал ветер. Дед и бабка крепко спали в соседней комнате. Он слышал их раскатистый храп, звучащий грубым контрапунктом к ярости бури. Однако к самому Моргану сон не шёл. Вместо этого он лежал, свернувшись в комок, чувствуя себя одиноким и покинутым, совсем крошечным в бесконечной ночи.

Так было весь вечер. Когда они с Ангусом вернулись домой на ужин, звёзды уже затянуло грозowymi облаками. Морган едва это заметил. С тех пор, как они покинули пристань, в его сознании ярко пылал лик морской женщины, и мысли горели от её неземной красоты. Всё остальное в сравнении с ней казалось блеклым, пустым и серым, как износившийся панцирь краба-отшельника.

Почти весь ужин он провёл в молчании, отвлекаемый набирающей громкость песней ветра. Несколько раз он едва не задохнулся от ужаса, в этом скорбном шелесте ему почудилось своё имя, исторгаемое медленным шёпотом из сырой глотки моря. Дед и бабка, сколько могли, терпели его странное состояние. В конце концов юноша получил подзатыльник от Ангуса, когда в ответ на вопрос бабушки пробормотал что-то нечленораздельное. Даже этот удар показался эхом дедовского гнева, воспоминанием о каком-то наказании из прошлого. Старый рыбак раздражённо встал из-за стола и ушёл, бормоча проклятия. Вскоре Морган тоже промямлил какое-то извинение и, пошатываясь, побрёл к кровати в поисках холодного облегчения в объятьях сна.

Ничего не вышло.

Мысли о ней пожирали Моргана, кожа пылала от предвкушения её касаний. Она хотела его, звала его голосом, полным лунного света, пены и мягкого, незаметного зова моря. Он лежал так часами, пытаясь скрыться от неё, спрятаться в потайных уголках своего разума. Но она преследовала Моргана, шептала его имя, держа его перед собой, как лампу.

Морган, приди!

Приди ко мне, милый!

Приди

Вопреки здравому смыслу он мимоходом задумался, не слышал ли его отец этот же голос в ту ночь, когда украл лодку и, надломленный скорбью, поплыл навстречу гибели в зимнем море. Может быть, подумал Морган, безумие передаётся по наследству.

Приди!

Голос. На этот раз громче, не признающий ничего, кроме подчинения. С криком он вскочил с постели, больше не в силах сопротивляться зову сирены. Влечение поглотило его, заставило выбежать из хижины в серую неподвижность ложной зари. Шторм истощил свои силы. Ветер и дождь больше не хлестали по побережью. Мир затаил дыхание, ожидая.

«Ожидая чего?» - подумал Морган.

В следующий миг он понял. Ожидая его. Поспешно растирая руки, чтобы отогнать предрассветный холод, Морган пошёл по грунтовой дороге вниз к пристани. Каждый шаг приближал юношу к *ней*. Не обращая внимание на сломанные бурей ветки, треснувшие стволы и другой мусор, усеявший тропу, он перешёл на бег. Выбора не оставалось.

И всё же, в этом зове было своего рода обещание, намёк на возможное раскрытие тайны. Если он оборвёт свою жизнь в морском безумии, как отец, то, по крайней мере, получит что-то взамен, подарок из тёмных вод, которые за эти восемнадцать лет стали ему роднее кособоких хижин Мурктара и их суеверных обитателей. Теперь он это понимал, и осознание наполнило его в равной степени ужасом и предвкушением.

Наконец, промокнув от пота и задыхаясь, он достиг конца причала. Он в отчаянии огляделся кругом, надеясь заметить загадочное существо, преследовавшее его во сне и наяву, доказательство того, что он не спятил. *Она* была здесь, небрежно держась на воде слева от плоскодонки его семьи.

Даже на таком расстоянии её красота поразила Моргана своей безупречностью. Кожа её зеленоватого лица была мягкой и гладкой, как мрамор. Тонкие черты заставили его пальцы задрожать — так сильно он хотел провести по изгибу подбородка, носа и шеи. Длинные сине-зелёные волосы, хотя и спутавшиеся от влаги над водой, легко облегли её тело.

Морган готов был немедленно броситься в холодное море, чтобы быть рядом с ней, но она открыла свои полные губы и заговорила.

- Здравствуй, человеческое дитя, сын Кевлина. Я боялась, что ты не успеешь.

Её голос был красивым и чистым, текучим, и Моргану казалось, будто она пропевает каждую фразу. Его голова готова была взорваться от вопросов. Кто она? Откуда его знает? Почему позвала сюда? Торопливо пытаюсь решить, какой из вопросов озвучить, он понял, что чары спали. Рассудок вернулся к нему.

Он снова посмотрел на загадочное создание, впервые заметив толстые перепонки между пальцами на руках, которыми она легко загребала воду. Она чуть склонила голову к плечу, очевидно, ожидая ответа.

Морган ничего не сказал, позволяя молчанию растягиваться, позволяя ритмичному стуку волн о причал, крикам рано проснувшихся чаек и слабому шороху прибрежного ветра заполнить пустоту, оставленную в нём сгинувшим наваждением.

Он был зол и изрядно напуган. Это существо воспользовалось им, манипулировало им, и когда наконец Морган заговорил, в его голосе звучала горечь.

- Конечно я пришёл. Ты не оставила мне выбора.

Она засмеялась, хотя веселья он не услышал, только слабую дрожь, подозрительно похожую на грусть.

- Выбора не осталось у всех, - мягко, едва слышно произнесло существо. Затем громче:

- Но ты должен простить меня, Морган. Времена отчаянные. Я отправила зов; ты пришёл. Торил никогда не знал более истинного сына Эльдата.

Теперь настала её очередь рассматривать юношу; её тёмные глаза встретились с его взглядом. Морган почувствовал, как утекает злость — лишь для того, чтобы ей на смену пришло... он не знал что. Раздражение? Стыд? Он чувствовал себя неловким мальчишкой под тяжестью этого чуждого взгляда.

- О-откуда т-ты знаешь м-моё имя? - быстро пробормотал он, пытаюсь как-то отвести от себя этот изучающий взгляд.

Морская женщина рассмеялась, явным образом позабавленная.

- Вы, смертные, носите свои имена так же открыто, как селки носят кожу. Узнать ваше имя — детская игра, если знать способ.

Её улыбка угасла.

- Ах, кажется, я веду себя грубо. Снова прошу прощения. Немало времени прошло с тех пор, как я в последний раз разговаривала со смертным. Я — Авадриэлиаэнворуландрал. Можешь звать меня Авадриэль. Я — алу'теэль'квессир, из народа, который твои предки называли «морскими эльфами», и мне нужна твоя помощь.

Морган потрясённо опустил на пристань. Алу'теэль'квессир. Морские эльфы. Он мечтал о встрече с одним из этих существ — и вот разговаривает с одной из них во плоти.

- Вам нужна моя помощь? - недоверчиво спросил он. - Но, госпожа...

- Авадриэль, - оборвало его создание. - Я ещё несколько веков назад отказалась от таких формальностей.

- Авадриэль, - продолжил он, решив не обращать внимания на следующие из последнего заявления эльфийки выводы. - Я простой рыбак.

«Наверняка, - подумал Морган, - это прекрасное создание, поднявшееся из глубин, просто ошиблось». Скоро она поймёт это и вернётся в своё подводное царство, оставив его в одиночестве и в дураках. Прямо сейчас он не знал, что будет хуже.

- Рыбак, - фыркнула Авадриэль. - Ты совсем не простой рыбак, Морган. Ты один из немногих смертных, кто может слышать Старую Песнь.

- Да, - продолжала она, заметив его недоумение, - море оставило на тебе свою метку, пускай даже из-за этого тебя боятся и не доверяют другие из твоего народа. Поэтому я пришла.

«Говорит, прямо как в выдумках бардов», - подумал юноша. Но неужели он мог отмахнуться от этих слов, посчитать их простой бессмыслицей, когда они исходили из уст такого создания? Как только он увидел её, мир Моргана перевернулся. Он чувствовал, что захвачен какой-то неумолимой волной, уносящей его в глубины чёрной бездны. Но слова Авадриэли казались правдой, а её присутствие давало ему точку опоры, якорь в бушующем море. Он угрюмо кивнул, слишком напуганный, чтобы говорить.

Авариэль наградила его слабой улыбкой.

- Рада видеть, что дети солнца по-прежнему храбры — хотя, боюсь, даже храбрости не хватит, чтобы спасти нас. Видишь ли, Морган, глубоко в недрах чернейшей бездны моря пробудилось великое зло, встав во главе войска своих зловещих последователей. Это войско уже разрушило Аварнот. Многие из моего народа...

Морская эльфийка замолкла, её черты исказились, и Морган увидел, какую боль она скрывает глубоко внутри. Он отвёл взгляд, не желая вмешиваться. Несколько мгновений спустя, она продолжила — теперь дрожащим шёпотом.

- Многие из моего народа отправились в залы Сашеласа, но на этом всё не закончится. С каждым днём зло набирает силу, и оно могучим приливом пронесётся по землям Фаэруна, разрушая всё на своём пути.

Что-то в её голосе заставило Моргана поднять взгляд. Авадриэль казалась бледной, краски покинули её лицо. Юноша только хотел спросить, что случилось, как большая волна толкнула её в бок, обнажив глубокую рану на правом плече. Плоть, мышцы и вены были разорваны, открывая тонкую белую кость. Морган тихонько выругался.

- Госпожа... Авадриэль, вы ранены!

Он был зол; на себя, за то, что не заметил рану раньше, и на неё, за то, что она скрывала своё состояние.

Как она с таким серьёзным ранением сумела удержаться в сознании, было за гранью его понимания. Он торопливо оглядел деревянную пристань в поисках одной из небольших шлюпок, которые моряки использовали, чтобы попадать на корабли, слишком большие для маленького деревенского причала. Скоро он нашёл

одну, привязанную рядом с грудой ржавеющих ловушек для крабов. Торопливо спустившись по скрипучей верёвочной лестнице, молодой рыбак оттолкнулся от причала и направил выдавшую виды шлюпку к раненому созданию.

- Не волнуйся о моём здоровье, Морган, - слабо запротестовала Авадриэль, когда он приблизился. - Моё послание куда важнее моей жизни.

Не обращая внимания на слова морской эльфийки, поскольку уже решил, что её жизнь куда важнее его собственной, Морган подгрёб поближе и осторожно втащил её в грубую лодчонку, стараясь не побеспокоить раненое плечо. Эльфийка была удивительно лёгкой, и несмотря на свои первоначальные возражения, не стала сопротивляться. Он осторожно опустил её на дно лодки, свернул свою верхнюю одежду и подложил её под голову, а тело укрыл истрёпанным брезентом.

Кожа Авадриэль была холодной, а её некогда ясные глаза уже начинали стекленеть. Она всё равно протянула к нему перепончатые ладони, повернула голову, обнажая три жаберных щели по обе стороны своей тонкой шеи. Он наклонился к ней, испытал приступ любопытства, когда щели шумно всосали воздух.

- Морган... ты... должен выслушать, - слабо прошептала она. - Ты должен кое-что... сделать... кое-что.

Её голос утих.

Сначала он решил, что Авадриэль умерла, поскольку её жабры перестали шевелиться, но страх улёгся, когда её грудь стала медленно подниматься и опадать. Авадриэль была серьёзно ранена, но, хвала богам, она была жива.

Он тихонько уселся в небольшой шлюпке. Предраассветный ветер хлестал по его обнажённым рукам и шее. Тонкая рубаша с короткими рукавами не защищала от свойственного этому сезону холода. Не обращая внимания, Морган начал грести. Неподальёку от пристани располагались неглубокие морские пещеры. Он заберёт Авадриэль туда, подальше от любопытных глаз и боязливых мыслей мурктарцев. Он позаботится о её ранах, а когда она очнётся, отправится ради неё на самый край Торила. Он помнил её страстную мольбу. В нём нуждались.

Кровь. Морскую воду наполнял запах крови, тяжёлый и густой. Тлакк лениво плыл среди колышущихся водорослей, смакуя этот аромат, всасывая его с каждым движением своих жаберных щелей. Аромат пробуждал какой-то глубокий отклик в сердце охотника, древний голод, древнее самого моря. Тлакк ждал, позволяя голоду накопиться, вырасти, пока тот не запел внутри — когти, клыки и рвущаяся плоть, дикая, первобытная песня.

Он быстро покачал своей зелёной чешуйчатой головой, отказываясь уходить в Место Безумия. Хотя это стоило ему больших усилий, Тлакк снова заставил себя сосредоточиться на охоте. У него ещё оставались дела, и хозяин будет недоволен, если он не сумеет выполнить свою задачу. Три громких щелчка призвали других охотников, осматривающих каменистое морское дно. Тлакк окидывал каждого свирепым взглядом, довольный тем, что они приближались с подобающим смирением. Сейчас, когда жертва совсем рядом, он не потерпит неподчинения.

Он мрачно усмехнулся, обнажив несколько рядов игольчато-острых зубов, когда собравшиеся охотники учуяли кровь. Быстрый сигнал заставил их стрелой сорваться с места, следуя по запаху. Скоро, злорадно подумал Тлакк, устремляясь за товарищами. Скоро охота закончится.

Морган сидел в сырой пещере, глядя на то, как спокойно вздымается и опадает грудь Авадриэль. У его ног стоял побитый фонарь, осторожно примостившийся между двумя покрытыми слизью сталагмитами. Грубый свет фонаря лизал неровные камни пещеры, обнажая несколько неровных каменных уступов, окружающих небольшое приливное озеро.

Они добрались до морских пещер прямо перед тем, как утреннее солнце перевалило за горизонт. Морган был рад, что сумел достичь убежища прежде, чем деревенские лодки вышли в море в поисках сегодняшнего улова. Он завёл свою шлюпку достаточно глубоко в пещеры, чтобы укрыть её от чужих взоров, а затем осторожно поднял Авадриэль и положил её на низкий, относительно плоский каменный выступ, нависающий над приливным озером, и принялся перевязывать её рану, как умел.

Теперь он сидел с затёкшей шеей, нетерпеливо ожидая, пока морская эльфийка очнётся. Безмолвие его дозора прерывал лишь медленный стук капель, гулким эхом отдававшийся в закрытом пространстве. К этому времени дед уже наверняка был в бешенстве — хотя Морган знал, что тот вышел в море, не желая терять дневной улов и постоянно думая о том, как же ему усмирить своего ленивого внука. И всё же, в зловещем холоде пещер подумал Морган, ради Авадриэль он с радостью вытерпит вещи похуже дедовского гнева.

Пока тянулся его холодный, сырой дозор над спящей морской эльфийкой, он размышлял о том, как сильно изменилась его жизнь за такой короткий промежуток времени. Вчера он даже не задумывался о лежащем за пределами берегов Мурктара мире. Сегодня он прячется в пещере с раненой морской эльфийкой, готовый бросить всё ради красоты существа, которое он даже увидеть никогда не надеялся.

Когда несколько часов спустя Авадриэль наконец очнулась, вода в озере поднялась, слабо плескаясь вокруг её тела. Вздрыгнув, она выпрямилась. Эльфийка казалась смущённой и напуганной, пока её взгляд не встретился с глазами Моргана. Тот улыбнулся, надеясь, что не выглядит таким дураком, каким себя ощущал, и осторожно подошёл, стараясь не свернуть себе от нетерпения лодыжку на скользких камнях.

Если он и ожидал услышать долгую литанию благодарности, то оказался разочарован. Хотя лицо морской эльфийки было мягким, с намёком на улыбку, её слова были резкими и твёрдыми, как сталь.

- Ты должен немедленно уйти, - сказала она. - Пока ещё не слишком поздно.

Морган снова уставился на Авадриэль. Он не понял — не хотел понимать. Он знал лишь одно — его место рядом с ней.

- Уйти? - недоверчиво переспросил он. - Авадриэль, но ты ведь ранена. Может быть, когда ты немного поправишься, мы сможем отправиться в путь вместе.

Он попытался не подавать виду, насколько ему этого хочется, и потерпел неудачу.

- К сожалению, это невозможно, Морган. У нас нет на это времени. Ты должен попасть на остров Огненной Бури и сказать волшебнику Давриму, что Аварнот пал.

Древнее зло снова освободилось. Чёрная армия готова напасть на Фаэрун прямо сейчас, и нужно предупредить волшебников об этом.

Она сделала паузу, потом добавила:

- Пожалуйста, Морган. Мне нужна твоя помощь.

Он молча проклял судьбу, отделявшую его от своего заветного желания в тот самый миг, когда узнал о нём. Уйти будет сложно, но Морган знал, что сделает это. Слишком многое стояло на кону.

Авадриэль улыбнулась, будто прочитав его мысли, и подошла поближе.

- Спасибо, - просто сказала она, и легонько коснулась его губ своими.

Морган закрыл глаза при её прикосновении. Аромат Авадриэль окружил его, опьяняя своей утончённостью. Их губы снова встретились, на этот раз крепче. По нему прокатилась волна желания, дикого и сильного, как разрывное течение. Мир поблек в этой страсти, оставляя лишь приливы и отливы тел.

Спустя какое-то время Авадриэль отстранилась.

- Морган, - тихонько, грустно прошептала она в сумраке пещеры.

Он кивнул и вытер слезу, расцветшую в её глазах.

- Знаю... пора.

С этими словами он встал и забрался в лодку.

- Я вернусь, как только смогу.

Он взял весло и медленно погрёб наружу, под грубый свет дня.

Морган позволил ритмичным ударам весла по воде поглотить его на следующий час. Море колыхалось и пенилось вокруг, угрожая перевернуть его утлое судёнышко. Нос лодки тяжело ударился в накатившую чёрную волну, и на лицо хлынула пена. Настойчивое жжение в груди и уставших руках, тяжёлый свист воздуха в лёгких, грубое дерево, натирающее голую кожу — это были его жертвоприношения, молитва богам его народа.

Боги не ответили.

Медленно, с помощью одной лишь силы воли он прокладывал путь по волнующейся воде. Когда его силы истощились и весла стали весить, как железные якоря, он вспомнил Авадриэль. Воспоминание о её губах, о солёном вкусе её языка возобновило его решимость. Слишком многое стояло на кону — его дом и его сердце. Он не может потерпеть неудачу.

После полудня жар солнца высушил пот на его теле. Язык раздулся, разбух, как кусок вываренной кожи. С глубоким вздохом Морган отложил вёсла и дал своим мышцам короткий отдых. Прикрыв глаза, он оглядел горизонт. Несколько лет назад они с друзьями улизнули и поплыли к острову волшебника на спор. Хотя ни один из бесстрашной банды исследователей так и не ступил на остров, Морган — единственный из всех — провёл свою лодку вдоль скалистого берега этого запретного места.

Даже сейчас, под палящими лучами солнца, воспоминание заставило его задрожать. Башня Даврима, пугающая и одинокая, поднималась с островного

коралла, как зуб какого-то великанского кита. Когда Морган в детстве вёл своё судёнышко вдоль острова, он не мог отделаться от мысли, что волшебник использует какое-то смертоносное заклинание из своего арсенала, чтобы покарать нарушителя.

Удар волны вывел его из задумчивости. До острова по-прежнему оставалось немалое расстояние, и он чувствовал, что время на исходе.

К вечеру, когда солнце начало свой ленивый спуск, волны улеглись. Морган торопливо вытер лоб и оглядел безмолвную сцену. Море было спокойным и ровным, его поверхность, по которой пробежала лишь лёгкая рябь, напоминала блестящую на солнце грань сине-зелёного самоцвета. Вдалеке он различил небольшую тень, тёмное пятнышко на горизонте, которое могло быть только башней Даврима. Прежде чем Морган смог порадоваться своей удаче, в глаза бросилось то, что вырвало проклятье из его пересохшей глотки. Издалека на него надвигалась тёмная и зловещая стена клубящегося тумана.

Испугавшись, Морган возобновил свои усилия, надеясь достичь места назначения прежде, чем его лодку поглотит туман. Моряки из его деревни называли такую неестественную погоду Дыханием Амберли. Туман часто завлекал ничего не подозревающие суда в морскую могилу. Зачастую обречённые корабли не могли спасти даже сигнальные костры на утёсах аламберского побережья.

С решительным вздохом Морган снова взялся за работу. Мускулы, и без того доведённые до предела, отчаянно запротестовали, но он не останавливался. Казалось, в этом безмолвном мгновении время начало застывать, пока юноша не почувствовал себя запертым в наброске какого-то художника. Он продолжает грести, это Морган знал точно, но остров как будто бы не приближался. Сначала он подумал, что грезит, пока носа лодки не коснулось первое перистое облако тумана, а следом за ним и другие, и мгла сомкнулась вокруг плотным покровом. В отчаянии он огляделся, разыскивая остров, любой ориентир в окружившем его море серости, но всё напрасно. Даже солнце, ранее хлеставшее его кожу своими свирепыми лучами, повисло блеклым и тёмным — укрытый самоцвет в мгlistом небе. Охваченный отчаянием и немалой долей злости из-за несправедливости происходящего, Морган свирепо закричал в полотно тумана.

- Будь оно всё проклято! Я не сдамся. Я не могу!

В ярости он ударил кулаком по уключине и продолжал выкрикивать проклятия туману, богам, волшебнику в его трижды проклятом замке, но прежде всего — себе, за то, что вообще согласился на эту тщетную затею.

Раздавшийся в ответ крик чайки так сильно удивил его, что он замер на полуслове. Крик снова раздался в тумане, эхом отражаясь в серой дымке, а затем птица приземлилась на нос его лодки. Испуганный появлением чайки, Морган даже не задумался, почему она улетела так далеко от берега.

- Эй, странная ты чайка, - с жалостью сказал юноша. - Улетай, пока не застряла в тумане, как бедный сын рыбака.

Крупная чайка просто наклонила голову и уставилась на юношу серьёзным взглядом.

- Кыш! - крикнул он наконец на глупое создание, позволив раздражению и злости проникнуть в свой голос. Не обращая внимания на крик, птица продолжала

его разглядывать. Наконец, чайка с тихим клёкотом ударила крыльями и поднялась на несколько футов над лодкой. Только тогда Морган заметил небольшой кристалл у неё в когтях. Когда он посмотрел на него, камень начал слабо пульсировать, озаряя мглу.

Птица снова приземлилась на лодку, бросив понимающий взгляд на Моргана, а затем снова поднялась в воздух, повиснув в нескольких футах над лодкой. Удивительно, но свет кристалла смог немного разогнать туман, позволив ему видеть окружающее на несколько шагов во всех направлениях.

Морган был озадачен, но не хотел отказываться от этого странного подарка. Он опустил вёсла в воду и последовал за чайкой и её сверкающим сокровищем. Прошли часы — или минуты, сложно было следить за временем в окружающей серой мгле — а юноша по-прежнему грёб, следуя за колдовским светом. Без предупреждения он пробился сквозь паучий лабиринт тумана, оказавшись под гаснущим светом вечернего солнца. Перед Морганом возвышалась большая белая громада башни Даврима, располагавшейся всего в пятидесяти футах от берега. Ещё несколько быстрых гребков доставили его к каменистому пляжу.

Торопливо поблагодарив любых богов, которые могли услышать, юноша вылез из лодки, потянулся, разминая сведённые мышцы, и вытащил своё судёнышко дальше на берег. Теперь, оказавшись на острове волшебника и отчасти исполнив желание Авадриэль, он ощутил надежду. «Может быть, морская эльфийка не ошиблась, выбрав меня», - подумал Морган, купаясь в приятном тепле нагретого солнцем песка. Простой рыбак, преодолевший ветер, волны и туман, чтобы доставить срочное сообщение. Ему нравилось, как это звучит, и несмотря на всю серьёзность ситуации, он не мог не думать о себе, как о герое.

Грохот прибоя напомнил ему о причине этого путешествия. С волнением он оглядел каменное сооружение в поисках какого-то входа. В угасающем свете дня башня волшебника казалась не такой зловещей, а скорее ветхой. Лишайники и мох укрывали участки потрескавшегося камня, и даже издали он различал длинные, тонкие лозы, оплетавшие башню от самого основания. Мистические стражи и волшебные печати, населявшие его воображение, куда-то пропали, сменившись обыденной реальностью песка, камня и морского ветра. С сожалением усмехнувшись своим фантазиям, рыбак Морган направился в сторону здания.

И оказался лицом к лицу со смертью.

Предупреждения не было — только слабый шорох песка. Спустя долю секунды на Моргана обрушился сильный удар. Он тяжело рухнул, из лёгких вырвался воздух. Юноша поднялся на колени, оглушённый и задыхающийся, и уставился в самое сердце кошмара. Оно возвышалось почти на шесть футов, покрытое толстой зелёной чешуей, влажно поблескивавшей в последних лучах солнца. Его человекоподобное лицо избороздили глубокие шрамы, почти полностью закрывая один глаз. Второй глаз яростно смотрел на Моргана. Холодная чёрная сфера как будто засасывала в свои глубины немногий оставшийся вокруг свет.

Создание сделало шаг вперёд и распахнуло свою слегка выступающую челюсть. Не вставая с колен, Морган увидел несколько рядов игольно-острых зубов, вне всяких сомнений, жаждущих сорвать плоть с его костей. Он хотел закричать, но воздуха по-прежнему не хватало. Вместо этого он заставил себя подняться и

спотыкаясь, в отчаянии бросился к башне. Если бы он только смог добраться до ведущей к башне тропинки, у него был бы шанс убежать от чудовища.

В тот самый миг, когда тропа оказалась в его поле зрения, Морган почувствовал, как его рубаху рвут когти, цепляют кожу. Он изогнулся, уклоняясь от следующего удара — и споткнулся. Последнее, что он видел, прежде чем голова взорвалась светом, были очертания когтей на фоне неба.

К тому времени, как в мир снова вернулись краски, солнце уже село. Бледный полумесяц луны озарял остров слабым сиянием. В его свете Морган увидел фигуру, стоящую над дымящимся трупом чудовищного создания. Мужчина, судя по заметной с такого расстояния бороде, ткнул тело концом своего длинного посоха. Морской воздух отравила вонь сгоревшего мяса.

- Хо, вижу, наш гость вернулся к нам, - воскликнул странный мужчина, закончив изучать труп.

Голос застрял у Моргана в глотке, когда он попытался ответить. Даврим Старсон — кто же ещё, догадался он, может стоять на берегу острова волшебника — ни капли не напоминал легендарного мага. Невысокий и толстый, с глубоко посаженной челюстью, красным лицом и косматой бородой цвета соли с перцем, он выглядел как простой пьяница, которого давно сгубила пагубная привычка. Волшебник тяжело пыхтел, пробираясь к лежащему рыбаку. Морган с болезненным интересом наблюдал, как его выдающийся живот с каждым шагом растягивает плотно роскошной синей мантии. Истинную силу мага выдавал только белый посох Даврима, украшенный паучьими рунами, жидким серебром стекающими по всей его длине.

Посох и глаза.

Холодные и серые, таящие обещание тысячи бурь, они заставили юношу застыть неподвижно под своим древним взглядом. Морган ощутил, как его уносит в их глубины, почувствовал, как тяжёлый взгляд волшебника оценивает его, обыскивает и не находит ничего примечательного.

- Можешь встать?

Голос. Спокойный. Ободряющий.

Свобода.

Он снова почувствовал своё тело и потянулся к протянутой пухлой руке.

- Д-да, спасибо, - пробормотал Морган. Он ещё раз покосился на валяющийся на песке труп. - Ч-что... что это за чудовище? - дрожащим голосом спросил он, не уверенный, что хочет знать ответ.

Даврим проследил за взглядом юноши.

- Желающие показаться мудрецами называют его сахуагином. Обладающие истинным пониманием просто зовут его смертью.

Волшебник на миг сделал паузу и снова повернулся к Моргану, выразительно подняв бровь.

- Однако настоящий вопрос в том, почему оно последовало за тобой сюда.

Морган помедлил, прежде чем отвечать. Волшебники, как он знал из старых сказок, были непредсказуемы и скоры на расправу — и этот в особенности. На мгновение он снова стал тем упрямым мальчиком, что плыл в маленькой лодке к острову, в страхе ожидая, когда на него падёт гнев волшебника.

Мне здесь не место!

Это мгновение закончилось, и Морган нашёл в себе достаточно храбрости, чтобы заговорить — он должен был это сделать ради Авадриэль.

- У меня послание от морской эльфийки Авадриэль, - произнёс он, надеясь, что голос не дрогнет. Даврим помрачнел.

- Продолжай, - кратко приказал он.

Волшебник молчал, когда Морган закончил пересказывать послание.

Юноше было интересно, о чём думает маг, но он боялся прервать размышления Даврима. Тишина растягивалась, и в воздухе копилось напряжение, как будто за миг до удара молнии. Морган покрылся гусиной кожей, увидев, как Даврим крепко стиснул посох.

Волшебник резко развернулся и начал подниматься обратно к своей каменной башне.

- Пойдём! - резко приказал он. - Сегодня ночью многое нужно сделать.

- Подождите! - крикнул Морган вслед удаляющейся фигуре. - Что с Авадриэль? Если эти... са...сахуагины преследовали меня, то наверняка должны знать, где она находится. Мы должны помочь ей.

- Авадриэль — воительница и дочь благородного дома, она может о себе позаботиться, - ответил Даврим, не останавливаясь. - Но если то, о чём она сообщает, правда, тогда в опасности весь Фаэрун. Грядёт великая война, и мы должны подготовиться!

Морган бросился за тучным волшебником. Мысль о Авадриэль, разрываемой на части сахуагином, вытеснила всё прочее из его разума.

- Может быть, она воительница, - крикнул он Давриму, - но прямо сейчас она одна и тяжело ранена, а где-то поблизости эти существа, готовые разорвать её на части!

Юноша недоверчиво уставился на волшебника всего в нескольких шагах впереди, который не обращал никакого внимания на его мольбы. Авадриэль будет убита, а этот жирный трус отказывается что-нибудь сделать. «Волшебник или нет, - подумал он язвительно, - я заставлю его пойти со мной».

Ускорив шаг, Морган догнал Даврима и с силой дёрнул за мясистое плечо.

- Послушайте! - крикнул он.

И немедленно пожалел о своём поступке.

Волшебник обернулся к Моргану, его глаза опасно блеснули на фоне лунного неба. Морган испуганно попятился, когда Даврим нацелил прямо на него мерцающий кончик своего жезла — и начал смеяться.

- Во имя богов, мальчишка, - сумел выговорить Даврим сквозь смех, - а ты настоящий храбрец. Немногие воины готовы столкнуться с гневом Даврима Старсона.

Тело волшебника затряслось от нового приступа хохота. Увидев, как растерялся юноша, Даврим сделал глубокий вдох и попытался взять себя в руки.

- И мудрости тебе тоже не занимать, - продолжил он, - хотя не думаю, что ты об этом знаешь. Авадриэль, возможно, единственная, кто видел силу врага. Подобные сведения, несомненно, обладают огромным значением.

Морган, захваченный врасплох, застыл на месте. Волшебник, по-прежнему посмеиваясь, поднял руку и произнёс имя. Несколько мгновений спустя из темноты вылетел знакомый белый силуэт и уселся на руку мага. Даврим прошептал что-то чайке, а затем Морган увидел, как ночь снова забирает улетающую птицу.

- Пора отправляться, парень, - тихо сказал Даврим и направился вниз по тропе, к пляжу. Заставив Моргана задуматься о переменчивой природе волшебников.

Стоя на корме лодки, Даврим прошептал слово в темнеющую ночь. Для нетерпеливо ёрзающего в небольшом судёнышке Моргана оно прозвучало зловещим шипением морской пены — древним и пропитанным силой. Лодка рванулась вперёд, рассекая волны, и вскоре вонзилась в плотную стену тумана. Ещё одно слово зажгло бледный и призрачный свет, пульсирующий на серебряном наконечнике волшебного посоха. Волшебный свет отогнал и ночь, и туман. Мрачный и непоколебимый, как древние камни его башни, Даврим окинул взглядом горизонт.

Морган не мог перестать дрожать от страха. Слова мага напугали его. Война. Она надвигалась, и волны потемнеют от крови, прежде чем она прекратится. Будь оно всё проклято, всему и всем, кого он знал, грозила опасность, которую он едва мог осознать, не говоря уже о том, чтобы с ней сражаться.

И в первую очередь в опасности была Авадриэль.

Это страшило Моргана больше всего. Морская эльфийка ранена и совсем одна, а её плоти жаждет воинство самых страшных существ Амбрели. Юноша знал, что его мир опустеет, если морская эльфийка найдёт свою гибель. Он любил её, и неважно, чары были тому причиной или нет.

Это безумие, горько подумал он. Может быть, отец был прав, в молчании и одиночестве уплыв в безлунные объятья моря. Может быть, какие-то формы безумия были лучше других.

Раздавшийся в ночи голос Даврима застал врасплох потерянного во мраке своих мыслей Моргана.

- Мы уже близко, парень. Будь начеку.

С этими словами он погасил магический свет.

Они преодолели плотную стену тумана, и в небесах снова сияла луна. В лунном свете он различал впереди призрачные очертания морских пещер.

Морган похолодел, когда они приблизились. В бледном свете он увидел несколько фигур, ползающих по камням рядом с пещерой Авадриэль. Их движения казались неловкими и скованными, но даже на таком расстоянии он узнал в них сородичей существа, бросившегося на него на острове Даврима. Он сообщил об этом магу.

- Да, парень, я вижу их, - ответил тот. - Закрой глаза, когда я дам сигнал.

Морган молча кивнул и стал ждать, пока шляпка приближалась к пещере. Сердце тяжело билось в груди. На кончике языка крутились имена нескольких божеств, но он был слишком напуган, чтобы читать молитву.

«Что я здесь делаю?» - подумал он.

- Сейчас! - крикнул Даврим.

Морган торопливо закрыл глаза руками. Даже сквозь ладони его зрение всё равно затопил свет. Свет исчез так же внезапно, как вспыхнул. Шлюпка покачнулась и он услышал плеск. Затем раздался голос волшебника.

- Быстрее гребите в пещеру и заберите Авадриэль. Я задержу этих мерзких тварей.

Все мысли исчезли, когда Морган бросился выполнять указания мага. Он быстро опустил вёсла в воду и направил лодку в пещеру. В стороне он слышал зловещее шипение сахуагинов и свирепые крики Даврима, но постарался выкинуть их из головы. Достигнув пещеры, он позвал Авадриэль.

Тихий голос ответил:

- Морган? Что ты здесь делаешь?

- Быстрее забирайся в лодку, Авадриэль. Я привёл Даврима, но здесь повсюду проклятые сахуагины.

Она прыгнула в лодку. Моргану пришлось совершить над собой усилие, чтобы не стиснуть её в объятиях. Авадриэль была жива, но их дальнейшее выживание зависело от его силы и способностей загадочного волшебника. Юноша отчаянно развернулся и погреб назад к магу. В слабом свете луны он увидел злобных существ, лежащих на камнях неподвижными горами. Даврим тяжело опирался на свой мерцающий посох — как маяк надежды среди изувеченных сахуагиновых тел.

Моргана охватило чувство облегчения. Они были в безопасности. Он спокойно направил лодку к волшебнику, воображая себе жизнь с Авадриэль. Он не смог сдержать улыбку, когда эльфийка прижалась к нему. Юноша повернулся к ней, готовый признаться в любви, и тут море под самым носом их лодки вскипело.

Последний сахуагин выскочил из воды и вскарабкался в лодку. Морган с криком оттолкнул Авадриэль, выдернул весло из уключины и замахнулся им на чудовище. Весло с глухим стуком отскочило от толстой шкуры сахуагина.

Тварь громко зашипела и взмахнула чешуйчатой лапой, переломив весло пополам. Морган беспомощно смотрел, как сахуагин пытается схватить Авадриэль. В отчаянии он схватил расколотый обломок весла и вонзил его чудовищу в грудь. На сей раз дерево пробило чешую, скользнуло мимо мышц и костей. Сахуагин взревел от боли и выбросил лапу, хлестнув Моргана по горлу, прежде чем лодка перевернулась.

Морган медленно всплыл на поверхность. Горло сжимал обруч раскалённой боли. Юноша оглянулся в поисках Авадриэль. Вдалеке он увидел сверкающий кончик посоха, который то и дело заслоняли ему тёмные волны. Конечности потяжелели, превратились в железные якоря, угрожая утащить его на дно. Голова кружилась от потери крови. Потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что ему больше не нужно держать себя на плаву. Авадриэль бесшумно подплыла сзади, чтобы поддержать юношу.

Морган попытался обернуться, чтобы увидеть её, но его онемевшие конечности не слушались. Вместо этого Авадриэль нежно уложила его на спину, осторожно поддерживая голову над водой. Несколько мгновений он молча смотрел на неё, любуясь тем, как её глаза поглощают сверкающий блеск луны, прежде чем заговорить.

-Сахуагин? - пробулькал он изорванным куском плоти и хрящей, оставшимся от его горла. Авадриэль приложила перепончатый палец к его губам.

- Тсс, Морган. Чудовища нас больше не беспокоят.

Она сделала паузу, прежде чем добавить:

- Я уже дважды обязана тебе жизнью.

Морган пытался протестовать, признаться в любви, прежде чем мрак, плясавший на границах его зрения, поглотит его навечно, но тело содрогнулась от приступа боли. Всё, что он сумел — издать единственный раздражённый вздох.

Морская эльфийка нежно погладила его по голове, как будто прочитав мысли, и тихонько заговорила в ночи.

- Не волнуйся, любовь моя, я тоже слышу этот зов своего сердца.

Авадриэль отвернулась, но Морган успел заметить выражение боли и грусти, исказившее её лицо.

- Пойдём, волшебник достал лодку. Пора уходить.

Когда она снова повернулась к нему, Морган пристально взгляделся в её глаза. Он слабо кивнул, охваченный пониманием.

- Да благословит тебя Глубинный Сашелас, - прошептала Авадриэль, прежде чем коснуться его губ своими.

При этом прикосновении Морган почувствовал, как боль вытекает из него, оставляя лишь ровное, спокойное чувство мира. Вода окутала его заботливыми объятьями любовницы. «Мы победили», - глухо подумал он, когда его тело стало тонуть. Волшебники узнали о вторжении сахуагинов, Авадриэль была в безопасности. Улыбаясь, Морган опускался в тёмные воды забвения. И ещё глубже.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Календарь Харптоса

Календарь, используемый в Забытых Королевствах повсеместно, состоит из двенадцати месяцев, ровно по тридцать дней в каждом. В одном фазрунском году - триста шестьдесят пять дней, включая пять "особых". Далее каждый месяц делится на три декады.

Новый год начинается первого числа месяца Хаммера и заканчивается тридцатого числа месяца Найтала. Года нумеруются по летоисчислению Долин, начиная с года, когда людям впервые было позволено селиться в лесах Советом Эльфов. Кроме того, годам также присвоены уникальные имена, согласно Перечню Лет. Эти имена были найдены в пророчествах Пропавшего мудреца, Огатры Сумасшедшей, и её ученика, великого провидца Алаундо.

Год Перчатки, во время которого происходили все упомянутые события - это 1369 год по Летоисчислению Долин.

Номер по порядку | Месяц | Описание

1 | Хаммер (Молот) | Разгар Зимы

- Зимнее солнцестояние -

2 | Алтуриак | Коготь Зимы или Когти Холода

3 | Чес | Месяц Закатов

4 | Тарсах | Месяц Гроз

- Зеленотравье -

5 | Миртул | Месяц Таяния

6 | Киторн | Время Цветов

7 | Флеймрул | Разгар Лета

- Летнее солнцестояние -

8 | Элеасис | Зенит Солнца

9 | Элеинт | Угасание

- Праздник урожая -

10 | Марпенот | Листопад

11 | Уктар | Увядание

- Пир Луны -

12 | Найтал | Низведение

